

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

СЕМЁНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Труды X Всероссийской научной конференции с международным участием
памяти профессора В.Ф. Семёнова
(«Семёновские чтения»)
5 декабря 2015

МПУ

Москва — 2015

УДК 94"04/14" (043)
ББК63.3(0)4я434

Редакционная коллегия:

А.Б. Ананченко, к.и.н., директор Института истории и политики.

Н.И. Винокуров, д.и.н., профессор зав. каф. истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семёнова

Н.В. Симонова, к.и.н., доцент каф. истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семёнова

Т.Н. Лощилова, к.и.н., доцент каф. истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семёнова

Е.С. Носова к.и.н., доцент каф. истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семёнова

Семеновские чтения: труды X Всероссийской научной конференции с международным участием памяти профессора В.Ф. Семенова («Семеновские чтения»)/ Под. ред. А.Б. Ананченко, Н.И. Винокурова, Н.В. Симоновой, Т.Н. Лощиловой, Е.С. Носовой - Москва: МПГУ, 2015.- 146 с.

ISBN 978-5-4263-0315-7

Сборник представляет собой публикацию материалов, представленных на X всероссийскую научную конференцию с международным участием памяти профессора В.Ф. Семёнова («Семёновские чтения»). Издание включает статьи и тезисы, посвященные актуальным проблемам Античности и Средневековья. Представленные материалы отражают современные методы и подходы к историческим исследованиям.

Сборник адресован профессиональным историкам, специалистам в области гуманитарных знаний, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами всеобщей истории.

УДК 94"04/14" (043)
ББК63.3(0)4я434

ISBN 978-5-4263-0315-7

©МПГУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....	5
<i>Симонова Н. В.</i> В. Ф. Семёнов. «Жакерия»: маленькая книжечка о большом событии	5
<i>Лоцилова Т. Н.</i> Из истории «Семеновских чтений»	7
<i>Князький И. О.</i> Траян и Децебал: историографические метаморфозы.....	11
<i>Циватый В. Г.</i> Переговорный перформанс и образ европейского дипломата Средневековья и Раннего Нового времени: от политических идеалов к институциональным реалиям.....	14
<i>Рябов П. В.</i> Средневековая христианская философия о мире человеческих чувств.....	18
СЕКЦИЯ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИКОВЕДЕНИЯ	25
<i>Можайский А. Ю.</i> Природа власти в Минойском Крите.....	25
<i>Горохова А. В.</i> Гендерные стереотипы и представления о судьбе в греческой мифологии.....	28
<i>Лысенкова А. А.</i> Религиозные представления населения европейского Боспора по данным иконографии Пелик «Керченского Стиля» и боспорского надгробного рельефа.....	31
<i>Папцова А. К.</i> Эволюция представлений о государственных образованиях северных фракийцев	35
<i>Иванов П. В.</i> Митраизм в структуре римского политеизма периода Поздней империи (к вопросу о религиозном синкретизме III –IV вв. н.э.).....	42
<i>Лысенков С. М.</i> Изменение Численности римской армии после реформы Сервия Туллия	51
<i>Куликова Ю. В.</i> Образ римской женщины в IV в. н.э.....	54
<i>Ведешкин М. А.</i> Диоклетиан, Константин и senatorская аристократия Рима .	62
<i>Биркина Н.А.</i> Женский варварский костюм позднеримского времени по материалам могильника Дружное	67
СЕКЦИЯ II. МИР ОБРАЗОВ И ОБРАЗ МИРА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	71
<i>Петросян Е. С.</i> Вардан Мамиконян: создание образа народного героя в раннесредневековой Армении	71
<i>Никитин К. С.</i> Король-Миротворец: образ Дагоберта I в Liber Historiae Francorum	74
<i>Поляков С. А.</i> Образ Кнута Великого в «Саге о Кнютлингах».....	78

<i>Носова Е.С.</i> Трансформация образа Тора в период распространения христианского вероучения	81
<i>Малков В. А.</i> Река В Традиционном Дипломатическом Ритуале Раннего Средневековья	85
<i>Капсалыкова К. Р.</i> Образ «спящего полководца» в византийской исторической Литературе X–XI вв.....	88
<i>Данилов Е. С.</i> Иконография Шартрской Секуритас	92
<i>Драгунов А. Д.</i> Формирование идеального образа рыцаря-тамплиера	97
<i>Фесенко А.В.</i> Мифологическая самоидентификация французских рыцарей... 99	
<i>Балтодано Усаров Аллан Серхе.</i> Николло Макиавелли. Вера в доблесть и фортуна.....	103
<i>Пенионжек Е. В.</i> Мистика в интеллектуальной истории Средневековья.....	106

СЕКЦИЯ III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИОДИНАМИКА

СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА..... 110

<i>Булдаков В. А.</i> Роль создания армянского алфавита в христианизации Армении в IV в. н. э.	110
<i>Земляков М. В.</i> К вопросу о зависимых категориях населения в англосаксонской Англии второй половины X – первой половины XI в.: пример Rectitudines Singularum Personarum	114
<i>Боровков Д. С.</i> Веритоты: к вопросу о чиновничьих династиях в Византийской империи в XI–XII вв.....	118
<i>Галямичев А. Н.</i> Немецкая городская колонизация в Чехии: этапы и исторические последствия	122
<i>Лапишов П. Н.</i> Участие кутногорских патрициев в политической борьбе в Чехии в начале XIV века	125
<i>Федорович М. Ю.</i> Немецкие Габсбурги и освободительная борьба Нидерландов в середине XVI века	128
<i>Горохова А. В.</i> Бесс Трокмортон — фрейлина Елизаветы I	131
<i>Смирнова М. Г.</i> Отражение истории средневековой Добруджи в образе прошлого гагаузов.....	133

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 139

CONTENTS 143

Н. В. Симонова (МПГУ)

В. Ф. СЕМЁНОВ. «ЖАКЕРИЯ»: МАЛЕНЬКАЯ КНИЖЕЧКА О БОЛЬШОМ СОБЫТИИ

Аннотация: Текст доклада Симоновой Н.В. призван привлечь внимание сегодняшних студентов, учителей, преподавателей к небольшой работе видного отечественного медиевиста В.Ф. Семенова «Жакерия». Несмотря на то, что данная публикация была осуществлена в 1958 г., она и по сей день поражает четкой, но одновременно красочной, подачей исторического материала. Здесь даны пояснения к более трем десяткам терминов, понятий, выражений Средневековья. «Жакерия» В.Ф.Семенова – неотъемлемая часть золотого фонда отечественной медиевистики.

Summary: The report of Simonova N.V. is made to draw attention of students, teachers and professors to the scientific work “Jacqueria” of V.F. Semenov the outstanding Russian mediaevalist. Despite the book was published in 1958 it still amazes with clear and at the same time colourful delivery of the material. There are given three dozens explanations of terms and collocations of the Middle Ages. “Jacqueria” of V.F. Semenov is indispensable part of the Russian Mediaevalism golden fund.

Ключевые слова: В.Ф. Семенов, Франция XIV столетия, Жакерия, Гильом Каль, Этьен Марсель, Карл Злой.

Keywords: V.F. Semenov, France in the XVI century, Jacqueria, Guillaume Cale, Etienne Marcel, Charles the Bad.

Виктора Федоровича Семёнова, как исследователя, отличала широта диапазона научных интересов. Поражает обилие тем и хронологический разброс его изысканий [1].

Среди этого разнообразия – и тема крестьянского движения (1358 г.) во Франции в период Столетней войны.

Для написания «Жакерии», опубликованной в виде учебного пособия для учителей, автор в качестве источников использовал: отрывки из «Хроник» Жана Фруассара, «Хроники первый четырех Валуа», «Больших французских хроник» Пьера д'Оржемона, «Хроники» Жана де Венетт, «Хронографа французских королей», составленного в XV в., но включивший в себя свидетельства второй половины XIV столетия; Ордонанс короля Людовика X от 3 июля 1315 года об освобождении крепостных; текст из письма Этьена Марселя к городам Фландрии от 11 июля 1358 г. [2]. Все это способствовало яркому изложению материала, к примеру, портреты Этьена Марселя и Гильома Каля.

А привлечение в качестве источника фольклорного материала, народных песен, помогает проникнуть в думы и чаяния крестьян, понять истоки протеста против благородных и знатных, против общественного неравенства.

Читатель буквально физически ощущает драматический накал тех далеких событий.

По материалам этого небольшого издания можно составить мини-словарь. Здесь даны пояснения к трем десяткам терминов и понятий. Среди них такие определения, как: серв, виллан и цензитарий; шеваж, габель, королевская талья и рельеф; цех, гильдия, буржуазия и др.

На страницах этой меленькой книжечки можно встретить происхождение тех или иных понятий и выражений.

События Жакерии представлены на фоне грандиозного исторического полотна Франции XIV столетия. Поражает охват автором большого количество фактов, сюжетов, тем, явлений, процессов, которые, выступая как контекст по отношению к основному предмету исследования, сами становятся таковыми.

Здесь трудно переоценить значимость тех суждений и выводов, которыми так щедро поделился с нами В.Ф.Семёнов по таким фундаментальным темам как: социально-экономическое развитие Франции; коммутация феодальной ренты и социальные трансформации; демографические аспекты; средневековый

город и его отношение с сельской местностью и королевской властью; процесс государственной централизации; Столетняя война и ее причины; повседневная жизнь французской деревни; и более частным сюжетам, например, «Черная смерть» 1358 г.; государственный переворот 22 февраля 1358 г., которым руководил Этьен Марсель; Великий Мартовский ордонанс и др.

Работы В.Ф.Семёнова всегда отличались ясным логическим построением. С этого ракурса его «Жакерия» просто «классика жанра» и по сей день, скорректировав методологические пассажи, может служить образцом четкой подачи исторического материала.

Весь вышеизложенный материал – свидетельство того, что эта маленькая книжечка о большом событии, вышедшая почти шестьдесят лет тому назад, не может не быть интересна и полезна сегодняшнему студенту, учителю, преподавателю. Безусловно, «Жакерия» В.Ф.Семёнова является неотъемлемой частью золотого фонда отечественной медиевистики.

Список источников и литературы

1. См. серию работ, посвященных научной и педагогической деятельности В.Ф.Семёнова: Дворецкая И.А., Симонова Н.В. Научная школа профессора В.Ф.Семёнова//Наука и школа.- М., 2014. - №1. - С.188-191; Симонова Н.В. В.Ф.Семёнов – ученый и педагог//Тезисы IX всероссийской научной конференции «Чтения памяти профессора В.Ф.Семёнова» («Семёновские чтения»). - М., 2015. - С.6-10; Симонова Н.В. Вспоминая профессора Виктора Федоровича Семёнова (К 120летию со дня рождения)//Средние века.- М., 2015.- № 76 (3-4).- С.407-416.
2. Здесь В.Ф.Семёнов пользовался переводами Н.П.Грацианского, представленными в сборнике документов «Французская деревня XII-XIV вв. и Жакерия».- М.-Л., 1935.

Т. Н. Лоцилова (МПГУ)

ИЗ ИСТОРИИ «СЕМЕНОВСКИХ ЧТЕНИЙ»

Аннотация: В статье приведен ретроспективный анализ проведения и развития конференции «Семеновские чтения» на протяжении 15 лет. Акцент сделан на важности конференции как площадки для апробации результатов научных исследований молодых ученых.

Summary: The article presents retrospective analysis of the conferencing and development of the Semenov's readings over the period of 15 years. It highlights the importance of the conference as a platform for approbation of young scientists scientific researches results.

Ключевые слова: конференция, история, «Семеновские чтения».

Keywords: Conference, history, Semenov's readings.

Первая конференция, с которой началась традиция их проведения на кафедре истории древнего мира и средних веков МПГУ состоялась 24 апреля 2000 года. Это была Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Феодальное общество: идеология, политика, культура». Возглавил организацию и проведение Конференции молодой ученый нашей кафедры, ныне доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института Всеобщей Истории РАН Александр Иванович Сидоров, кафедру в этот период возглавляла ученица Виктора Федоровича Семенова профессор, доктор исторических наук Инесса Александровна Дворецкая.

Основные цели и задачи, которые ставили в то время перед собой организаторы конференции были - предоставить площадку и возможность для общения, обмена мнениями и публикации своих материалов молодым ученым. Это было несколько иное время, конференций проводилось немного, публиковаться было сложно, интернетом еще только учились и начинали пользоваться, а приглашения на первые конференции рассылали в виде писем, через обычную почту.

С самого начала конференция стала Всероссийской и поддерживала этот статус на протяжении 15 лет. Уже с первых конференций выявились ее постоянные теперь участники - это представители московских университетов (Московский Государственный Университет, Московский Городской Педагогический Университет, Российский Государственный Гуманитарный Университет, Российский Университет Дружбы Народов и др.), сотрудники Российской Академии Наук (институт всеобщей истории, институт востоковедения), представители крупнейших российских университетов (университеты Санкт-Петербурга, Казани, Ярославля, Саратова, Екатеринбурга,

Томска и др.), а также представители университетов Украины, Белоруссии и Молдовы.

Параллельно с конференцией по истории Феодалного общества с апреля 2002 года стала проводиться межвузовская конференция и по истории Древнего мира. Она и стала носить имя профессора В.Ф. Семенова. Курирование проведения этой конференции взял на себя кандидат исторических наук, доцент Алексей Владимирович Юдин, ныне один из проректоров Московского Педагогического Открытого Университета.

В 2005 году произошло слияние двух конференций в одну, а в 2010 году объединенная конференция стала называться «Семеновские чтения».

Организацией конференции 2010-2014 гг. руководили кандидат исторических наук, доцент Андрей Юрьевич Можайский, кандидат исторических наук, доцент Куликова Ю.В. и старший преподаватель Олег Сергеевич Колганов.

В 2012 году по решению кафедры истории древнего мира и средних веков, которой в это время стал руководить доктор исторических наук, профессор Николай Игоревич Винокуров, в связи с большим количеством заявок на конференцию, была проведена Всероссийская научная конференция «Дьяковские чтения», памяти профессора, доктора исторических наук Дьякова Владимира Николаевича, посвященная проблемам истории древнего мира.

И с этого времени «Дьяковские» и «Семеновские» чтения на историческом факультете МПГУ проводятся поочередно через год.

На конференции «Семеновские чтения» 2013 года работала секция студенческой медиевистики. На ней присутствовали студенты из российских и украинских университетов. В 2015 году эта секция была выделена в отдельную конференцию, которая теперь проводится ежегодно в апреле.

Как видим история конференции «Семеновские чтения» достаточно сложна. Она прошла долгий путь. И теперь на базе кафедры истории древнего мира и средних веков им. профессора Семенова Института истории и политики

МПГУ проводится 3 конференции: сами «Семеновские чтения», «Дьяковские чтения», конференция по проблемам истории древнего мира и средних веков для студентов, бакалавров и магистрантов.

В этом году кафедра прорабатывает вопрос проведения школьной конференции. Таким образом, мы пытаемся привлечь к изучению проблем древней и средневековой истории основные слои учащихся (школьников, студентов, магистрантов, бакалавров, аспирантов), а также преподавателей и ученых для создания единого образовательного пространства.

По итогам работы каждой конференции выходит сборник с публикацией докладов участников. Первоначально – это сборник «Феодальное общество: история, политика, культура» [4], затем сборник «В поисках древности»[1], а теперь «Материалы «Семеновских чтений»[3] и «Материалы «Дьяковских чтений»[2].

Наша конференция стала стартовой площадкой для многих молодых ученых, ныне уже кандидатов и докторов наук, она дает возможность обмена опытом исторических исследований, является ориентиром в тематическом аспекте, выявляя основные и наиболее приоритетные направления исследований в различных исторических школах вузов педобразования.

Список источников и литературы

1. В поисках древности. Труды II и III межвузовских конференций молодых ученых памяти проф. В.Ф.Семенова. - М., 2005.
2. Древний мир: история и археология. Труды 1 и 2 Всероссийской научной конференции «Дьяковские чтения». М., 2015.
3. Материалы VII и VIII Всероссийских научных конференция «Чтения памяти профессора В.Ф.Семенова» («Семеновские чтения»). Москва 27 ноября 2010, Москва 26 ноября 2011. - М., 2012.; Тезисы IX Всероссийской научной конференции «Чтения памяти профессора В.Ф. Семенова» («Семеновские чтения»). Москва 7 декабря 2013 г. МПГУ: -М., 2015.
4. Феодальное общество: идеология, политика, культура. Тезисы докладов всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.- М., 2000.; Феодальное общество: идеология, политика, культура. Материалы II всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.- М., 2001.; Материалы III всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - М., 2002.

ТРАЯН И ДЕЦЕБАЛ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Аннотация: Доклад посвящён историческим спорам о происхождении восточных романцев и роли в этом войн Рима и Дакии.

Summary: This report is devoted to the historical dispute about the origin of eastern romans and role herein wars of Rome and Dacia.

Ключевые слова: Траян, Децибал, Дакия, Молдавия, Валахия, восточные романцы, исторический спор, провинция.

Keywords: Traian, Decebal, Dacia, Moldavia, Valahia, Eastern Romans, historical dispute, province.

Удивительный парадокс истории заключается в том, что, спустя долгие и долгие столетия, имена Траяна и Децебала – смертельных врагов, люто ненавидевших друг друга, оказались равнопочитаемыми, да и остаются таковыми в государстве Румыния, занимающем территорию бывшей римской провинции Дакия и сохранившем римское имя: Romania. В румынской исторической ментальности Траян и Децебал в равной степени «отцы-основатели» нации. Что лежит в основе столь удивительной исторической метаморфозы?

Здесь должно обратиться к временам становления теорий происхождения восточных романцев. Возникновение таких относится к XIII веку, когда эти теории нашли своё отражение в трудах молдавских и валашских летописцев. Толчком к исследованию этой, безусловно, важнейшей для обоих княжеств – Молдавии и Валахии – проблемы стали записки ватиканского миссионера в Молдавском княжестве Марко Бандини. Представитель римской курии безапелляционно и столь же бездоказательно написал, что восточные романцы – прямые потомки разбойников и прочих преступных элементов, коих римские императоры, освободив из-под стражи, выслали во вновь завоёванную

провинцию к северу от Дуная. Понятное дело, такая оригинальная «концепция» вызвала острую реакцию в обоих княжествах. Но чем объяснить подобную неприязнь ватиканского миссионера к предкам современных ему молдаван и валахов? Скорее всего, совершенным провалом его католической миссии. Надо заметить, что восточные романцы исторически всегда отличались стойкой приверженностью к православию. Даже в Трансильвании, бывшей тысячелетие во власти католиков-венгров, а с конца XVII в. одновременно и католической же Австрии, местные восточные романцы – волохи – сохранили свою веру, не поддавшись настойчивым попыткам окатоличивания. Можно потому полагать, что «версия» Бандини своего рода месть упорным «схизматикам».

Естественно, записки Бандини вызвали целую волну опровержений, суть которых заключалась в позиционировании утверждения, что восточные романцы происходят от «благородных римлян Траяна». Об этом писал знаменитый молдавский летописец второй половины XVII в. Мирон Костин. Специальным опровержением измышлений Бандини, попавших и в молдавские летописи, в частности, в труды Григоре Уреке, занимался великий историк Дмитрий Кантемир. Он доказывал, опираясь на источники, что дакийское население было полностью истреблено, а новая провинция заселена римскими колонистами. В дальнейшем происхождение восточных романцев исследовалось молдавскими, валашскими, трансильванскими историками, причём быстро обозначились острые противоречия между восточнороманской и венгерской историографиями, острота которых сохранилась и в наши дни. Здесь основа спора – автохтонность романского населения к северу от Дуная со времён Траяна, или же миграция его с Балкан в Средние века после того, как в 271 г. при Аврелиане (270 – 275 гг.) римляне очистили Дакию, и всё без исключения римское население покинуло провинцию. Естественно, автохтонизм ближе румынским историкам, миграционизм – венгерским. Предмет спора – Трансильвания и чьё население там более исконно. В то же время серьёзную эволюцию мы наблюдаем и в самой румынской

историографии. Если изначально она исходила из постулата происхождения восточных романцев от римских колонистов, то во второй половине XIX в. формируется теория о двух этнических предках: римских колонистах и гетто-даках, подвергшихся романизации. Наиболее последовательное обоснование эта теория нашла в трудах румынского учёного А.Д. Ксенопола. С его точки зрения, романизованное население проживало не только в собственно римской провинции Дакия, но и на всей земле гетто-даков от Тиссы до Днестра. Взгляды Ксенопола немедленно встретили острую критику другого румынского учёного Дмитрия Ончула, опубликовавшего свой труд в том же 1885 г., когда вышло первое издание исследований Ксенопола. Ончул, опираясь на первоисточники, показывал, что романизация Дакии не могла выходить за пределы Баната, Трансильвании и Олтении.

С того времени спор двух позиций продолжается и едва ли прекратится в обозримом будущем. И здесь, надо сказать, что линия Ксенопола намного представительнее линии Ончула. Наиболее полное воплощение первой мы видим в трудах классика румынской исторической науки Николае Йорги. Линия вторая представлена исследованием А. Филиппиди.

Окончательно, можно сказать, завершил формирование теории происхождения румынского народа от двух этнических компонентов и на всей территории не только исторического, но и современного проживания восточных романцев Г.И. Братиану. Его перу принадлежат труды, обосновавшие то, что принято называть «крайним автохтонизмом» и «континуитетом». Суть этого направления – непрерывное развитие одного и того же этнического субстрата на одной и той же территории на протяжении более, чем двух с половиной тысячелетий, начиная с эпохи проживания в Карпато-Дунайских землях от Тиссы до Днестра северных фракийцев. Субстрат этот являл собой своеобразный этнический монолит, о каковой разбивались все иноплеменные вторжения. Переломный момент – романизация Дакии в эпоху римского господства (106 – 171 гг.), когда и начинается, собственно, история

уже восточных романцев. Тот факт, что реальных доказательств ни такого автохтонизма, ни того же континуитета нет, представителей направления, именуемого ныне «национально-патриотическим», не смущал ещё с XIX века.

Второе направление, условно называемое «социально-критическим» продолжает существовать в современной Румынии. Оно группируется вокруг «Института социальной теории» в Бухаресте и журнала «Societate si cultura». Однако влияние и общественное значение этого направления резко уступает национально-патриотическому. Траян и Децибал в сознании большинства румын – два «отца-основателя» нации.

Разумеется, это классический случай исторической мифологии. Таковая, кстати, присуща в той или иной мере всем народам мира. Вопрос лишь в соотношении между ней и чисто научным подходом. Таковой, разумеется, во всех странах разный.

В. Г. Циватый

Дипломатическая академия Украины при МИД Украины (г. Киев)

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПЕРФОРМАНС И ОБРАЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ДИПЛОМАТА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ РЕАЛИЯМ

Аннотация: В статье анализируется внешняя политика и дипломатия европейских государств Средневековья и раннего Нового времени. Особое внимание уделяется институциональному развитию общественно-политической мысли в Европе. Определены направления развития теории и практики внешней политики и дипломатии в Европе периода Средневековья и раннего Нового времени, а также особенности институциональных, дипломатических и переговорных практик, политических идеалов и реальных образов дипломатов исследуемого периода.

Summary: The foreign policy and diplomacy of the European states of the early Modern Period is analyzed at the article. Particular attention is paid to the institutional development of

social and political thought in the Europe. The directions of development of the theory and practice of foreign policy and diplomacy in the Europe, the Middle Ages and early Modern Period, and especially institutional, diplomatic and negotiating practices, political ideals and real images of diplomats is studying period.

Ключевые слова: *внешняя политика, дипломатия, переговоры, институционализация, образ дипломата, Европа, Средневековье, раннее Новое время.*

Keywords: *foreign policy, diplomacy, negotiation, institutionalization, the image of a diplomat, Europe, Middle Ages, early Modern Period.*

В истории политической мысли и институционального развития органов внешних сношений государств, личность дипломата, переговорный процесс, дипломатия и её институты, всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе институционального строительства государств Европы [2]

Процесс образования институтов дипломатии – институционализация – подразумевает замену спонтанного и экспериментального поведения в сфере межгосударственных отношений на поведение регулируемое, ожидаемое, предсказуемое. Цели дипломатической деятельности на практике, однако, зачастую сопряжены со значительными трудностями (яркие примеры чему мы находим в описаниях Никколо Макиавелли, Филиппа де Коммина, Франческо Гвиччардини, Франсуа де Кальера и др.) [4, с. 271-285], и результаты могут не совпадать с ожиданиями и чаяниями. Связано это с целым рядом факторов и условий, эмоциями и эмоциональным состоянием в целом, которые могут или благоприятствовать, или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач политико-правового характера [11, с. 76-94].

Характеризуя представления о стратегиях поведения, личностном факторе, об эмоциях и театрально-игровых элементах в дипломатии, надо иметь в виду, что соответствующие картины будут разными в разных дипломатических практиках государств, но при этом в них можно выделить

некоторые универсалии, связанные с универсальностью человеческого опыта, на примере переговорного процесса (переговоров) в европейских странах периода Средневековья и раннего Нового времени [5]. Эмоциональная окраска переговоров всегда играла важную роль при достижении поставленных задач [7, с. 33-36]. Теория и практика дипломатии раннего Нового времени (инструментарий, переговорный процесс, стратегии поведения, формы и методы, особенности дипломатической переписки и т.д.) нашла своё отражение в следующих трудах дипломатов: Никколо Макиавелли «Государь», Филипп де Коммин «Мемуары», Франческо Гвиччардини «История Италии», Бернар де Розьер «Краткий трактат о посллах», Абрахам де Викфор «Посол и его функции», Альберико Джентили «Три книги о посольствах», Ермолао Барбаро «О службе посла» и т.д. [6].

Теоретики и практики дипломатии и переговорного процесса Средневековья и раннего Нового времени, в своём большинстве, были уверены в том, что политика и дипломатия – это искусство, определённый перформанс (перформанс), которое не зависит от морали и религии, когда речь идёт о средствах, а не о целях. Перформанс (англ. *Performance* – исполнение, представление, выступление) – форма искусства, в которой произведение составляют действия одной личности или группы в определённом месте и в определённое время. К перформансу можно отнести любую ситуацию, в т.ч. и переговоры, включающую четыре базовых элемента: время, место, тело исполнителя, отношение исполнителя (нескольких участников) и зрителя (телодвижения, жесты, мимика и т.д.) [9, р. 222-226]. В этом заключается отличие перформанса от таких форм изобразительного искусства, как картина или скульптура, где произведение определяется выставленным объектом. Дипломатия – это искусство ведения переговоров, и как институциональная форма переговорный процесс начинает формироваться в период Средневековья и раннего Нового времени [1].

Человек/Личность/Дипломат и Человек/Личность/Политик обязаны осознано или неосознанно удерживать функционально-властную универсальность в целостности посредством профессиональной компетентности, благодаря мудрости, умению вести переговоры и делать взвешенные выводы из исторических, политико-институциональных и дипломатических сравнений [10, р. 121-129]. В своих трудах они описывают плюрилатеральные (многосторонние) контакты: прямые переговоры; дипломатия – как средство; медиация (посредничество); переговорный процесс [8, с. 101-107]. В источниках анализируемого периода можно проследить типы эмоционального сопровождения процесса дипломатических переговоров [3, с. 96-113].

Таким образом, можно констатировать, что одной из важных составляющих политической культуры (идеалы и реалии) в Европе Средневековья и раннего Нового времени являются характеристики профессиональных приёмов, методов, эмоциональности в дипломатических и переговорных практиках. Разделение эмоций и разума, и трактовку эмоций как силы в дипломатических практиках и переговорах, можно считать доминирующим мотивом в европейской дипломатии и политической европейской культуре исследуемого периода.

Список источников и литературы

1. Кальер Ф., де. О способах ведения переговоров с государями: Перевод первого французского издания 1716 г. – М., 2000.
2. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. – М., 2004.
3. Собирательство и меценатство в эпоху Возрождения. – М., 2015.
4. Циватый В.Г. Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) / В.Г. Циватый // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны: Сборник научных статей / Под ред. М.А. Юсима. – М., 2013. – С. 271-285.
5. Barbiche V. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle. – Paris, 2012.
6. Black J. A History of Diplomacy. – Reaktion Books, 2010.
7. Commines Ph.de. Mémoires .- Paris, 1924-1925. – Т.3.

8. Dumont J. Corps universelle diplomatique du droit des gens. – Amsterdam, 1726. – Т. 3. – Pt. 2.
9. Lecoq J. L'Idéal et la Différence : La perception de la personnalité littéraire la Renaissance. – Genève, 1993.
10. Livet G. L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle. – Paris, 1976.
11. Mowat R.B. A History of European Diplomacy (1451-1789). – London, 1971.

П. В. Рябов (МПГУ)

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧУВСТВ

***Аннотация:** В статье анализируются антропологические концепции средневековой философии. Различные мыслители патристики и схоластики по-разному оценивали такие человеческие чувства и эмоции как любовь, сострадание, похоть и другие аффекты.*

***Summary:** In this article are analyzed anthropological conceptions of Medieval philosophy. Different patristic and scholastic thinkers differently valued such humane senses and emotions as love, compassion, libido and others affects.*

***Ключевые слова** Душа, тело, дух, чувства, любовь, патристика, схоластика, антропология.*

***Keywords:** Soul, body, spirit, senses, love, patristicism, scholasticism, antropology.*

Средние века — эпоха необузданных страстей и ярких переживаний, побуждающих людей к великим подвигам и великим злодеяниям. Об этом написаны прекрасные исследования Ж. Ле Гоффа, Й. Хейзинги, А. Гуревича. Но как осмысливались человеческие чувства средневековыми мыслителями?

Христианская антропология, во-первых, производна от христологии, во-вторых, носила трёхчленный характер (человек понимался как триединство тела, души и духа, причём сфера чувств относилась к промежуточной части, то есть к душе) и, в-третьих, конечно, мистические и рационалистические течения по-разному понимали человека. Наиболее значимые антропологические учения создали Ориген Александрийский, Аврелий Августин, Григорий Нисский, Максим Исповедник, Бонавентура, Фома Аквинский и Иоанн Дунс Скот. Их

мысли на эту тему часто связаны с мистическими практиками, устремлёнными к обожению человека, «подражанию Христу», а также неотделимы от вопросов о грехе и добродетели, отчего анализ человеческих переживаний в эту эпоху всегда аксиологически и этически акцентирован.

Христианская антропология формировалась и как наследница античных представлений о человеке (в основном, неоплатонических), и как отталкивание от античного рационализма. Особенно значим и показателен опыт Августина, утверждавшего, что главное в человеке — не разум, но воля. Как пишет Т. Б. Эриксен: «Августин первым описал беспокойство как основное состояние человека, как его судьбу. (...) Лишь в Боге мы обретаем «покой», т.е. свободу от страстей и желаний. И пока мы наконец не предстанем пред лицом Создателя, сердца наши будут пребывать в «беспокойстве». Античные стоики идеализировали бесстрашие и «спокойствие». Но Августин не считает спокойствие возможным или достойным идеалом — во всяком случае, если говорить о земной жизни человека. (...) Беспокойство свидетельствует о том, что мы не дома, что наше пребывание в этом мире лишь временно, что мы направляемся далее» [12, с. 7]. А.А. Столяров отмечал: «аффекты, к которым античность относилась как минимум с подозрением, сами по себе не свидетельствуют о моральной неупорядоченности субъекта. Любой аффект говорит прежде всего о некоем волевом стремлении. (...) Дело, следовательно, не в аффекте как таковом, а в его *качестве*, которое, в свою очередь, зависит от направленности воли и любви. (...) В силу этого лишь тот, кто вообще имеет хоть какие-нибудь аффекты, способен приближаться к Богу и удаляться от него.» [7, с.174-176]. По Августину: «вожделеют, страшатся и веселятся и добрые и злые: но первые — благим образом, а вторые — дурным, в зависимости от того, благая у людей воля или извращённая» [7, с.175].

Итак, в христианской мысли сфере чувств человека придавался более высокий статус, чем в античной философии. Воля, вера как акт воли, любовь, «сердце», «внутренний человек», — все эти понятия не сводимы только к

интеллекту, неотделимы от устремлённости души, от её желаний и страстей. «Сердце» - исток чувств, сосредоточение эмоциональной и мыслительной деятельности в человеке. «Внешний человек», «ветхий Адам», всецело связан с телом, чувственностью и греховностью падшего человечества, тогда как «внутренний человек», «Новый Адам» через любовь связан с Богом, способен к духовному преображению и восприятию благодати. Ряд чувств: сострадание, любовь — возвышаются в христианстве. «Люби и делай что хочешь» — эти слова Августина говорят о любви как открытости человека Богу. Любовь-агапе, смиренная, деятельная и бескорыстная — внутренняя связь каждого со всеми, выход человека за свои пределы, обновление души, ощущение присутствия божественного в мире, радостное чувство свободы, способ собирания мира и придания ему смысла.

Однако, реабилитация чувств в средневековой философии имела весьма относительный характер. Поскольку воля человека испорчена грехопадением, все чувства несут на себе эту порчу, а любовь бывает двух видов: устремлённой ввысь — к Богу, подлинному блаженству (порождая жителей Града Божьего), и устремлённой вниз — к мирскому, телесному, эгоистическому (порождая жителей Града Земного). Ведь душа находится посередине между грехом и благодатью, между духом (высшей частью в человеке, открытостью Богу) и телом, порождающим греховные соблазны и желания. Отсюда противоречивое и подозрительное отношение христианской философии к миру чувств (подпитываемое гностическим монашеским аскетизмом)[прим 1, 8, с.334-335]. Августин, руководствуясь евангельским призывом: «попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим.13.14.), выделял, во-первых, «похоти плоти» (животные проявления в человеке), во-вторых, «похоти очей» (суетное любопытство, пустую страсть к познанию) и, в-третьих, «гордость житейскую» (себялюбие). Подлинное счастье, по Августину, есть удовлетворение высоких желаний, направляющих любовь души на Бога. Стремление же к низшим, относительным благам повергает душу в грех [5].

Несамодостаточность, промежуточность души человека и связанных с нею переживаний, находящихся между телесным и духовным, ярко выявил уже создатель христианской философии Ориген Александрийский в трактате «О началах»: «не обратившись ещё к духу и не сделавшись одно с ним и, в то же время, прилепляясь к телу и помышляя о плотском, душа, по-видимому, не находится ни в добром, ни в явно злом состоянии, но можно сказать, бывает подобна животному. Но для неё лучше, если это возможно, прилепиться к духу и сделаться духовною.» В силу такого положения души ясно, «какие душевные страдания мы испытываем, когда чувствуем в себе, что мы как бы разрываемся на отдельные части, когда в сердцах наших происходит какая-нибудь борьба мыслей» [6, с. 239-240].

Автономию воли и чувств человека отстаивал Иоанн Дунс Скот в трактате «О страстях»: «поскольку в высшей части души, а именно в воле, имеются некоторые страсти, там располагаются и добродетели. (...) Хотя воля, предоставленная самой себе, естественным образом склоняется к совместному с чувственным влечением наслаждению, однако не является невозможным, чтобы она часто оказывала сопротивление, как это очевидно на примере добродетельных людей и святых» [2, с.473]. Бонавентура в «Путеводителе души к Богу» рассматривал страсти не как досадные помехи для ума и пассивные проявления человека, увлекающие к греху, но как активные, созидательные начала, образующие суть человеческой души в её любовном устремлении к Богу: «Желания — это прежде всего то, что в наибольшей степени движет душой. Наиболее же движет душой то, что она любит; и то, что она любит — это блаженство» [1, с. 101].

Высочайшего признания мир человеческих чувств (разумеется, не всех, но таких, как духовная любовь-агапе) достигает у таких мистиков, призывавших людей к «подражанию Христу», как Фома Кемпийский или Франциск Ассизский, в своём сочувствии к богочеловеку и самоотождествлении с ним дошедший до появления стигматов. Так

христология в теории и на практике преодолевала пропасть между трансцендентностью Божественного и имманентностью человеческого, реабилитируя и даже культивируя некоторые человеческие чувства и переживания как уже не только и уже не совсем человеческие.

Однако церковь всегда с подозрением относилась к мистическому опыту (и соответствующим переживаниям), требуя согласования его с догматами и иерархами. По словам Е.А. Торчинова: «догматические религии, базировавшиеся на индивидуальном религиозном опыте их основателей, отнюдь не были склонны ставить во главу угла его воспроизведение каждым верующим в отдельности. (...) Отсюда и особое внимание, уделявшееся догматическим религиями не индивидуальным, а групповым формам духовной практики» и «максимум институционализации — минимум живого религиозного опыта» [прим. 2, 8, с.294-295]. Поэтому преобладали иные тенденции: в восточном христианстве — монашески-аскетические, призывающие к очищению души от страстей как необходимой ступени на пути к экстазу-обожению, а в схоластике — рационалистические, негативно оценивающие аффекты и в гносеологическом аспекте (как досадные помехи в познании), и в аксиологическом, этическом, онтологическом аспектах (главное в человеке и Боге — разум, а чувства должны повиноваться ему и укрощаться им, сами же по себе они вредны).

Максим Исповедник, говоря о путях обожения человека, проповедует, вслед за Плотинем и Дионисием Псевдо-Ареопагитом, полную отрешённость духа от низшего — телесного и душевного начала. По его мысли (в изложении Г. Флоровского): «Грехопадение проявляется прежде всего в том, что человек впадает в одержимость страстью. Страсть есть болезнь воли», при которой «разум утрачивает способность и силу контроля над низшими силами души — человек страдательно (пассивно, т.е. «страстно») подчиняется стихийным силам своей природы, увлекаемый ими... (...) Человек забывает и теряет способность созерцать и узнавать Бога и Божественное». Преображение же во

Христе есть «освобождение, выход на свободу из под рабства и гнёта страстей — переход от пассивности к активности, т.е. от страдательности (включённость в круговорот бессловесной природы) к подвижности — к творчеству и подвигу» [10, с.219-220]. Максим Исповедник, негативно оценивая все человеческие страсти, выделял три их группы: самолюбие, насильничество и неведение. Страсти увлекают человека к удовольствиям или славе, уводя его вниз, к распаду. Человек должен противостоять им: «Победа над страстями есть прежде всего устроение. (...) А по существу это есть очищение, катарсис, высвобождение из чувственных пут и пристрастий» через воздержание и страдание»[10, с. 222-223].

С иных, аристотельянских позиций, но не менее бескомпромиссно осуждал человеческие чувства Фома Аквинский. В «Трактате о человеке», входящем в «Сумму теологии» он делал вывод: «Необходимо, чтобы в душе существовала сила желания», и: «Силы раздражительности и пожелания повинуются более возвышенной части [души], каковы суть ум, или разум и воля (...) В абсолютном же смысле ум достойнее воли» [11, с. 120, 127, 136]. По Аквинату, страсти — это животные свойства человека, которые душа испытывает вследствие соединения с телом. Испытывать страсть — значит нечто получать. Это свойство существа, которое чего-то не имеет. Бог, как абсолютное бытие, чистый акт, ни в чём не нуждается, а значит, не имеет и страстей. Во всём прочем бытии есть некая ущербность, неполнота, потенциальность, а потому и подверженность страстям. В человеческой душе страсти пребывают в её пассивной, желающей, животной части [3, с. 378-379]. Фома выделял страсти вожделения (направленные на обладание или избегание чем-либо) и страсти пылкости (связанные с преодолением трудностей или сопротивлением чему-либо). К страстям вожделения он относил: любовь, желание, радость, ненависть, отвращение и печаль. К страстям пылкости: надежду, отчаяние, страх, отвагу и гнев. Страсти, находясь вне морали, могут стать причиной греха и невежества. Главным же для Фомы Аквинского в Боге и

в человеке являлся разум. По Ф.Ч. Коплстону, «Он утверждал, что, тогда как воля стремится к своему объекту, интеллект обладает им в познании, а обладание лучше, чем стремление к нему» [4, с. 186]. Чувства суть формы стремления людей к благу, но что достойно и недостойно подобных чувств, должен определять разум. Свобода разума, акт интеллектуального выбора, для Фомы намного важнее, чем свобода воли (в отличие от Августина или Дунса Скота).

Примечания.

1. Торчинов Е.А., говоря о «гностических истоках монашества», справедливо подчёркивал: «гностическая закваска аскетизма, борьба с аффектами и плотскими соблазнами осталась в нём навсегда», а это усиливало отрицательное отношение средневековых мыслителей-монахов к миру человеческих чувств.
2. Вместе с тем, отмечает Торчинов Е.А: «Крупнейшим и ярким представителем эмоционально-любовного мистицизма (с эротической окраской) является св. Тереза Авильская».

Список источников и литературы

1. Бонавентура. Путеводитель души к Богу.- М., 1993.
2. Иоанн Дунс Скот. Избранное. - М., 2001.
3. Лега В.П. История западной философии. Часть первая. Античность, Средневековье, Возрождение. - М., 2009.
4. Коплстон Ф.Ч. Аквинат. Введение в философию великого средневекового мыслителя. - Долгопрудный, 1999.
5. Майоров Г.Г., Майоров Г.Г Моральное сознание античного христианства. // Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. - М., 2004.
6. Ориген. О началах. // Мистическое богословие восточной церкви. - М., 2001.
7. Столяров А.А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера. - М., 1999.
8. Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Психотехники и трансперсональные состояния. - СПб., 2000.
9. Флоровский Г. Восточные отцы V-VIII веков. - М., 1992.
10. Фома Аквинский. Сумма теологии. -Часть 1. - Киев, 2005.
11. Эриксен Т.Б. Августин. Беспокойное сердце. - М., 2003.

А. Ю. Можайский (МПГУ)

ПРИРОДА ВЛАСТИ В МИНОЙСКОМ КРИТЕ

Аннотация: В данных тезисах суммированы различные взгляды на природу власти в минойском Крите. Некоторые исследователи вслед за Артуром Эвансом считают, что критские дворцы управлялись царями и царицами. Эта точка зрения возникла под влиянием греческих мифов о доисторическом Крите, с его царем Миносом. С другой стороны, минойские фрески практически не имеют изображений лиц, распространяющих власть на остальное население. Эти и другие данные способствовали появлению альтернативного взгляда, что власть на Крите имела ритуальный характер и жрец или жрица председательствовали на главных общественных ритуальных церемониях, возможно представляя божество. Однако, ритуальная роль минойских дворцов не должна умалять их административную и экономическую функции.

Summary: In this thesis, I try to summarize the different views on the nature of power in Minoan Crete. Some scholars after Arthur Evans assumed that Cretan palaces were ruled by Kings and Queens. This view was influenced by Greek myths of prehistoric Crete with its King Minos. On the other hand, Minoan frescoes were almost free of individuals shown wielding authority over others. These and other indications gave support for a different view that power in Crete had ritual nature and priest or priestess officiating at a major communal rituals, perhaps representing a divinity. The ritual role of Minoan palaces should not, however, diminish their administrative and economic roles.

Ключевые слова: минойский Крит, минойские дворцы, Кносс, Коммос.

Keywords: Minoan Crete, Minoan palaces, Knossos, Kommos.

Начиная с сэра Артура Эванса, который прославился раскопками Кносского дворца, исследователи считали, что наиболее крупные дворцы являлись центрами царств. Греческие мифы о критском царем Миносе вдохновили Эванса связать Кносс с этим мифическим обществом. Кроме того, столь величественные дворцы могли быть созданы только централизованным обществом.[8, с. 66-67] Да и хранилища дворцов с архивами табличек линейного письма А, а в Кноссе также и линейного письма Б

предположительно могут указывать на то, что элита перераспределяла продукцию, стекавшуюся во дворцы от их подданных. Таким образом, учитывая распределительную роль дворцов и греческие мифы о царе Миносе очень легко интерпретировать наиболее помпезные комнаты дворцов, как апартаменты царей и цариц, тем более что одно помещение в Кноссе действительно имеет трон.[1, р. 131] Далее исследователи предлагают различные трактовки природы царской власти: то ли на Крите высшую власть имели цари, поскольку именно такая интерпретация рождается из легенды о Миносе, то ли царицы, ведь контекст изображения женщин на фресках в Кноссе можно интерпретировать как доминирующую роль женщин в аристократическом обществе.

Однако очень странно, что дворцовые фрески и произведения искусства практически не имеют изображений, которые можно интерпретировать как изображения представителей высшей власти над остальным населением. Что касается упоминавшегося трона в Кноссе, то он относится или к финальной фазе Второго дворцового периода (LM1B – Позднеминойский 1 Б период: ок. 1525-1450 гг. до н.э.)[7, р. 661-685] или даже ко времени микенского овладения Критом (LM2 – Позднеминойский 2 период: ок. 1425-1400 гг. до н.э.).[1, р.135] Даже в этом позднем контексте следует с осторожностью отнестись к естественному желанию интерпретировать данный трон как место восседания царя или царицы. Ведь возможна и другая интерпретация – место для жреца или жрицы, быть может, персонифицированного божества.[5, р. 63-95] Кроме того, исследователи проанализировали пути, которыми можно попасть в центральные дворы дворцов извне. Получились любопытные данные, которые говорят о том, что вплоть до Второго дворцового периода попасть в центральные дворы можно было довольно легко. По мнению некоторых исследователей в центральных и западных дворах ранних дворцовых комплексов и дворцах Первого дворцового периода проводились церемониальные действия для всего местного населения, которое попадало в

центральные дворы по специальным священным путям для процессий.[2, р.73-92] В центральные же дворы дворцов Второго дворцового периода попасть извне дворцов было гораздо сложнее и теперь здесь могли происходить церемонии для привилегированных классов минойского общества, что, видимо, изображено на некоторых фресках этого периода. Для других слоев общества, вероятно, предназначался западный двор. Именно критское общество Второго дворцового периода и еще более постдворцового периода, вероятно, подходит под традиционное восприятие минойских государств. При этом, несмотря на тенденцию запретить общественный доступ в центральные дворы из окружающего города и сельской местности, центральный двор в Кноссе мог вместить более 5000 участников церемонии, быть может, четверть населения Кносского поселения.[3, р. 57-61]

В последние десятилетия археологи находят другие дворцы, не таких крупные как Кносс, Фест или Маллия, но имеющие монументальную архитектуру и внутренние дворы. Коммос – один из таких дворцов, находится на равнине Мессара, имеет выход к морю. Ранее считалось, что это зависимый от Феста приморский центр, однако после обнаружения в Коммосе комплекса зданий управляющей элиты с внушительным внутренним двором, перед исследователями встает вопрос о степени зависимости этого и подобных ему центров от крупнейших дворцов.[6] Действительно, когда было известно лишь несколько крупных центров, то логичным было предположить, что именно они разделили сферы влияния на все остальные поселения Крита. Теперь же все выглядит не так однозначно и открыт вопрос об автономии малых дворцовых центров в ММ-LM1 (Среднеминойский – Позднеминойский 1) периоды. Если мы примем интерпретацию дворцов Среднеминойского периода как церемониальных религиозных центров, то тогда малые и крупные дворцы могли существовать и без соподчинения друг другу.

В завершении скажем, что несмотря на то, что все большее внимание исследователи обращают на ритуальный характер природы власти минойских

дворцов, не следует умалять их административную и экономическую роли, которые также были очень значимы. Хранение сельскохозяйственной продукции было велико как в Первый дворцовый период, так и во Второй дворцовый период, а административные тексты минойских дворцов, хоть и не расшифрованы, но ясно отражают большие количества продуктов питания наряду с другими ценными благами и людской рабочей силой.[4, p.242] Похоже, что минойская экономика и ритуальная сфера были тесно переплетены и являлись компонентами единой государственной системы.

Список источников и литературы

1. Bintliff, J. The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD. – Oxford, 2012.
2. Driessen, J. ИВ or not ИВ: On the beginnings of Minoan monumental building // Power and Architecture. Monumental Public Architecture in the Bronze Age Near East and Aegean (J. Bretschneider, J. Driessen, and K. van Lerberghe (eds.)). – Leuven, 2007. – P. 73-92.
3. Driessen, J. The court compounds of Minoan Crete: Royal palaces or ceremonial centres? // Athena Review 3. – 2003. – P. 57-61.
4. Nakassis, D., Galaty, M., and Parkinson, W. State and Society // The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean (E. Cline (ed.)). – Oxford, 2010. – P. 239-250.
5. Niemeier, W. Zur Deutung des Thronraumes im Palast von Knossos // AM 101. – 1986. – P. 63-95.
6. Shaw, J., and Shaw, M. Excavations at Kommos (Crete) during 1986 – 1992 // Hesperia 62(2). – 1993. – P. 129-190; Shaw, J. Kommos: A Minoan Harbor Town and Greek Sanctuary in Southern Crete. – Princeton, 2006.
7. Shaw, M. The Aegean garden // American Journal of Archaeology 97. – 1993. – P. 661-685.
8. Добровольская М.В., Можайский А.Ю. Археология: Учебное пособие. – М., 2012.

А. В. Горохова (МПГУ)

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУДЬБЕ В ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ.

Аннотация: Статья посвящена вопросам гендерной истории и восприятию судьбы древними греками. Автор прослеживает взаимосвязь между гендерными стереотипами, бытовавшими в античном обществе и их воздействием на мифологические представления эллинов.

Summary: The article refers to the questions of the gender history and perception of destiny by the ancient Greeks. The author follows the interconnection of the gender stereotypes, which were spread in the ancient society, and mentions their influence on the Greek mythology.

Ключевые слова: *гендер, мифология, судьба, античное общество.*

Keywords: *gender, mythology, destiny, ancient society.*

В современной исторической науке все больше внимания уделяется вопросам гендера [5]. Несомненно, для каждого этапа общественного развития присущи свои гендерные стереотипы и античное общество не является таким исключением. Особенно интересно отметить историю формирования взаимоотношения полов в рамках греческой мифологии, которая отражает не только мировоззрение древних эллинов, но также содержит элементы общественных отношений.

Условно, всю греческую мифологию можно разделить на два периода: доолимпийский, порожденный эпохой матриархата и олимпийский — эпохи патриархата [3, с. 20-23].

Мировоззрение первого периода связано с представлением о земле как о первоначале всего сущего. Эти идеи также отражены в трудах Платона, который говорит о том, что «первоначалом всего сущего была некая рождающая сила, по сути «женская» [4].

Женское начало в мифологии отражено также посредством эмоций, которые спонтанны и не поддаются никакому контролю. Вероятно, «время» тоже имело определенную связь с эмоциональной стороной, никто не имел возможность подчинить его своей воле, даже олимпийские боги, которые должны были пить амбросию, чтобы поддерживать свое бессмертие и молодость.

На наш взгляд представление о «времени» было тесно связано с идеей ткачества, которое было прерогативой женщин. Возможно, это послужило одной из причин, по которой Мойры были представлены в виде трех сестер, прядущих нить судьбы. Интересно проследить эволюцию образа Мойр в

рамках перехода от мифологии матриархата к мифологии патриархата. Изначально Мойра была одна [1, p. 124], а Зевс, в некоторой степени, олицетворял ее волю (Piad. X, 29)[2, s. 361-368], постепенно ее образ трансформируется и богинь становится три: Клото, Лахесис и Атропос (Plat. Pol., 617 с). Меняется также и суть взаимоотношений Зевса и богинь. С окончательным утверждением мифологии патриархата Зевс становится Мойрагетом (Paus. 5.15.5).

Однако, в эпоху эллинизма, в связи с изменениями в общественно-политических отношениях, меняется восприятие и судьбы, и времени. Большой популярностью начинает пользоваться Тюхе — символ неустойчивости мира и его изменчивости. Атрибуты богини: рог изобилия и колесо. Возможно, первый из них является отсылкой к матриархальной мифологии, идеям плодородия и первостепенной роли женщины, как детородной силы, а второй — символ переменчивости удачи.

Таким образом, гендерные стереотипы характерные для определенного этапа развития античного общества, оказывали влияние на формирование и развитие религиозных представлений древних греков, которые в свою очередь были отражены в мифологии.

Список источников и литературы

1. Filey M. The world of Odysseus. - New York, 1978.
2. Nilsson M. Die Geschichte der Griechischen Religion. - Munchen, 1967. - Vol.I. - S. 361-368.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. - М., 1990.
4. Платон. Пир.//Диалоги. Пер. с древнегреч. С.А. Жебелева. - Кн. 1. - М., 2008. - с. 717-776.
5. Селиванова Л.Л. Античная история и гендер // Мир Клио. Сборник статей в честь Л.П. Репиной. - Т.1. - М., 2007.- С. 54-67

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА ПО ДАННЫМ ИКОНОГРАФИИ ПЕЛИК «КЕРЧЕНСКОГО СТИЛЯ» И БОСПОРСКОГО НАДГРОБНОГО РЕЛЬЕФА.

Аннотация: В статье рассмотрена проблема соотношения сюжетов, изображенных на пеликах «Керченского стиля» и на боспорском надгробном рельефе. Данные категории изобразительных источников существовали в разное время. Поэтому можно предположить, что сюжеты пелик «керченского стиля», с исчезновением расписных сосудов, оставались жить в религиозном сознании боспорян, и нашли свое отражение в надгробном боспорском рельефе, но с некоторыми изменениями.

Summary: In article the problem of a ratio of the plots represented on the pelikakh of "Kerch style" and on a bosporsky gravestone relief is considered. These categories of graphic sources existed at different times. Therefore it is possible to assume that plots pelik "Kerch style", with disappearance of painted vessels, remained to live in religious consciousness boporian, and found the reflection in a gravestone bosporsky relief, but with some changes.

Ключевые слова: религиозные представления, изобразительные источники, погребальный обряд, пелики, боспорский надгробный рельеф, сюжеты.

Keywords: religious representations, graphic sources, funeral ceremony, pelik, bosporsky gravestone relief, plots.

Религия, как известно, являлась существеннейшим фактором формирования и развития духовной культуры древних обществ, исследование различных религиозных форм и аспектов имеет важное теоретическое и практическое значение.

Античные письменные источники, освещающие религиозную жизнь населения Боспорского царства, весьма скудны и обрывочны. Поэтому для получения более полной картины как для характеристики религиозных представлений боспорян, так и для изучения их культурной жизни очень важны изобразительные источники.

В докладе будет рассмотрена проблема соотношения сюжетов, изображенных на пеликах «Керченского стиля» и на боспорском надгробном

рельефе. Необходимо отметить, что данные категории изобразительных источников существовали в разное время. Поэтому одной из задач является ответ на вопрос: Была ли преемственность у этих двух источников, поскольку их основные сюжеты были посвящены загробной жизни.

Многовековое воздействие средиземноморской античной греческой культуры на северопричерноморскую периферию осуществлялось через самые разнообразные проводники – традиции общественного устройства, быт, религию и торговлю. Произведения искусства были постоянной статьей расхода как всех греческих колоний, в общем, так и Боспорского царства, в частности. Изображения на вазах рассказывают о том, как проходили похороны, свадьбы, жертвоприношения, общественные праздники[2, с. 97].

Понятие «Керченский стиль» в основном относится к изображениям, которые были нанесены акварельной краской, с определенным набором сюжетов, относящихся к переходу в потусторонний мир, а также со схематичным изображением фигур. Он появляется в первой половине IV в. до н.э., но особенно популярен во второй половине этого же столетия [1, с. 34].

Мы изучим только основные группы сюжетов, изображенных на пеликах «Керченского стиля». Одним из популярных сюжетов является изображение синкретического божества Диониса-Аполлона. Дионис как владыка преисподней, провожающий души в Аид совмещен с Аполлоном Гиперборейским. И.Ю.Шауб полагает, что главный бог патикапейского пантеона Аполлон Иетрос и близкий ему культ Аполлона Гиперборейского в начале IV в. до н.э. слились с культом Диониса, бога загробного царства[9, с. 128-129].

Одним из самых многочисленных сюжетов, изображаемых на пеликах, является протома женской головы или как еще называют данную категорию рисунков «вырастающие из земли головы». Существует много предположений какая богиня выражена в этом образе. К.Шефолд считал, что это Афродита в образе богиня подземного царства, Великая богиня смерти[2, с. 99]. И.В.Шталь

говорит о том, что это изображение Госпожи иного мира, которая предстает, то Афиной, то Деметрой или Персефоной – единой супругой Великого Царя, принимающая активное участие в жизни, посвященных в тайны культа, т.е. мистов – женщины или юноши – после завершения их земного пути. Великую богиню часто изображали с грифонами и конями, которые символизируют переход в подземное царство[10, с. 19-24].

На пеликах часто можно встретить изображения юношей, закутанных в гиматии – это мисты – это носители тайн, активный участник мистерий. Изображение данной группы сюжетов варьируется от одного персонажа до трех. Иногда в их руках можно встретить культовые предметы – стригль, который является мистическим ключом в другой мир, тимпан и жертвенных хлеб. Иногда мисты, изображались у алтаря[10, с. 24].

И, наконец, последняя группа сюжетов, к которой мы обратимся, связана с амазонками, так называемая «амазономахия». В представлении греков этого времени, амазонки были служительницами Великой богини подземного царства. Не Харон, переправлявших мертвых через Лету, встречал их в подземном мире, а местные проводники – амазонки, грифоны и их предводительница на коне. Варварские мифо-эпические предания об амазонках стали частью религиозных представлений боспорян. Тем более амазонки здесь выступали не только в качестве мифического персонажа. Смерть от руки амазонки была вполне реальной ситуацией. В мужских погребениях на некрополях Боспора найдены пелики с изображением битвы амазонки с греком, символизирующим последнее сражение с демоном смерти[2, с. 110-111].

Закончив рассмотрение основных сюжетов, изображенных на пеликах «керченского стиля», остановимся на таком памятнике погребального искусства, как боспорские стелы.

Боспорский надгробный рельеф появляется во II в. до н.э. и заканчивает свое существование во II в. н.э. Основное количество, найденных надгробий относится к I до н.э. – I в. н.э.

Изображения на рельефах надгробных стел так же, как изображения на пеликах, связаны с религиозными представлениями населения об умерших, которых почитали как героев и обожествляли. Всего исследователи выделяют восемь сюжетных групп[7, с. 115]. Мы же в рамках нашего исследования ограничимся тремя: Стоящие мужчины или женщины, женщина, сидящая в кресле и воины: пешие и всадники.

Одиноких мужчин, стоявших в ораторской позе (одна рука прижата к груди, в другой свиток), с мужскими изображениями на пеликах объединяет лишь одежда. Если там перед нами служитель загробного культа, то здесь перед нами предстает героизированный умерший[6, с. 35]. Хотя однозначно ничего утверждать нельзя. Возможно, это эволюция образа. Ведь к рубежу I в. до н.э. – I в. н.э. относится появление религиозных фиасов, целью некоторых из них было достойное погребение умершего[3, с. 121; 8, с. 369]. Аналогичную ситуацию можно было бы предположить с женским образом, однако, женщины в таких сообществах не состояли, хотя возможно, данный сюжет родственники выбирали в соответствии с религиозным наследием прошлого.

Одним из самых многочисленных сюжетов является женщина, сидящая в кресле. На счет трактовки этого сюжета мнения разделились. Одни полагают, что это героизированная умершая в образе Богини подземного царства, другие – что это сама Богиня. В ней видят синкретический образ Кибелы и Деметры[4, с. 110; 5, с. 60]. Как и в образе Владычицы подземного царства на пеликах, так и на стелах, мы видим синкретические образы. Возможно, это стремление к постепенной унификации всех божеств в какие-то базовые образы, которые в первые века н.э. нашли свое выражение в культе Бога высочайшего и Великой матери.

Сравнительный анализ воинов, борющихся с амазонками на пеликах и воинами, изображенных в движении или статично, более затруднителен. На наш взгляд, параллель состоит в том, что все эти образы представляют

героизированных умерших, поскольку умереть на поле боя считалось почетным во все времена.

Таким образом, подводя итог всему выше сказанному, можно предположить, что сюжеты пелик «керченского стиля», с исчезновением расписных сосудов, оставались жить в религиозном сознании боспорян, и нашли свое отражение в надгробном боспорском рельефе, но с некоторыми изменениями.

Список источников и литературы

1. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. – М., 1953.
2. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. – Симферополь, 2008.
3. Завойкина Н.В. Частные сообщества Пантикапея в первые века н. э. // ДБ. Вып. 6. – М., 2003.
4. Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II – III вв. н. э. // Культура античного мира. – М., 1966.
5. Кубланов М.М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре // Ежегодник музея истории религии и атеизма. – Л., 1968.
6. Кучеревская Н. Л. Приемы пространственных построений Боспорских надгробных рельефов // Научный сборник Керченского заповедника. – Вып. II. – Керчь, 2008.
7. Матковская Т. А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э. // Население и культура Крыма в первые века н. э. – Киев, 1983.
8. Сапрыкин С.Ю. Боспорские фиасы // Боспорские чтения. – Вып. X. – Керчь, 2009.
9. Шауб И.Ю. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. // Проблемы исследования античных городов. Тезисы докладов, прочитанных на III научных чтениях, посвященных памяти профессора В.Д. Блаватского. – М., 1989.
10. Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль. – М., 2000.

А. К. Папцова (Комратский ГУ)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ СЕВЕРНЫХ ФРАКИЙЦЕВ

Аннотация: В статье рассмотрены тенденции эволюции ранних государственных образований у северных фракийцев и отражение этого процесса в восприятии современников и в образе прошлого румын. Сделан вывод о существовании связи между представлением о фракийских государственных образованиях социокультурных

трансформациях в обществах, в которых проявлялся интерес к этим государственным образованиям. В настоящее время история фракийских государственных образований – важная часть образа прошлого румын.

Summary: *The article considers the tendencies of evolution of the Thracian kingdoms and a reflection of this process in the perception of contemporaries and in the Image of the past of the Romanians. The author makes conclusion about the connection between the idea of the Thracian kingdoms and socio-cultural transformations in the societies in which manifested an interest in the history of the Thracian kingdoms. At the present time the history of the Thracian kings is an important part of the image of the past of the Romanian people.*

Ключевые слова: северные фракийцы, геты, даки, Бурбиста, Децебал, государственные образования фракийцев.

Keywords: *Northern Thracians, the Getae, the Dacians, Burebista, Decebalus, the Thracian Kingdoms.*

Создание государственных образований сопровождается созданием того что можно было бы назвать «культурным проектом». Такой проект может содержать особый образ прошлого, представление о миссии государства, символическое пространство, включающее помимо собственных территорий иные территории, связанные или не связанные с реальной территорией государства в прошлом, пантеон героев, и свой «исторический календарь», включающий события имеющее реальное или символическое значение для судеб государства. Проблематика такого рода проектов осмыслялась в рамках выявления различий между памятью и историей в трудах П.Нора, а также антропологов и феноменологов религии, таких как М.Элиаде, представителей семиотической школы, таких, как Ю.М.Лотман. Сложное соотношение и взаимовлияние памяти и истории привело инициаторов «лингвистического поворота», таких как Х.Уайт и А.Данто к отрицанию самой возможности автономного исторического текста, не включенного в нарратив как в некую систему. Но сам по себе этот нарратив создавал некую дистанцию, с позиции которой рассматривалось прошлое. Однако, Ф.Анкерсмит обратил внимание на то, что потребность в изучении истории наиболее высока не в эпоху

устоявшихся оценок и сложившихся систем, а в период создания новых идентичностей, сопровождающийся обретением «возвышенного исторического опыта».

Это относится не только к политическим структурам. Так, например, рассматривая становление греческой этнографии, прослеживая предпосылки к этому в эпических поэмах и произведениях логографов. Дж.Скиннер указывает на связь осмысления специфики не-греков с процессами становления собственно греческой идентичности [1, p. 13].

Действительно, фракийцы оказываются в пределах внимания греков в период Великой греческой колонизации и одновременно в период разворачивания сложного процесса формирования эллинского самосознания, преодолевавшего до известной степени первичность полисной идентичности. В поэмах Гомера фракийцы упомянуты в числе союзников троянцев (Гомер, «Илиада», II, 844). Еще более объясним интерес к фракийцам малоазийца по месту рождения Геродота. Геродот мог, действительно, выглядеть «несвоевременным»[7]. И не только потому, что привлекавшие его внимание «структуры повседневности» выпали из предмета исторического повествования вплоть до методологии школы «Анналов» (как справедливо отмечает И.Е.Суриков), но и потому, что он зафиксировал процесс ломки и трансформации системы идентичностей, мучительного разрыва становящегося эллинского, позже европейского начала, с традиционными обществами. Этот разрыв отражен в форме «исторической обусловленности» столкновений между эллинами и варварами при сохранении пристального внимания и уважения к особенностям культурных форм не-эллинов.

Геродот застал период складывания предпосылок для формирования государственных образований у северных фракийцев. Для него геты «самые храбрые и честные среди фракийцев» (Геродот «История», IV, 93) [2], и именно они оказали сопротивление Дарию. Геродот также описывает возникновение культа Залмоксиса (Геродот «История», IV, 94). Важными для анализа

элементами его рассказа является указание на связь Залмоксиса с Пифагором, на «искусственность» культа, что свидетельствует об активности гетской элиты в поисках путей сакрализации власти. Подтверждение наличия такой тенденции можно найти посредством анализа и других культурных объектов. В частности, отражение структурных изменений во фракийских сообществах исследователи пытаются увидеть в образцах изобразительного искусства, находя в них свидетельство того, что общая мифология фракийских племен быстро трансформировалась в идеологическую доктрину, назначение которой состояло в легитимации царской власти [5, с.19].

Еще одним удачным стечением обстоятельств, связанных с геополитическими трансформациями стало время, когда обозначились пределы возможностей созданной Александром Македонским политической структуры. В период распада державы на эллинистические государства и борьбы диадохов стал возможен эпизод, когда у задунайских гетов возникло объединение племен под главенством царя Дромихета. Дромихет в 292 г. до н. э. захватил в плен выступившего против восставших гетов Лисимаха, сподвижника и полководца Александра Македонского, но затем отпустил его. Однако, более прочное объединение не было возможно, статус гегемона в регионе был достижим только как результат удачного стечения обстоятельств, в условиях многофакторности и многосубъектности процессов. Полибий так определил это состояние: «навсегда избавиться от войны они не могут, так как во Фракии много народов и владык» (Полибий, IV, 45, 46) [4].

Постепенно в результате социокультурных трансформаций появляется возможность создания более крупного образования – государства Буребисты. Этот правитель был отмечен современниками и стал значимой фигурой в образе прошлого румынского народа в период формирования румынского государства и румынской идентичности - неслучайно в Румынии ему возведено так много памятников. Он не только «создал великую державу» и «стал внушать страх даже римлянам» как об этом пишет Страбон (Страбон

«География», VII, I, 11), но и преуспел в укреплении своей власти внутри своей державы посредством ее сакрализации. Рим в этот период переживал сложный период трансформации в империю, и удачное стечение обстоятельств могло бы стать историческим шансом гетов, тем более что Буребиста продемонстрировал владение римским же оружием, вмешавшись в гражданскую войну римлян посредством обращения к Помпею. Однако, Буребиста был убит примерно в одно время с Цезарем, а для глубоких политических трансформаций необходимо время. Держава Буребисты распалась с его смертью.

Преимуществом римлян всегда была долгосрочная стратегия, состоявшая в последовательном продвижении к центрам, которые могли бы хотя бы отчасти угрожать доминированию римлян и раздроблению их посредством сложных дипломатических усилий, создания клиентских связей и т.д.

Но она могла быть нейтрализована монолитностью элиты и продвижением проекта, альтернативного римскому. Кроме того, постепенно сложились внутренние предпосылки для сворачивания наступательного характера римской внешней политики: ко II веку обозначились пределы роста империи, и при Адриане Рим перешел к стратегической обороне. Однако, предшественник его Траян разрушает державу царя даков Децебала. Это событие становится настолько значимым для него и его современников, что появилась потребность его «осмысления» в формах, соответствующих духу времени. 38 метровая колонна из каррарского мрамора была опоясана 190 метровой лентой с рельефами, воссоздающими события дако-римских войн. Подобно тому как поэма Гомера «Илиада» повествует о доблестной гибели череды героев, рельефы колонны воспроизводят события ухода в бессмертие тех, кто предпочел смерть отсутствию свободы. Эта колонна стала гробницей для Траяна и его жены, эпитафией последнему врагу Рима, которого Рим отметил как равного себе.

В.Н.Парфенов включает царя даков Децебала в пятерку величайших врагов Рима, наряду с Пирром, Ганнибалом, Митридатом Евпатором и Арминием [3, с. 215]. Вместе с тем он указывает на возможность выстраивания долгосрочных стратегических мирных отношений Рима и Дакии, что действительно могло быть намерением Домициана. Однако, уже статус «равного Риму» грозил любому такому союзнику участь Карфагена. И подобный характер отношений мог быть тактикой, не отменяющей того, что в конечном итоге Карфаген должен быть разрушен. Подлинным шансом мог быть фактор времени. Действительно, при Адриане Рим переходит к стратегической обороне, а в III веке системный кризис проявляет себя во всех сферах. Но в это время активно идет миграция готов. Гот Иордан считает гетов своими предками и даже включает рассказ о Буребисте в свой труд «О происхождении и деяниях готов» (*Getica*). Этому помогает историческая дистанция, меньшая, чем у франков создававших «Римскую» империю, но все же достаточная для того, чтобы удревнить свой образ прошлого. Если бы к моменту написания труда современный Иордану Буребиста реально столкнулся с готами, то никакое отождествление гетов с готами не было бы возможно.

Однако позже, когда будет выстраиваться образ прошлого румын, при том уважительном отношении к Буребисте, которое проявится в установлении ему памятников, именно даки и Децебал будут привлекать наибольшее внимание. В тех же случаях, когда необходимо подчеркнуть связь с гетами используется искусственный термин «гето-даки». Этому способствовало несколько причин. Румыны позиционировали себя как потомки одновременно и римлян и даков. И существование римской провинции Дакия, возникшей в результате дако-римских войн, а также процесс романизации объяснял множество обстоятельств, которые вызывали жесткие споры в румынской и молдавской историографии между авторами придерживающимися теории континуитета (преемственности) и «миграционистами». Не углубляясь в сущность аргументов в пользу той или иной концепции, стоит отметить, что

привлекательность той или иной теории для ее адептов часто связывалась с необходимостью обоснования исторических оснований для притязаний на ту или иную территорию. Возможно, в том, что даки казались более привлекательными в качестве предков, виновна устойчивая репутация готов как исторических маргиналов – классических варваров. Время от времени это приводит к использованию имени готов как нарицательного – как в случае с появлением названия «готический стиль», так и в обозначении мрачной молодежной субкультуры. Если даже гот Йордан готов был не различать гетов и готов, то тем более трудно было бы ожидать этого от наших современников.

В любом случае, даже если бы и не была доказана реальная преемственность между гетами, даками и современными румынами, румынский народ обоснованно может считать государственные образования северных фракийцев частью своей истории. Также как и итальянцы – потомки готов, лангобардов и т.д. включают историю Древнего Рима в историю Италии.

Еще в XIX веке происходят значимые изменения в восприятии античности как единственного начала европейской истории. Это проявляется и в установке памятника Арминию в Тевтобургском лесу и в постепенном вымывании классики из учебных программ. Каждый такой всплеск процессов в области формирования этнического и национального самосознания будет актуализировать интерес к доримской истории Европы. И то, что в 2013 году в Румынии была зарегистрирована петиция о переименовании Румынии в Дакию [6], отражает не столько уровень открытий в археологических изысканиях, меняющих представление о Дакии, сколько процессы в ментальной сфере современного румынского общества.

Список источников и литературы

1. Skinner J. E. The Invention of Greek Ethnography. –Oxford, 2012.
2. Геродот. История. Пер. Стратановского Г.А. – Ленинград, 1972.
3. Парфенов В.Н. Домициан и Децебал: нереализованный проект развития римско-дакийских отношений. //Античный мир и археология. - Вып.12. - Саратов, 2006.
4. Полибий. Всеобщая история. Пер. с древнегр.Ф.Мищенко. - Т.1.- М., 2004.
5. Поп И.А., Болован И.История Румынии. - Москва, 2005.

6. Румынию хотят переименовать в Дакию. [Электронный ресурс]. URL: <https://charter97.org/ru/news/2013/8/9/73690/> (дата обращения 29.11.2015).
7. Суриков И.Е. «Несвоевременный» Геродот (эпический прозаик между логографами и Фукидидом).- ВДИ, 2007. - № 1.- С.143-151

П.В. Иванов (Москва)

МИТРАИЗМ В СТРУКТУРЕ РИМСКОГО ПОЛИТЕИЗМА ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

(К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОМ СИНКРЕТИЗМЕ III –IV ВВ Н.Э.)

***Аннотация:** Доклад посвящен проблеме религиозного синкретизма в поздней римской империи. Автор исследует роль и значение митраизма в процессе трансформации римской религиозной системы в III – IV вв. н.э. Особое внимание автора привлекает особенности процесса синкретизма солярных божеств в период правления Аврелиана.*

***Summary:** The report focuses on the problem of religious syncretism in the late Roman Empire. The author explores the role and value of mithraism in the process of transformation of the Roman religious system in III - IV centuries. The author draws special attention to the ad features the process of syncretism of solar deities during the reign of Aurelianus.*

***Ключевые слова:** Римская империя, митраизм, синкретизм, солярные божества.*

***Keywords:** Roman Empire, mithraism, solar deities, syncretism.*

Одним из феноменальных явлений в духовной жизни Италии II - IV вв. н.э. было распространение мистериальных культов ориентального генезиса, среди которых особым динамизмом отличался митраизм. Митраизм оказал значительное воздействие не только на эволюцию римского политеизма, но и на формирование духовной среды периода поздней античности. Целью данной работы является изучение взаимодействия митраизма с другими ориентальными мистериями и греко-римскими культами в процессе эволюции религиозной жизни поздней римской империи. Посвящение в культ Митры не предполагало полного отказа от веры в других богов. В иерархии религиозных ценностей «правоверного» митраиста Митра был выше и значимее других божеств, соединяя в себе их наиболее существенные качества. Отсутствие

строгой религиозной демаркации, даже при учете особой организационной замкнутости митраистических общин, не создавало особых препятствий для контактов с другими культами.

Митраизм и культ Кибелы и Аттиса. Фригийская Великая Мать известная в Риме с III в. до н.э., получила статус государственной религии только при императоре Клавдии. Митраизм начал распространяться в Империи не ранее первой половины II в н.э. Митраизм, в отличие от культа Кибелы, не имел мифа об умирающем и воскресающем боге. В митраизме не было собственных публичных религиозных церемоний, которыми богат культ Кибелы. Точкой соприкосновения поклонников двух культов была одна общая сакральная церемония - тавроболия [6, р. 61-74]. Смысл данного обряда зафиксирован в одной из римских митраистических надписей: устроители тавроболий пишут, что надеются «возродиться в вечности» [8]. Очищение от грехов и надежда на возрождение - вот цель, достигаемая участниками тавроболий. Для митраистов данный обряд был воплощением центрального эпизода основного культового мифа - Тавроктонии. Культы Великой Матери тавроболии не были изначально присущи - появляются только во II в. н.э., а особую популярность приобретают к IV в. Авторы многих посвячительных надписей, обнаруженных в Риме и Лации, являются адептами не только культа Митры, Кибелы и Аттиса, но и богов традиционного греко-римского пантеона (CIMRM - 515, 516).

Митраизм и культ Юпитера Долихена. Юпитер Долихен (божество маленького коммагенского города) объектом поклонения в Италии становится во время Адриана, достигая своего апогея в правление Коммода и Северов [4, р.18]. Эпиграфический материал из Рима позволяет проследить развитие культа в четких хронологических рамках: от 150 г. н.э. (самая ранняя надпись с Авентина) до конца III в. н. э. [4, р. 21-22]. В период наивысшей своей популярности Юпитер Долихен выступает как покровитель военных и армии. При Северах сирийский Ваал приравняется к общеримскому государственному культу Юпитера Капитолийского и начинает именоваться

Iovis Optimus Maximus Dolihenus, получает храм на Авентине, приобретая статус универсального бога, повелителя мира человеческого и всего космоса [4, р. 101-126]. В конце II - нач. III в. Юпитер Долихен являет собой один из ярких примеров религиозного синкретизма, объединяя в своих рамках элементы традиционной римской идеологии («римский миф», трансформированный в сакральную идею государственности), базисный культ коммагенского Ваала, культы Сераписа и Исиды. На рельефе из авентинского долихенума, помимо изображений Юпитера и Юноны Долихенской (Сурии), помещаются изображения Исиды и Сераписа, а также Солнца, Луны, Кастора и Поллукса [9]. В другой надписи из того же долихенума Юпитер Наилучший Величайший Долихенский назван Сераписом, а Юнона - Исидой (SIRIS - 391). Исследователь культа Долихена Мерла расценивает это явление как ассимиляцию египетских божеств коммагенскими, а исследователи египетских культов более склонны видеть «тесную связь» или «взаимопроникновение» культов [3, р. 462-463]. К периоду расцвета коммагенского культа относятся и контакты между поклонниками Долихена и Митры. При раскопках долихенума на Авентине были найдены два митраистских рельефа, на одном из которых было посвящение Митре (CIMRM - 469-470). На Эсквiline обнаружена надпись, посвященная Юпитеру Долихену и Митре Непобедимому (CIMRM - 348). Близость культов объяснима схожестью идеологий. Юпитер Долихен, как и Митра, был космократором и демиургом, господином мира. Долихен - покровитель военных, дисциплины и доблести, смелости и верности. Митра - порука договора, гарант честности, стойкости, мужества и справедливости. Митра - солнечное божество, а солнце занимает важное место в идеологии Долихена. Появление Сераписа на долихенских рельефах не только указывает на смешение двух божеств, но и сближает Долихена с солнечными культами, которыми являются и митраизм и культ Сераписа (SIRIS - 391-392). Сближение культов Митры и Долихена, отчасти, продиктовано было и сходной социальной базой, особенно в дунайских провинциях. В некоторой степени сближению

двух культов могла способствовать религиозная политика императорского дома Северов, поддерживающих все восточные культы [5]. Исторические судьбы двух культов различны: Юпитер Долихен со второй половины III в. начинает терять поклонников и исчезает совсем к концу III в., а митраизм благополучно доживает до конца IV в., уступая позиции лишь христианству. Эта историческая реальность является как нельзя лучшим доказательством того, что митраизм отвечал духовным запросам определенных слоев римского общества, причем, существование митраизма не было обусловлено симпатиями или антипатиями императорского двора, как взлет и падение некоторых других восточных культов.

Митраизм и египетские культы (Исиды и Сераписа). Культ Исиды появляется на юге Аппенинского полуострова еще в III в до н.э., а расцвета достигает в эпоху империи, особенно во II-III вв. н.э. Мистериальный характер митраизма и культа Исиды, наличие инициаций в несколько степеней посвящения, развитые концепции загробной жизни с понятиями о грехе и воздаянии - все это могло сближать два культа, но ярко выраженный мужской характер митраизма препятствовал такому сближению. Культ Митры мог иметь сакральные параллели только с Сераписом, обладающим собственными мистериями, жрецами, храмами. По мнению большинства ученых, Серапис - созданное по желанию Птолемея I Сотера коллегией теологов синкретическое божество, соединяющее в себе черты Осириса, Аписа, греческих богов (Зевса, Аида, Диониса) [10, р. 48-51]. Существует альтернативная точка зрения А. Бивара, который пытается доказать, что египетский Серапис - это не что иное, как персонификация одной из ипостасей бога Митры - «господина государства» [11, с. 52-53]. Бесспорно одно - Митра и Серапис имели тенденцию к сближению, а порой и соединялись с другими солярными божествами. Известна надпись из митреума терм Каракаллы, посвящаемая Зевсу, Серапису, Гелиосу и Митре, причем боги названы «Всемогущими» и «Космократорами» (SIRIS - 389 = CIMRM - 466). Это один из классических

примеров синкретизма III в., когда тенденция к слиянию различных божеств и богов восточного мира и Греции, зародившаяся в эпоху эллинизма [12, с. 153-154], получила мощный импульс в период империи. Близость Сераписа и Митры в значительной степени обуславливалась солярным характером обоих божеств. Не только в Риме, но и в умбрийском Сентинии упоминается Юпитер Солнечный Непобедимый Серапис (SIRIS - 583), а в надписи из Лация Серапис назван Гелиосом (SIRIS - 505). На сближение Митры и Сераписа, особенно во времена Каракаллы, указывает надписание Сераписа эпитетом - Непобедимый (Invictus), характерному для Митры (SIRIS - 393, 407, 583). Близость Сераписа и Митры определялась и их ролью в загробном мире: оба они выступали в качестве судей человеческих душ. Серапис был отождествлен с Плутоном (Аидом) - повелителем подземного царства (Tacitus. Hist., IV, 83; Artem. Oneir., V, 26,93). Развитие представлений о человеческой душе, ее судьбе в загробном мире, возможностях обрести бессмертие и в египетских культах, и в митраизме могло быть связано с влиянием платонизма [7, р. 14-62]. Вероятнее всего, решение включать Сераписа, Митру, Гелиоса в общие посвященные надписи происходило на уровне частной инициативы. Показательна надпись казначея из Этрурии Апрониана (172 г.), восстановившего на свои деньги святилище Митры и при этом активнейшего почитателя Исиды и Сераписа (CIMRM - 647,655) [13, р. 462].

Митра и «Солнце Непобедимое». Наряду с Митрой, Сераписом и Долихеном в Италии получили распространение и другие солярные культы, в частности, сирийский Элагабал. Так же, как Митра, Элагабал в римском мире получил титул «Солнце Непобедимое». Внедряемый безумным и развратным императором из дома Северов, носившим имя своего сирийского бога, культ не получил первоначально широкого распространения (Herodian. V, 1-10). Единичные надписи, посвященные Солнцу Непобедимому Элагабалу известны в Риме с сер. I в.н.э. [1, р. 45]. Несмотря на солярный характер, Митра не отождествлялся с Элагабалом. Различий между двумя культами было больше,

чем сходства. Митраизм расценивал религию как частное дело граждан и, несмотря на то, что его приверженцами были Коммод, Юлиан, Северы, никогда не претендовал на общеимперскую идеологию. Культ же Непобедимого Солнца Элагабала сразу же насаждался в качестве имперской религии (Herodian., V, 5). Ритуал Элагабала предполагал открытое жертвоприношение в наземном храме с участием самого императора, в окружении придворных, коллегии жрецов, осуществляемое от имени государства. Элагабал сыграл ведущую роль в формировании концепции Sol Invictus Аврелиана, на что прямо указывает Флавий Веспасиан (S N A. Aurel., XXV, XXXI). Аврелиан стремился к установлению идеологического подкрепления деспотизма. Новый культ должен быть простым и логичным, соответствовать римским идеологическим традициям и способствовать раблепии. По Аврелиану путь к единению империи лежал через культ Солнца Непобедимого как официальной религии империи. Sol Invictus был провозглашен в 274 г. В основе культа - тот же Элагабал, но без жесткого следования восточным атрибутам, с сохранением представления об императоре как персонифицированном отражении Солнечного бога. В культ Аврелиановского Sol вошли элементы всех солярных божеств, включая и Митру. Sol Invictus Аврелиана стал суммой атрибутов и ведущих функций, принадлежащих другим богам, то есть он стал законченным выражением синкретизма. Но это был синкретизм при явном превалировании римского начала. Как справедливо отмечает Г. Хэлсберг, - «римский национализм реализовался в аврелиановском культе» [1, p. 137]. В год официального провозглашения солнечного культа был воздвигнут храм на Кампус Агриппа, учреждены игры и создана коллегия понтификов «Солнечного бога», состоящая из членов аристократических фамилий (S N A. Aurel., XXXI). Днем праздника солнечного бога был назначен день зимнего солнцестояния - 25 декабря, тогда же проводились игры [1, p. 145]. Однако, расчет императора оказался не совсем верным. Отказ от восточного колорита выразился не только в устранении «сомнительных», с точки зрения римского

менталитета, элементов культа, но и в утере эмоциональности, доверительности, «мистичности». Было утеряно как раз то, ради чего часть римского общества и обращалась к ориентальным мистериям. Аврелиановский Sol Invictus сделался неким подобием обычного императорского культа, более направленного на демонстрацию политической лояльности, чем утоление жажды души [13]. Митра имел мощное эмоциональное влияние, обещая бессмертие и наставляя человека в земной жизни. Митра не противостоял государству, но и не апологетировал его. Sol Invictus Аврелиана, стремившийся подчинить себе другие божества так, как император подчиняет подданных, был проявлением «искусственного» синкретизма, не вырвавшегося из недр религиозной жизни. Поэтому аврелиановский Sol Invictus не смог стать единой имперской религией. Даже входящие в коллегию понтификов Sol Invictus, продолжали оставаться митраистами, как например, Юний Постумиан – «Отец отцов» и понтифик бога Солнца (CIMRM -521).

Попытки некоторых отечественных исследователей представить солнечный культ Аврелиана в качестве митраизма, получившего государственный статус, на наш взгляд абсолютно безосновательны, ибо противоречат всей известной источниковой базе[14].

Митраизм и культы греко-римского пантеона. Иконографические данные указывают на то, что в основном мифе митраизма фигурируют: Сатурн, Океан, Юпитер, возможно Теллус. В митреумах Рима встречаются посвящения: всей Капитолийской триаде (CIMRM - 329), Юпитеру Всеблагому Величайшему и Минерве (CIMRM - 331), Господину Всеблагому Величайшему (CIMRM - 333.1),- эпитеты Юпитера, вероятно ему и посвящалась надпись (CIMRM- 332) [прим. 1, 8]. Одно посвящение Юпитеру Всеблагому Величайшему известно из митреума Ангеры (CIMRM -721). Однако, эти надписи не связаны с идеологией митраизма, а скорее должны были продемонстрировать лояльность поклонников Митры официальным римским культам. Отчасти, это такое же проявление сервилизма, как обращение к Митре во здравие императоров

(CIMRM - 407, 510, 626). Как известно, митраисты, в отличие от христиан, не были в оппозиции к существующим идеологическим порядкам (CIMRM- 371) [прим. 2, 8]. Они нуждались в духовном утешении, видели свой путь спасения, но не считали тотальную неприязнь к другим культам обязательным условием достижения цели.

С образом Митры-тавроктона, видимо, связано изображение Виктории, убивающей быка, обнаруженное в митреуме Санта Приска (CIMRM – 489). Возможно, что Виктория является олицетворением неотъемлемого качества Митры - Непобедимый (*Invictus*). Наряду с другими римскими божествами в митреумах встречается изображение Геркулеса (CIMRM -220, 716,723). Что может связывать образ Геркулеса с культом Митры. Вероятнее всего, это мотив тавроктонии. Среди подвигов Геркулеса - захват коров Гериона и укрощение критского быка. В обоих случаях Геркулес действует не по своей воле, а по приказу царя Эврисфея, а в конечном итоге, по воле богов. Геракл, совершая подвиги, вполне заслуживает эпитета *Invictus*, которым он, иногда, наделен в посвящениях [15, с. 102].

В мифологии Митры и Геракла есть еще одна параллель: характер взаимоотношений с Гелиосом-Солнцем. Митра - солярное божество, но не идентичное богу звезды (*Helios-Sol*). В основном мифе Митра и Солнце первоначально находятся в конфронтации, а затем Митра побеждает Солнце и заключает с ним дружеский союз. Геракл во время похищения быков Гериона намеревался сразиться с Гелиосом, а затем заручился его поддержкой.

В результате исследования мы приходим к выводу, что распространение восточных мистерий в пределах Италии, безусловно, свидетельствовало о кризисе традиционного греко-римского политеизма, одного из элементов проявления системного кризиса, охватившего римскую империю. Однако этот феномен религиозной жизни поздней римской империи может рассматриваться не только как симптом кризиса, но и как попытка «ремонта» обветшавшего здания греко-римского язычества.

Активизация тенденции религиозного синкретизма во второй пол. IV в. была связана с напряженными попытками старой античной аристократии сдержать натиск христианства, ставшего государственной религией, и посредством собирания великих фигур восточного пантеона (Серapis, Митра, Исида, Кибела) удержать язычество от окончательного краха. Одним из проявлений синкретизма, со времен «смутного» III в. до конца существования язычества в римской империи, было посвящение одних и тех же людей в разные, преимущественно мистериальные, культы.

Эрозия гражданских связей, кризис общих идеалов и целей, социальный эгоизм предопределяли не только рост общей религиозности населения, но и самую форму реализации религиозных чувств.

Примечания

1. Надпись сделана на рельефе с изображением Митры, Юпитера, Луны и Солнца
2. В одном из римских митреумов обнаружена часть скульптуры Марка Аврелия

Список источников и литературы

1. Halsberghe G.H. The cult of Sol Invictus. - Leiden, 1972.
2. Malaise M. Les conditions de penetration et de diffusion des cultes egyptiens en Italie.- Leiden, 1972.
3. Malaise Mich. Les conditions de penetration et de diffusion des cultes egyptiens en Italie. – Leiden, 1972.
4. Merlat P. Repertoire des inscriptions et monuments figures du culte de Jupiter Dolichenus. - Paris, 1951.
5. S H A. Sever., XVII, 4; Caracalla, VII, 10; Alex. Sever., XXVI, 18. - Scriptores Historiae Augustae, ed. E. Hohl, Bd 1-2, Lipsiae, 1965.
6. Turcan R. Les cultes orientaux dans le monde romain.- Paris, 1989.
7. Turcan R. Mithras Platonicus.- Leiden, 1975.
8. Vermaseren M.J. Corpus Inscriptionum et Monumentorum Religionis Mithriacae. (CIMRM). - Vol.I -2. Hague, 1956, 1960. – N 520.
9. Vidman Ladislav. Sylloge inscriptionum religionis Isiacaе et Sarapiacaе. SIRIS .- Berolini: de Gruyter, 1969. – N392.
10. Witt R.E. Isis in the Graeco-Roman World. - New York, 1971.
11. Бивар А.Д.Х. Митра и Серapis. //ВДИ. - 1991. - N3.
12. Левек Пьер. Эллинистический мир. - М., 1989.
13. Мелихов В.А. Культ римских императоров и его значение в борьбе язычества с христианством.- Харьков, 1912.
14. Шенцов М.Е. Культ Митры в Риме III в. и религиозная политика императора Аврелиана : автореферат дис. кандидата исторических наук.- Белгород, 2013.
15. Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима.- М., 1987.

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РИМСКОЙ АРМИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ СЕРВИЯ ТУЛЛИЯ

***Аннотация:** В данной статье рассматривается изменение численности римской армии после реформы Сервия Туллия. В период правления Ромула все граждане были воинами. Плененное население других латинских городов легко принималось в Римскую общину и наделялось правами гражданина. Но в VII в. до н.э., процесс вливания новых граждан сходит на нет и начинает появляться масса людей проживающих в Риме, но не несущих военную службу – плебеи. В результате вооруженных столкновений с этрусками в VI в. до н.э., остро встает вопрос о пополнении армии. Эта проблема была решена благодаря реформе Сервия Туллия, когда часть бесправного населения Рима – плебеи наделялись гражданскими обязанностями, несением военной службы.*

***Summary:** In this article is considered change of number of the roman army after reform of Serviy Tulliy. In the period of board Romula all citizens were soldiers. The captivated population of other Latin cities easily was accepted in the Roman community and was allocated with the rights of the citizen. But in the VII century BC, process of injection of new citizens comes to naught and the mass of the people who are living in Rome, but not bearing military service – plebeians starts appearing. As a result of armed conflicts with Etruscans in the VI century BC, sharply there is a question of replenishment of army. This problem was solved thanks to reform of Serviy Tulliy when part of the population deprived of civil rights Rima – plebeians were allocated with civil duties, execution of military service.*

***Ключевые слова:** римские граждане, римская армия, реформа Сервия Туллия, плебеи, курии.*

***Keywords:** Roman citizens, Roman army, reform of Serviy Tulliy, plebeians, curia.*

Одним из важнейших аспектов исследования военной истории государства всегда является численность вооруженных сил.

При изучении военной истории царского Рима, мы обязательно обращаемся к реформе Сервия Туллия.

Как сообщает нам Тит Ливий, по завершению проведения реформы Сервием Туллием была проведена перепись «Передают, что в тот раз

переписано было восемьдесят тысяч граждан» (Тит Ливий. История Рима от основания города. I.44.2). Необходимо отметить, что относительно 80 тыс. римских граждан есть ремарка Фабия Пиктора, о которой упоминает Тит Ливий. Фабий говорит, что 80 тыс., это лишь те, кто был способен носить оружие (Тит Ливий. История Рима от основания города. I.44.2).

Известно, что в республиканский период ценз учитывал не только мужчин, но также женщин и детей. Сведений относительно того, что в царское время дело обстояло иначе, у нас нет.

Попробуем разобраться в результатах реформы Сервия Тулия, как она повлияла на численность его войска, и действительно ли она составляла 80 тыс. человек.

Для удобства рассмотрения цифрового материала начнем с периода «от основания города».

Дионисий Галикарнасский, приводит следующие цифры: «Ведь число присоединившихся к Ромулу в заселении Рима не превышало 3000 пеших и 300 всадников» (Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II.16.2).

После войны и объединения с сабинянами, когда население города удвоилось (Тит Ливий. История Рима от основания города. I.13.5), в войске стало 6000 пехотинцев и 600 всадников.

Возьмем исходную цифру боеспособного мужского населения примерно в 6600 человек. Исходя из того, что эта часть народа составляла примерно треть всех римлян, можно заключить что, общее число населения Рима достигало приблизительно 20 тыс. человек. Даже если считать военнообязанную часть римлян не за треть, а за четверть, то общая численность народонаселения Ромулова Рима могла бы оказаться в пределах 25 тыс. человек. [3, с. 131]

Во время ежегодных военных столкновений римская община несла потери в боеспособном мужском населении, несравнимое со скоростью естественного воспроизводства. Для восполнения потерь в ранний царский период, когда римская община еще не достигла своих демографических

пределов, в отличие от греков, была открыта возможность для принятия новых родов из соседних покоренных племен.

И.Л. Маяк отмечает интересный порядок распределения новых родов по куриям у римлян: «...при пополнении курий могла учитываться и численность самого рода, его мужского боеспособного населения. В силу того, что комплектование войска шло от курии, было не так важно то, сколько в нее входит родов, как то, сколько в совокупности этих родов насчитывается мужчин».[3, с. 258]

Но в VII в. до н.э., согласно письменной традиции, процесс вливания новых общинников постепенно сокращается.

Если учитывать, что при Сервии Туллии, согласно Ливию (Тит Ливий. История Рима от основания города. I.44.2), по цензу граждан было 80 тыс. человек, то рост населения от Ромула до Сервия с 20-25 тыс. до 80 тыс., не удивителен. Ведь при Тулле Гостилии «число граждан», по выражению Ливия (Тит Ливий. История Рима от основания города. I.30.1-3), удвоилось за счет альбанцев, то есть их стало 40-50 тыс. Анк Марций после взятия Политория, Теллен и Фиканы переселил много тысяч латинян в Рим в качестве граждан (Тит Ливий. История Рима от основания города. I.33.1-2). Хотя эти переселенцы расцениваются обычно исследователями не как полноценные граждане, а как плебеи. [4, с. 22]

Если вспомнить ремарку Фабия Пиктора, что 80 тыс., это лишь те, кто был способен носить оружие. В таком случае все население должно было бы насчитывать 240-320 тыс. человек [3, с. 131]

В наше время убедительно аргументирована достоверность цензов II в. до н. э. число граждан в 131 г. до н.э., составляло 378-379 тыс.[1, с. 118, 2, с. 37-58] Это в полтора раза больше, чем число людей в раннем царском Риме.

Но в такой незначительный прирост с VI в. до н.э. по II в. до н.э. сложно поверить.

В связи с этим обратимся к данным И.Л. Маяк о количестве римского населения при Сервии Тулии «...принимая за более достоверные данные Ливия, можно констатировать увеличение численности населения за период от Ромула до Сервия Туллия, а точнее, до времени окончательного утверждения центуриатного порядка, на несколько десятков тысяч человек, примерно на 25-30 тыс. человек».[3, с. 134] Можно сделать вывод, что в период правления Сервия Тулия численность населения Рима составляла 45-55 тыс. человек.

Исходя из среднего показателя в 50 тыс. человек, можно заключить, что мужское боеспособное население составляла примерно треть всех римлян, то есть приблизительно 16600 человек. Даже если считать боеспособную часть римлян не за треть, а за четверть, то общая численность достигала 12500 человек. Видно, что после проведения реформы численность армии увеличилась приблизительно в 2-2,5 раза.

Подводя итог, можно отметить следующее: реформа Сервия Туллия по своим целям, прежде всего, была военной и одним из ее направлений, стало увеличение численности армии за счет внутренних ресурсов, каковыми являлись плебеи.

Список источников и литературы

1. Заборовский Я.Ю. К вопросу о достоверности цензовых списков II в. до н. э. // ВДИ. – № 2. – 1962.
2. Заборовский Я.Ю. Римские цензы периода Республики: механизм действия, проблема достоверности (III-II вв. до н. э.) // ВДИ – № 4. – 1979.
3. Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. – М.: МГУ, 1983.
4. Хан И. Плебеи и родовое общество. - In: Studia Historica. v. 94. Budapest, 1975.

Ю. В. Куликова (МПГУ)

ОБРАЗ РИМСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В IV. В.Н.Э.

Аннотация: Статья является продолжением научного интереса автора. [10]. Как изменился образ женщины и ее роль в общественно-политической и религиозной жизни римского общества в условиях наступления домината и объявления христианства

государственной религией по сравнению с предыдущими столетиями? Ясно, что IV век лишь выявил тенденции, которые зародились раньше и получили новый импульс для своего дальнейшего развития. Нам немного известно о женщинах из низших слоев, поскольку источники говорят в основном о представительницах аристократии. Женщины стали оплотом христианства, распространяя его постулаты, занимаясь благотворительностью. Представительницы императорского дома участвовали в интригах, готовы были заключать любые союзы, даже с варварами, чтобы не выпускать бразды правления или иметь влияние на политику, проводимую государством.

Summary: The article is the continuation of the scientific interest of the author. How did change the means of woman and her role in the social and political and religious life of Roman society under the conditions of the offensive of Dominatus and declaration of Christianity with established religion in comparison with the previous centuries? It is clear that IV A.D. only revealed the tendencies, which were conceived earlier and was obtained new pulse for their further development. To us few are known about the women from the lowest layers, since the sources speak in essence about the representatives of aristocracy. Women became the stronghold of Christianity, extending its postulates, being occupied by charity. The representatives of emperor house participated in the intrigues; they were ready to conclude any unions, even with the barbarians to have an influence on the policy, conducted by the Roman Empire.

Ключевые слова: женщины, христианство, власть, Римская империя.

Key words: woman, Christianity, authority, Roman Empire.

Формирование новой системы управления в Римском государстве в IV в. затронуло многие стороны жизни общества. За предыдущий век окончательно разрушился принципат, изменилось мировоззрение общества, поменялись приоритеты. В конце III в. перед нами предстают поистине уникальные представительницы «слабого» пола – Виктория, в чьих руках, вероятно, была власть в «Галльской империи» после гибели первого галльского императора Постума, и Зенобия – царица Пальмирского царства. Однако тенденции нового столетия неизбежно оказывали влияние на место и роль женщин в жизни римского общества и государства.

Женщины императорской семьи в большей степени становятся заложницами политики, вступая в брак ради важных для государства союзов.

Так, все тетрархи были связаны родственными отношениями именно посредством браков. В этой ситуации супруги и дочери становились залогом безопасности и верности для четырех властителей Римской империи, однако эти гарантии были нарушены самими же мужчинами, а женщины в этом случае превратились стали жертвами политических интриг. Например, супруга императора Диоклетиана Приска с дочерью Викторией, побывав в заточении и не сумев скрыться от Лициния, были обезглавлены, а тела их выброшены в море. В 310 году Максимиан решил вовлечь свою дочь Фаусту в заговор против её мужа Константина, но она сообщила о заговоре Константину, и убийство не удалось (Eutr., X.3.2). Примером неудачного союза может служить и Алипия, дочь императора Западной Римской империи Антемия, который, выдав ее замуж за Рицимера, так и не сумел достичь желанной цели.

В борьбе за власть женщины вступали в заговоры, заключали союзы, шли на преступления. И не только в императорской семье. Античные авторы отмечают в этот период многочисленные суды над женщинами-заговорщицами. Очень часто муж и жена составляли заговоры вместе (Amm. Marc., XIV.1.7).

Что же касается императорского дома, то наиболее известным является факт навета жены Константина Фаусты на его сына Криспа, казненного отцом. Возможно, таким образом, Фауста хотела избавиться от наследника и освободить путь к власти своим детям (Eutr., X.6.3; Aur. Vict. De Caes., XLI.12; Philostorg., II.4,326). Дочь Константина I Константина для противостояния Магненцию в Далмации организовала провозглашение императором магистра армии Ветраниона [1, s. 29-30] (Eutr., X.9.2; Philostorg., III.22; Petr. Patric., 15). А Элия Пульхерия Августа при своём младшем брате императоре Феодосии II в период 414—421 гг. фактически единолично правила империей (Sozomen., IX.1). После смерти своего брата она взяла в мужья и сделала императором полководца Маркиана без согласования с кем-либо [6, p. 316]. Призвание вождя гуннов Атилы сестрой римского императора Валентиниана Юстой Гратой

Гонорией обострило отношения с Западной Римской империей (Joan. Antioch., Fragm., IV,199; Malalas, XIV).

Эти примеры наиболее ярко показывают, какая острая борьба за власть разворачивалась в этот период с непосредственным участием женщин, не желавших оставаться в стороне и быть пешкой в чьих-то руках.

Безусловно, значительную роль в изменении образа женщин этого периода внесла новая государственная религия – христианство. Согласно выводам современных исследователей, большую часть новообращенных из аристократии составляли женщины [7,с. 372-379], которые теперь имели возможность более открыто участвовать в общественно-политической жизни общества и подчас оказывать значительное влияние.

Римские матроны возводили новые храмы, кормили многочисленных нищих, занимались благотворительностью [3], что значительно укрепляло их авторитет и положение в христианских общинах. Иерархам церкви выгодно было иметь общественно-политическую и финансовую поддержку влиятельных аристократок, поэтому представители клира делали все, чтобы огромные пожертвования не иссякали, а вдовы завещали свое имущество церкви, или использовали для личного обогащения (Coll. Avell., I.9; Amm. Marc., XXVII.3.14–15), так что в 370 г. правительство выпустило эдикт, запрещавший священникам посещать вдов, без соизволения на то их родичей, а также получать от них дары или имущество по завещанию (CTh. XVI.2.20; Amb. Ep. XVIII.15; Jerom. Ep., LI.6).

В императорскую семью христианство стало проникать уже давно. По сообщению Евсевия, вероятно, христианкой была и Юлия Мамаея, на что указывает эпитет "богобоязненная" (Euseb., VI.21.3). В семье Диоклетиана жена и дочь были христианками, хотя он и потребовал их отречения от религии в период гонений на христиан [9, с. 97]. Важным звеном в принятии Римом христианства была мать императора Константина Флавия Юлия Елена Августа,

благодаря стараниям и усилиям которой христианство обрело святыни и священные реликвии (Socr. Schol., I.17).

Возможно, именно резкое падение нравственности заставили христианских писателей, отцов Церкви, говорить о целомудрии. Девушки, посвятившие себя по христианскому обычаю служению Богу (Amm. Marc., XVIII.10.4), становятся распространенным явлением, поддерживаемым Церковью [12].

Императоры предпринимали самые суровые меры, о чем свидетельствуют казни за прелюбодеяние (напр., римскую матрону Кларитас) (Amm. Marc., XXVIII.1.28,48-49). Ужесточение политики императоров в этом отношении привело к тому, что навет на мужа и прелюбодеяние каралось смертью обоим любовникам (Amm. Marc., XV. 8. 6). Честь знатной девушки тоже защищалась законами, особенности в отношении простолюдинов, между которыми проводилась четкая грань (Amm. Marc., XV.7.5) смертная казнь для простого человека, если он обесчестит знатную девушку (Amm. Marc., XV.7.5). Особенно в падении нравственности отличились женщины, над которыми проводились частые процессы по обвинению в прелюбодеянии и безнравственности (Amm. Marc., XXVIII.1.28). В борьбе за нравственность показателем случай, когда с матроны, приговоренной к смертной казни, сорвали одежду, не дав ей прикрыться, после чего казнили и самого палача (Amm. Marc., XXVIII.1.28).

Пока влияние ортодоксального христианства было не столь сильным, многие представители императорского дома открыто поддерживали различные течения христианства. Так, Флавия Юлия Констанция, дочь Констанция I Хлора и его второй жены Феодоры, на I-м Вселенском соборе поддержала сторону ариан (Philostorg., 1.9), а супруга императора Феодосия II Евдокия некоторое время покровительствовала монофизитам [8, с. 375] (Pheorphan. Confess. Chron., 5945/445 (453)).

В IV в. постепенно изменяется образ женщины, который христианские иерархи формировали в общественном мнении в течение первых веков: от целомудренной христианки, полной смирения, отрекшейся от семейной жизни до образа раскаявшейся грешницы, верной жены, матери.

Императрица в связи с этим скорее выступала в образе матери всего государства. Поэтому благочестие, смирение, покровительство христианским подвижникам, строительство храмов, пожертвования и благотворительность - эти занятия делали их примером для других женщин, и этот образ поддерживала церковь, возводя их в дальнейшем в ранг святых. Например, Элия Флацилла, первая жена Феодосия I и мать императоров Аркадия и Гонория, была известна своим благочестием и благотворительностью (Pheophan. Confess. Chron., 5883/383). Однако, несмотря на эти изменения, девство даже в конце IV– нач. V вв. являлось более предпочтительным, поскольку такая жизнь была наиболее близкой и угодной богу, о чем в своих трудах пишут Тертуллиан, Киприан, Григорий Нисский и Василий Анкирский. Примером можем служить Элия Пульхерия Августа, сестра Феодосия II, которая в 450 г. нарушила обет только ради вступления в брак, но на условии, что он будет уважать ее девственность, а ведь на тот момент ей было уже за пятьдесят лет (Pheophan. Confess. Chron., 5942/443 (450)).

Но в конце IV в. иерархи Церкви начинают пропаганду о благе брака, необходимого для продолжения рода, восхваляя супружескую верность и проповедуя нерасторжимость этих уз, например, Аврелий Августин в работе «О супружестве и похоти» или Иоанн Златоуст в «Беседах».

В семейной жизни женщина остается матроной, и даже языческие историографы ностальгически хотят видеть мать семейства верной домоседкой (Amm. Marc., XIV.6.17). Тем не менее, упоминаются факты, когда муж и жена заставляли друг друга сделать завещания (Amm. Marc., XXVIII.4.26), что свидетельствует о конфликтах в имущественных вопросах. Женщина в этот период могла быть очень богата. Так, например, вызвавшая ожесточенные

споры продажа земель дочерью римского сенатора Меланией [прим. 1], ставшая причиной дестабилизации экономики в Западной Римской империи [4,5], указывает, что женщина могла, заручившись поддержкой императорской семьи (в этом случае Серены, жены Стилихона), распоряжаться значительным имуществом, включая недвижимость.

Женщины императорского дома и представительницы аристократии этого периода были образованы, причем многие еще по греческой и латинской традиции, с изучением ораторского искусства, философии и других наук [13, 14]. Обучением занимались христианские учителя и церковные иерархи. Сообщается, что Анастасию, дочь императора Валента II, и ее сестру учил грамоте пресвитер Маркиан (Socr. Schol., IV.9.4; Sozom., VI.9.3). Евдокия, супруга императора Феодосия II, была известна как талантливая поэтесса. Признанная впоследствии святой Марцелла брала уроки филологии, экзегетики и кахетики у Иеронима, состояла в переписке с ним [11]. Но для простых женщин образование, скорее всего, оставалось недоступным.

Образование становится все больше прерогативой мужчин, стремящихся сделать карьеру, а в Римской империи без образования это было невозможно (Aur. Vict. Epitome, XLII. 11). Но заметна и еще одна все более проявляющаяся тенденция – страх перед наукой (Amm. Marc. XXVIII. 4. 14), которая олицетворялась с язычеством. Известно, что в этот период начинаются погромы со стороны христиан языческих центров и храмов, а Отцы Церкви пишут о вредности науки (Аврелий Августин, Тертуллиан).

Женщины подвергались суду и различным наказаниям, также как и смертной казни. Так, Серена, супруга Стилихона, после его смерти была казнена по обвинению в государственной измене. По-прежнему в качестве наказания применялось изгнание в Британию, реже – в Далмацию (Amm. Marc., XXVIII. 1. 21, 23).

Таким образом, IV век лишь выявил тенденции, которые зародились раньше и получили новый импульс для своего дальнейшего развития. Нам

немногое известно о женщинах из низших слоев, поскольку источники говорят в основном о представительницах аристократии. Христианство, хотя и обрело поддержку в лице государства, вынуждено было сосуществовать с язычеством, ведь основные культовые языческие центры были разрушены уже по приказу Феодосия Великого. Однако влияние христианства на различные стороны жизни, в том числе семейной, было чрезвычайно сильным. Стоит отметить такие явления, как монашеское движение среди женщин в этот период, и все большее отдаление от латинской образованности. Женщины этого века стали оплотом христианства, распространяя его постулаты, проповедуя Истину своими делами, но религия занимала в их жизни не самую значительную часть. Борьба Церкви за власть вольно или невольно вовлекала и женщин. Так, Гипатия стала жертвой не только подогреваемой ненависти к наукам, но и помехой в борьбе за новую паству в Александрийской епархии. Представительницы императорского дома участвовали в интригах, готовы были заключать любые союзы с варварами, чтобы, опираясь на их силу, не потерять свое влияние на политику Римского государства. Поэтому с уверенностью можно заключить, что образ и роль женщины в IV в. значительно отличаются от предыдущих столетий.

Примечания.

1. Вырученные деньги Мелания Младшая пустила на благотворительность, строя церкви и выкупая рабов. Впоследствии она была признана святой. Мелания была подругой Аврелия Августина и Иеронима Стридонского. Проданные земли были заняты Аларихом.

Список источников и литературы

1. Bleckmann B. Constantina, Vetrano und Gallus Caesar // *Chiron*. 1994. - № 24.
2. Brown P. R. L. Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // *The Journal of Roman Studies*. 1961. - Vol. 51. - P. 1–11.
3. Carlos M. Roman Aristocrats and the Christianization of Rome // *Pagans and Christians in the Roman Empire: The breaking of a dialogue*. - Berlin, 2011.- P. 493- 516.
4. Demandt A., Brummer G. Der Prozess gegen Serena im Jahre 408 n.Chr. // *Historia*. 1977. - Bd.26.- S. 479 -502;
5. Murphy F. X. Melania the Elder: A Biographical note – *Traditio*, 1947. - Vol. 5. - P. 59-77.
6. *Prosopography of the Later Roman Empire*. - Cambridge University Press, 1971 -. Vol. I. :A.D. 260–395.

7. Гарнак А. Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века. - СПб., 2007.
8. Карташёв А. В. Вселенские соборы. - Клин, 2004.
9. Князьский И.О. Император Диоклетиан и закат античного мира. - СПб., 2010.
10. Куликова Ю.В. Римская женщина эпохи «солдатских императоров» // Вопросы истории. 2013. №8. С.121-130.
11. Морозов Н.А. Христос. Кн.5, часть 5, гл. III: Первые годы великих римских понтификсов (Pontifici Maximi). Возникновение культа небесной Девы-Мадонны среди ужасной чумы 590 г. - [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doverchiv.narod.ru/morozov/5-05-03.htm>. (дата обращения 25.01.2016.)
12. Писарев Л.И. Брак и девство при свете древнехристианской святоотеческой письменности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.portalslovo.ru/theology/37700.php?ELEMENT_ID=37700&SHOWALL_1=1. (дата обращения 25.01.2016.)
13. Рузина Е. Г. «Центон» Фальтонию Пробу (вергилианские стихи и христианские темы) // Античный мир и археология. - Саратов, 1977- Вып. 3. - С. 46-63
14. Фили К. Гипатия: жертва конфликта между старым и новым миром: / Вопросы истории естествознания и техники, 2002, № 2. -[Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/HYPAT.HTM>. (дата обращения 25.01.2016.)

М.А. Ведешкин (МФЮА)

ДИОКЛЕТИАН, КОНСТАНТИН И СЕНАТОРСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ РИМА

***Аннотация:** В данной работе рассматриваются аспекты взаимоотношений сенаторской аристократии Рима и императоров Диоклетиана и Константина I, проводивших политику, направленную на ослабления социально-политического статуса членов столичной знати. Эти мероприятия центральной власти вызвали рост оппозиционных настроений в среде сенаторской аристократии, проявившихся в организации членами римской знати выступлений против правителей.*

***Summary:** This paper examines aspects of relations of senatorial aristocracy of Rome with Diocletian and Constantine I, who pursued the politics aimed to weaken social and political status of the senatorial elite. These actions led to a rise of political opposition among the senatorial aristocracy, which openly manifested itself in organization of protests against the emperors by the Roman nobility.*

***Ключевые слова:** Поздняя Римская Империя, Сенат, Диоклетиан, Константин I.*

***Keywords:** Late Roman Empire, Roman Senate, Diocletianus, Constantine I.*

Длительный конфликт между государственной властью и сенаторской аристократией, стремившейся сохранить свое доминирующее социально-экономическое и политическое положение в империи, обострился в конце III – начале IV вв. В этот период римский сенат уже не противопоставлял себя императорской власти и не стремился к восстановлению республиканских порядков. Кризис III в. наглядно продемонстрировал, что лишь крепкая верховная власть способна обеспечить безопасность границ и политическое единство империи, и следовательно, возможность представителей сенаторского сословия сохранять контроль над многочисленными поместьями, разбросанными по провинциям римской державы. Однако, по мнению членов столичной аристократии, императоры должны были признавать безусловный авторитет сената. Для столичной аристократии наиболее предпочтительной формой взаимоотношений с императорской властью, была полная зависимость последней от сената в идеологическом отношении, как хранителя римских политических и религиозных традиций, и в административном, как поставщика кадров для системы провинциального и столичного управления. Данные воззрения объективно вступали в противоречие с идеологическими и административными нуждами Римской империи. Для эффективного управления государством была необходима идеология, не консервирующая старые общественные отношения, но закрепляющие изменения, происходившие в социально-экономической структуре римского общества в конце III – начале IV вв., и профессиональная бюрократия, способная осуществлять контроль над провинциями, в интересах всего правящего класса, а не только одной, относительно узкой его прослойки.

Диоклетиан (284 – 305 гг.), стремившийся к централизации империи, последовательно ослаблял политическое влияние сената и столичной знати. При нем функции административного управления империей, ранее в значительной степени исполнявшиеся членами сенаторского сословия, были возложены на представителей сословия всадников и новой, лично зависимой от

императора служилой знати. За представителями senatorского сословия были сохранены лишь административные должности в центральной Италии, должности проконсулов Африки и Азии (причем размеры данных провинций были значительно уменьшены) корректора Сицилии и Ахайи и пост префекта Рима [2, p. 39–48; 11, p. 525; 15, с. 52; 16, с.144–145].

Сам город Рим был лишен статуса императорской резиденцией. Формально оставаясь столицей государства, он уступил роль политического центра Никомедии и Медиолану. Эти действия центральной власти усиливали оппозиционные настроения римской аристократии. Недовольство столичной знати политикой правительства открыто проявилось уже в 303 г. во время празднования Диоклетианом двадцатилетия своего правления. По свидетельству христианского историка и ритора Лактанция, неприятие римской аристократией августа и его политики было столь ярковыраженным, что Диоклетиан «не смог вынести свободу римского народа» и был вынужден уехать из столицы, не завершив официальные мероприятия (Lact. De mort. XVII).

В схожей форме противостояние сената и императорской власти проявляется уже при первом христианском августе – Константине I (306 – 337 гг.). После завоевания Италии в 312 г. император провел ряд мер, усиливших политическое влияние столичной знати, и, по свидетельству анонимного панегириста, «восстановил былое достоинство сената» (Pan. Lat. XII.20.1). Было увеличено количество «сенаторских» должностей в провинциальном управлении империи, укреплен социальный статус членов римского сената [11, p. 526–527; 2, 52-63]. Эти действия Константина были продиктованы насущной политической необходимостью – стремлением укрепить свое положение в новоприобретенных италийских и африканских провинциях и использовать авторитет сената в продолжавшейся борьбе за верховную власть над всей империей [3, p. 46; 13, p. 95].

Большинство исследователей не отмечают перемен в отношении Константина к сенаторской аристократии на протяжении всего его правления (например [10, р. 185; 2, р. 49–73; 15, с. 92]). Однако, некоторые акции императора позволяют в этом усомниться. Так, около 320 г., вскоре после окончания первой войны с Лицинием, Константин увеличил численность сената за счет включения в его ряды представителей провинциальной знати и имперской бюрократии, что свидетельствует о стремлении ослабить влияние римской аристократии в сенате [1, р. 75]. Косвенным свидетельством изменения отношения Константина к столичной знати могут служить данные об обложении членов сенаторского сословия новым поземельным налогом [12, р. 35–37; 4, р. 254–256]. Можно предположить, что по мере утверждения его единоличной власти над всей империей необходимость мириться с укрепившимся влиянием сената отпала. Император все активнее противопоставлял римской аристократии новую военно-чиновническую знать.

Растущие противоречия между императором и столичной аристократией открыто проявились в религиозной сфере. Константин не препятствовал публичному отправлению языческих культов [5, р. 120–139; 8, р. 465; 9, р. 169–170; 6, р. 68–80; 7, р. 176–181], однако римскую знать, ревностно отстаивавшую положение столичных культов, не могло не оскорблять усиливавшееся пренебрежение традициями со стороны императора, открыто предпочитавшего христианство язычеству. Растущее неприятие политики императора римскими язычниками проявилось в 326 г., во время императорского визита в столицу по поводу празднования двадцатилетия правления Константина. По сообщению Зосима, император, уступая желанию войска, согласился на участие в церемонии языческого триумфа, центральной частью которой было восхождение на Капитолий и принесение жертвы Юпитеру вместе с воинами и первыми лицами сената. Церемония была скандально сорвана императором, не желавшим принимать участие «в исполнении священных обрядов» (Zos. II.29). Отказ Константина участвовать в церемонии возмутил и членов римского

сената и столичный плебс (*ibid.*). В Риме начались беспорядки. Очевидно, именно к этому событию относятся свидетельства Либания и Иоанна Златоуста, согласно которым: «римский народ осыпал его (Константина) дерзкими криками» (*Lib. Or. XIX.19*), а статуи императора закидали камнями (*John. Chrys. De Stat. XXI.11*). Вероятно, за организацией массовых беспорядков стояла столичная знать, по сути, контролировавшая низшие слои городского населения. Столкнувшись с откровенной враждебностью жителей Рима и «не способный выносить проклятия, исходившие почти от каждого горожанина» (*Zos. II.29*), император был вынужден покинуть столицу. Логично предположить, что римские события 326 г. послужили для Константина, не желавшего считаться с интересами враждебно настроенной столичной знати, одной из причин перенесения императорской резиденции в уже строившийся Константинополь – город свободный от социально-экономического и религиозного влияния римской аристократии [1, p. 102].

Таким образом, в основе конфликта столичной знати и императорской власти в начале IV в. лежало стремление императоров ограничить влияние сенаторского сословия на сферу государственного управления и, тем самым, снизить политическое значение столичной знати. При первых христианских императорах этот конфликт, не меняя своего внутреннего политического содержания, принял форму конфликта язычества, закреплявшего статус представителей столичной знати, и христианства, ставшего инструментом идеологической централизации Римской империи.

Список источников и литературы

1. Alföldi A. The conversion of Constantine and pagan Rome. - Oxford, 1948.
2. Arnheim M. The Senatorial aristocracy in the later Roman empire. - Oxford, 1972.
3. Barnes T.D. Constantine and Eusebius. - London, 1981.
4. Barnish S.J.B. A Note on the “*collatio glebalis*” // *Historia: Zeitschrift für Alte - Geschichte*. 1989. - Vol. II. - № 38. - P. 254–256.
5. Bradbury S. Constantine and the Problem of Anti-Pagan Legislation in the Fourth Century // *Classical Philology*. 1994. - Vol. 89. - № 2. - P. 120–139.
6. Curran J. Constantine and the Ancient Cults of Rome: The Legal Evidence // *Greece & Rome*. 1996. - Vol. 43.- № 1. - P. 68–80.
7. Curran J. Pagan city and Christian capital : Rome in the fourth century. - Oxford, 2000.

8. Drake H.A. Constantine and Eusebius by T. D. Barnes. Review // The American Journal of Philology. 1982. - Vol. 103. - № 4. - P. 462–466.
9. Elliott T.G. Eusebian Frauds in the “Vita Constantini” // Phoenix. 1991. - Vol. 45.- № 2. - P. 162–171.
10. Hunt D. et al. The Cambridge Ancient History: The Late Empire, A.D. 337-425 / ed. Cameron A., Garnsey P. - Cambridge University Press, 2008.
11. Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284-602: A Social, Economic, and Administrative Survey. - Baltimore, 1986. - Vol. II.
12. Jones A.H.M. The Origin and Early History of the Follis // The Journal of Roman Studies. 1959. - Vol. 49. - P. 34–38.
13. Odahl C.M. Constantine and the Christian empire. - New York, 2004.
14. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. - М., 2007.
15. Князьский И.О. Император Диоклетиан и закат античного мира. - Спб, 2010
16. Уильямс С. Диоклетиан: реставратор Римской империи. - Спб.; М., 2014.

Н.А. Биркина (ГИМ)

ЖЕНСКИЙ ВАРВАРСКИЙ КОСТЮМ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ДРУЖНОЕ

***Аннотация:** В статье на примере могильника Дружное III - IV вв. рассматривается эволюция женского убора и костюма в контексте развития материальной культуры Крыма этой эпохи. На изучаемом памятнике из четырех этапов материальной культуры Крыма поздне римского времени, коррелирующихся с общеевропейскими фазами C1-D2, представлены первые три. В результате анализа особенностей каждого этапа можно сделать вывод, что, несмотря на наличие трех фаз смены вещевых комплексов, женский костюм, вероятно, подвергался изменениям только дважды.*

***Summary:** Based on example of the burial ground of Droozhnoe (III – IV cc. AD) the article focuses on the problem of the evolution female array and costume in the context of the development of the Crimea’s material culture in this period. The first three of the four stages of late Roman period Crimean material culture, correlating with European C1-D2 stages, are represented on the site in question. By analyzing the characteristics of each stage one can assume that female costume was probably modified only twice, despite the presence of three material complex phase shifts.*

***Ключевые слова:** Крым, могильник, дружное, реконструкция, археология, женский костюм, убор, поздний рим, варварские племена.*

***Keywords:** the Crimea, female costume, array, Droozhnoe, burial ground, Late Roman, barbaric.*

Для традиционных культур женский костюм может являться показателем этнической принадлежности. В отличие от мужского убора, несущего в себе общевосточные черты, не имеющие культурной атрибуции, женский костюм менее подвержен изменениям. Однако для контактных регионов, каким являлся Крым, формирование женского костюма могло происходить иным образом. В этом регионе из-за соседства разных культурных групп в одном уборе могут встречаться как вещи, характерные для степняков, так и импорты из лесных и лесостепных зон Восточной Европы. Влияние на костюм варварского населения Тавриды оказывало также и греко-римское население, обитавшее в округе Херсонеса и на территории Боспорского царства.

В статье будут рассмотрены материалы могильника Дружное, опубликованные И.Н. Храпуновым [6]. Этот некрополь был выбран как один из самых интересных и хорошо исследованных могильников позднеантичного времени. На основании анализа материалов раскопок мы проследим эволюцию женского убора и сделаем ряд реконструкций костюма. Поскольку наибольшей информативностью обладают элитарные погребения, то будет сделана реконструкция именно богатого костюма.

На некрополе было исследовано 88 погребений, часть из которых была разграблена. Всего для анализа доступно не менее 83 погребенных. Так как антропологический анализ не проводился, то выделение женских погребений совершалось на основе анализа сопутствующего инвентаря.

Для могильников Юго-Западного и Центрального Крыма выделены 4 этапа, скоррелированных с фазами общеевропейской хронологии [7, с. 371]. На некрополе Дружное фиксируются минимум 3 фазы (С1-С3). Стоит отметить, что финальный этап существования могильника Дружное относится к пересечению фаз С3 и D1, т.е. к 70-80 гг. IV в.

По Юрочкину, на могильнике Дружное фазе I (190/200-260/270 гг.) соответствует 2 погребения, фазе II (260/270-310/320 гг.) – 7 погребений, фазе

III (310/320-370/380 гг.) – 18 погребений. К пересечению фаз III – IV (370/380-410-450 гг.) отнесены 7 погребений. [6, с. 15-37]

В своей работе мы не будем использовать нерелевантные вещевые комплексы. Реконструкция женского убора проведена на материалах, включающих в себя хроноиндикаторы по Юрочкину. Дополнительно будут рассмотрены вещи, входящие в женский убор, но не имеющие столь жесткой хронологической привязки.

К раннему этапу относятся погребения, имеющие черты позднескифской культуры. В результате анализа вещевых комплексов может быть сделан вывод о кочевнических чертах в уборе. Реконструкцией женского костюма для данной фазы может служить распашная одежда [3, с. 121]. Ее полы и, возможно, ворот были расшиты бусами [4]. В качестве украшений использовались браслеты с окончаниями в виде змеиных головок и зеркала с боковой петлей.

Во второй фазе происходит изменение убора и костюма. В этот период основными хроноиндикаторами являются вещи горизонта Кишпек-Градешка и изделия с «короткими фасетками». Точно реконструировать женский костюм для этого периода невозможно. Вероятно, он уже представлен не распашной одеждой. Также по материалам погребений этого периода невозможно реконструировать и одежду типа пеплос, характерную для V века.

В одном из рассмотренных погребений прослеживается необычное расположение предметов. На правом плече расположено зеркало, вокруг которого помещены бусы, а на левом – подвижная фибула с продетым в нее кольцом. Аналогичное сочетание вещей встречено на Усть-Альминском могильнике в погребении №702, однако оно также не дает возможности увидеть функциональные особенности кольца, продетого в фибулу [5, с. 155]. Возможно, такое расположение имеет сакральный смысл.

В третьей фазе, вероятно, не происходит изменений костюма – изменился только сам убор. Впрочем, большинство хроноиндикаторов для III и

переходного этапа от III к IV фазам относится к мужскому убору (оружие) либо к керамике.

К сожалению, из-за незначительного количества вещей, входящих в убор, реконструировать женский костюм не представляется возможным.

На основе анализа женского убора мы пришли к выводам, что за период бытования некрополя произошла, по меньшей мере, одна смена типа женского убора. Костюм первой фазы, тяготеет к кочевническим традициям, но на горизонте Кишпек-Градешка, вероятно, происходит изменение типа костюма. Это уже не распашная одежда, но еще и не пеплос, распространенный в Барбарикуме. Возможно, женский костюм был представлен рубахой, юбкой и накидкой.

Серьезных изменений в фазе III в сравнении с предшествующей ей не происходит. В данном случае речь идет не об уборе, который, конечно, претерпевает изменения, а о костюме в целом.

Стоит отметить, что IV фаза для Крыма, которая отсутствует на некрополе Дружное, также связана с серьезным изменением в женском костюме. Лучше всего ранний горизонт этого этапа представлен на могильниках Лучистое [1] и Скалистое [2].

Список литературы.

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. - Т. 1. Симферополь-Керчь, 2008
2. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. - Киев, 1993
3. Гопкало О.В., Шульцэ Э. Современные тенденции изучения костюма народов европейского Барбарикума периода поздней античности// Археологія і давня історія України, - вип. 2 (13). - Киев, 2014.
4. Стоянова А.А. Наборы бус в костюме населения предгорного Крыма во II в. до н. э. - IV в. н. э. //БИ. Вып. XXIV. - Симферополь-Керчь, 2010. - С. 401-410.
5. Труфанов А.А. Погребения III в. н.э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя//Stratum plus, №4. Кишинев, 2010.
6. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III – IV вв.н.э.). Lublin, 2002.
7. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3-4 вв. н.э.//Древняя Таврика. - Симферополь, 2007.

Е.С. Петросян (МПГУ)

ВАРДАН МАМИКОНЯН: СОЗДАНИЕ ОБРАЗА НАРОДНОГО ГЕРОЯ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

Аннотация: В предложенной статье анализируются особенности создания образа народного героя Вардана Мамиконяна, участника и организатора освободительного движения Вардананк в Восточной Армении в 450-451 гг. Подробно рассматриваются цели Вардана в восстании, его деятельность, оценивается его вклад в дело освобождения Армении от персидского владычества.

Summary: The features of the proposed creation of an image of national hero Vardan Mamikonyan, a participant and organizer of the liberation movement Vardanank in Eastern Armenia in 450-451 years are analyzed in the paper. Vardan activities and his contribution to the liberation of Armenia from Persian rule are considered in detail.

Ключевые слова: Армения, Сасанидский Иран, иранизация, Ездигерд II, христианство, зороастризм, Вардан Мамиконян, образ.

Keywords: Armenia, Sasanian Iran, Iranization, Ezdigerd II, Christianity, Zoroastrianism, Vardan Mamikonyan, image.

Исследования представителей второго поколения школы Анналов оказали огромное влияние на развитие такого направления в исторической науке, как история ментальностей, где особое внимание отводилось не столько военным или политическим событиям, сколько образу мысли человека в определённое историческое время. В данном случае представляется возможным применить достижения французской школы Анналов при изучении образа раннесредневекового армянского героя Вардана Мамиконяна и проследить неоднозначность восприятия его образа среди близких ему по социальному положению нахараров – армянских князей и простого населения.

В 422 году Вардан Мамиконян наследует титул отца и становится спарпетом – верховным главнокомандующим войском Армении, а вместе с тем и главой рода Мамиконянов. Высокое положение рода, тем не менее, не позволяет ему, как в прочем и представителям других армянских родов, занимать более высокие должности в силу того, что в это время Армения не является независимым государством, а входит в состав сасанидского Ирана. В период правления Ездигерда II нахарары в большей степени ощутили ограниченность своих привилегий и полномочий [3, с. 42]. Вместе с тем, известно, что род Мамиконянов пользовался почетом и уважением как в период правления Ездигерда II (438-457 гг.), так и в период правления предшествующих персидских царей.

Интересно также и то, что в это время в среде представителей наиболее знатных родов зреет мысль свергнуть персидскую власть в Армении и вновь утвердить Армянское царство. Наиболее яркими претендентами были представители родов Мамиконянов, Арцрунидов и Сюнидов. Невозможность договориться повлекла за собой грабежи и набеги на владения конкурентов [4, с. 266].

В этих условиях Вардан ищет повод проявить свои возможности и завоевать любовь и поддержку народа. И очень скоро такой повод был найден. Недовольство новыми реформами Ездигерда II привело в 450 г. к организации восстания, в котором приняли участие все слои населения. Вардан, в свою очередь, будучи главнокомандующим войска, решил возглавить разбушевавшийся народ, ведь в случае победы он мог повысить свой престиж и увеличить свои шансы в борьбе за трон. Идею восстания поддерживает и марзпан Васак Сюни, стремящийся также завладеть тронном и имеющий немалые возможности для реализации этого замысла. Остальные нахарары выступали в восстании за интересы Вардана или же Васака, что предопределило определённую вражду в кругах армянской знати.

С весны 450 года начинается активный сбор армянских полков, в первых схватках они одерживают победы. Успехи Вардана Мамиконяна вскоре определили и его дальнейшие действия в деле завоевания авторитета среди армянского народа. Осенью 450г. Вардан самопровозглашает себя царем.

Вместе с первыми победами он завладел и любовью народа. В Вардане люди стали видеть героя, который вот-вот сможет их спасти от персидского владычества. Но именно народная любовь и желание не потерять всё, что было нажито за это время, заставляют его идти до конца и продолжить борьбу с персами. Охваченный идеей восстановления Армянского царства и пользуясь удачной возможностью показать, что именно он достоин стать верховным правителем Великой Армении, Вардан стремительно собирает войска для решающего сражения с персидской армией, которое состоялось 28 мая 451 г. на поле Аварайра [2, с. 208]. В ходе этой битвы Вардан Мамиконян был убит.

Естественно, что спарапет Вардан Мамиконян после данного восстания, после такой жертвенной смерти остался для всех людей народным героем и любимцем всего армянского народа. Известно, что Вардан вместе со всеми погибшими на Аварайрском поле был причислен к лику святых. Память же о нем сохранилась и на страницах сочинений историков и хронистов того времени. И пускай Вардан не достиг желаемой цели и не удержал престол, механизм борьбы уже был запущен. Последующее поколение рода Мамиконянов, продолжив дело отца, смогло укрепить свои позиции при дворе. Племянник Вардана Ваан Мамиконян также предпринял попытку выступить против персидской власти и достиг уже больших результатов в борьбе за интересы своего народа, а сам был назначен марзпаном Армении – т.е. наместником персидской власти в армянской области.

В память же о Вардане иерей Давит Мамиконян наказал написать сочинение, посвящённое восстанию. Поручено написать данный труд было монаху Егишэ, который являлся секретарём Вардана Мамиконяна, а, следовательно, присутствовал при всех событиях восстания. Достоверность

описываемых событий сегодня подвергается сомнению, известно, что некоторые сюжеты автор приукрашивает, с целью идеализировать образ своего начальника и обличить его соперника Васака Сюни [1].

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии данное восстание получило название – Вардананк, как раз в честь его предводителя армянского спарашета Вардана Мамиконяна.

Таким образом, Вардан Мамиконян, желая завладеть тронном при успешном восстановлении Армянского царства, стал организатором освободительного движения, тем самым усугубив отношения с некоторыми нахарарами, в особенности с Васаком Сюни. Вместе с тем участие в этом движении позволило ему завоевать любовь народа, завладеть их расположением и остаться в истории самоотверженным, сильным, стремящимся к справедливости народным героем. Таким он предстал перед потомками, таким знают Вардана Мамиконяна сегодня.

Список источников и литературы

1. Адонц Н. Марзпан Васака перед судом историков. – СПб, 1904.
2. Егишэ. О Вардане и войне Армянской. – Ереван, 1971.
3. Манандян. Я.А. Феодализм в древней Армении. – Ереван, 1934.
4. Сукиасян А.Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. – Ереван, 1963.

К. С. Никитин (ИВИ РАН)

КОРОЛЬ-МИРОТВОРЕЦ: ОБРАЗ ДАГОБЕРТА I В LIBER HISTORIAE FRANCORUM

Аннотация: В данном докладе рассматривается образ Дагоберта I в *Liber Historiae Francorum*. Предпринята попытка проследить из каких составляющих сконструирован образ этого монарха, связав это с особенностями жанра и задачами, которые перед собой ставил франкский хронист VIII века.

Summary: This report examines the image of Dagobert II in the *Liber Historiae Francorum*. An attempt was made to trace the components, which were used to design the image of

the monarch, connecting this attempt with the peculiarities of the genre and the challenges that are put before the Frankish chronicler of the VIII century.

Ключевые слова: *историописание, Меровинги, франки, средневековая культура.*

Keywords: *historical writing, Merovingians, franks, medieval culture.*

Данный доклад посвящён анализу образа Дагоберта I в *Liber Historiae Francorum* (далее LHF). Выбор именно этого памятника франкской историографии (начало VIII в.) обусловлен тем, что образ монарха, созданный анонимным автором, получил широкое распространение в силу популярности самого сочинения и тем самым оказал большое влияние на представления потомков о Дагоберте. [1]

Следует отметить, что портрет монарха, представленный в LHF, носит схематичный и идеализированный характер. Так, уже при первом упоминании в произведении автор даёт лестное описание юного короля. К Дагоберту применяются такие эпитеты, как «деятельный», «решительный и во всём искусный» (LHF 41: *puer efficax atque strenuus, ad omnia solers, versutissimus*). Политический нарратив совместного правления отца и сына в отличие от Фредегара представляется достаточно скудным. Автор, однако, упоминает, что советником отправленного в Австразию Дагоберта был Пипин (LHF 41: *Quem rex adultum una cum Pippino duce in Auster regnaturum direxit.*). В тексте также подчёркивается характерная для всего источника важность участия элит в возведении на трон очередного представителя Меровингов (LHF 41: *Austrasii vero Franci superiores congregati in unum...*). В отличие от Фредегара в повествовании нет ни намёка на территориальный спор отца и сына.

Вплоть до сообщения о смерти Хлотаря II памятник не может служить источником для традиционной событийной истории. Тем не менее, эпическое повествование о битве франков с саксонцами представляет определённый интерес. Эта история пользовалась огромной популярностью и в чём-то формировала представление средневековых читателей о Дагоберте и, в

меньшей степени, о Хлотаре II. Этот рассказ, как и другие подобные вставки в LHF, строится на комбинации повествовательных приёмов, восходящих к позднеантичной и раннесредневековой литературной традиции, – летописное введение, повествовательный эпизод и словесный портрет [2, р. 103-104]. Кроме того, к этому и предыдущим вставным рассказам справедливы слова Э. Ауэрбаха, высказанные им по поводу писательской техники Григория Турского: «изобилие прямой речи, коротких реплик, которыми он пользуется повсюду, где только можно, превращая всякий рассказ в драматическую сценку» [3, с. 103].

В качестве введения автор сообщает нам о восстании саксонцев, навстречу которым выдвигается франкское войско. Далее следует описание битвы, начинающее повествовательный эпизод. С формальной стороны эта часть характеризуется использованием прямой речи (Дагоберт просит предупредить о том, что попал в трудное положение) и подробным описанием действий героев (оруженосец подбирает отсечённые пряди королевских волос). Пришедший на помощь сыну отец вступает в словесную перепалку с предводителем саксонского войска, а затем, столкнувшись с ним в битве, убивает его (LHF 41: Tu hic eras bale jumente ? Rex vero haec audiens, valde indignatus hoc convicium, Wisra fluvium ingressus cum equo velocissimo, transnavit. [...] Consurgens rex super eum et interficit ipso Bertoaldo). То, что на первый взгляд кажется беспорядочным нагромождением литературных приёмов, оказывается, по своему, последовательной историей, подчёркивающей воинские и полководческие качества героев. Неудивительно, что много позже она пришлась по вкусу потомкам, увлекавшимся рыцарскими романами.

Наконец в последнем элементе портрета Дагоберта I в *Книге истории франков* дана оценка его государственной деятельности. Как и Фредегар, анонимный автор сообщает о щедрых пожертвованиях монарха церкви и справедливом суде. Короля также хвалят за установления прочного мира,

нарушать который опасаются его противники. Этим описанием автор подводит читателя к сравнению короля с библейским Соломоном (LHF 42: *Ipse pacificus, velut Salomon, quietus regnum obtenuit Francorum.*). Сами по себе вышеуказанные качества – справедливость, щедрость, набожность – типичны для описания благочестивого христианского правителя. Но, как справедливо отметил Ф. Дёрлер, схема описания монарха заимствована преимущественно из пассажей Ветхого Завета, посвященных Соломону [4, P.35–36]. Показательно, что автор не упоминает о пикантных подробностях жизни Дагоберта и не выступает, как Фредегар, критиком оной. Это, однако, не даёт повода подозревать LHF в скрытой критике короля, который подобно Соломону окружил себя наложницами [4, P.36].

Итак, Книга истории франков описывает Дагоберта I в двух ипостасях – смелого воина и мудрого правителя. Герой здесь в отличие от описания Фредегера лишен недостатков. Черпая информацию из устной традиции, автор создал книжный образ Меровинга, опирающийся на приёмы раннесредневековой литературы и окрашенный в библейские тона. Благодаря широкому распространению *Liber Historiae Francorum*, диптих анонима оказал большое влияние на представления потомков о Дагоберте. Кроме того популярности способствовала, как мы говорили выше, и увлекательная форма подачи материала в виде истории о битве с саксонцами.

Список источников и литературы

1. *Liber historiae Francorum* / Ed. B. Krusch // MGH. SSrM. - T.2. - Hannover, 1888. При дальнейших ссылках на этот источник я даю сокращение LHF (Книга истории франков) и номер главы в соответствии с оглавлением в издании Б. Круша.
2. Pizarro J.M. *Mixed modes in Historical Narrative* // *Narrative and History in the Early Medieval West* - Turnhout, 2006.
3. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе.
4. Dörler P. *The Liber Historiae Francorum – a Model for a New Frankish Self-Confidence* // *Networks and Neighbours* 1 (2013) 1.

С. А. Поляков
(СГУ им. Н.Г. Чернышевского)

ОБРАЗ КНУТА ВЕЛИКОГО В «САГЕ О КНЮТЛИНГАХ»

***Аннотация:** Доклад представляет собой анализ образа правителя Северной Империи Кнута Великого (годы правления 1016 - 1035) по материалам "Саги о Кнютлингах", источника XIII века. Доклад рассматривает общие и особенные черты данного источника, в том числе сведения, касающиеся личности короля Кнута.*

***Summary:** The lecture presents an analysis of Canute the Great's king's image of the Northern Empire (1016 - 1035), using information of "Knytlinga saga", the source of the XIIIth century. The lecture reviews common and individual features of present source, including facts concerning person of king Canute.*

***Ключевые слова:** Средние века, Скандинавия, Англия, эпоха викингов, исландская сага, завоевание, Северная Империя, Кнут Великий.*

***Keywords:** Middle Ages, Scandinavia, England, Viking Age, Icelandic saga, conquest, Northern Empire, Canute the Great.*

Среди многочисленных героев истории средневековой Скандинавии особенно выделяются личности, жившие в эпоху викингов. Благодаря многочисленным источникам, в частности, исландским сагам, можно проследить жизненный путь конунгов и выдающихся воинов, те деяния (или преступления), что были ими совершены тысячелетие назад, а также установить черты склада их характера.

К числу наиболее ярких действующих лиц эпохи викингов принадлежит Кнут Великий, король Англии и Дании, создатель обширной Северной Империи (годы правления 1016 – 1035 гг.), в которую входили также Норвегия и часть Швеции, острова Атлантического океана. На этой обширной территории он смог установить свою власть и создать единое государство.

Что же касается самого короля Кнута, то, несмотря на частое упоминание его имени в сагах, составление точной биографии правителя не представляется

возможным. Можно лишь говорить о некоем образе, общие черты которого складываются из данных различных источников. В такой ситуации каждое свидетельство представляет особую ценность.

Одним из таких источников является «Сага о Кнютлингах», до настоящего времени полностью не переведённая на русский язык. Данная сага была составлена в середине XIII в., и представляет собой переложение датской истории со времён Харальда Синеzubого (середина X в.) и до правления Кнуда VI (1182 – 1202).

В создании своего труда автор опирался, прежде всего, на Хеймскринглу («Круг Земной») Снорри Стурлусона. Здесь используется тот же стиль повествования, основной идеей произведения является укрепление института королевской власти. Часто упоминаются события, ссылаясь на «историю норвежских королей», т. е. «Круг». Период правления «добрых» королей сменяется временем бедствий при плохих правителях. При составлении саги часто цитируются поэтические произведения скальдов, что характерно и для «Круга Земного».

Это и не удивительно: существует мнение, что автором данного источника является Олав Белый Скальд, который был племянником Снорри Стурлусона, отсюда и многочисленные заимствования из труда дяди. Олав провёл несколько лет за пределами Исландии, побывав во всех скандинавских странах [2, с. 556-557]. Во время своих странствий он с 1240 по 1241 гг. находился при дворе датского короля Вальдемара II Победоносного. Информация, полученная от местных хранителей истории, а также от самого короля, и послужила основой написания данной саги. Возможно, она была выполнена по политическому заказу, призванному прославить род датских королей, в том числе династию Эстридсенов.

Привлекший моё внимание фрагмент этого источника повествует о Кнуте и его завоевании Англии [1].

Сага идёт в общей исторической канве, повторяя известные факты, добавляя при этом некоторые небезынттересные детали. Например, в саге говорится о том, что при подготовке Кнутом захвата Англии свою роль сыграли те датчане, которые ранее закрепились на захваченных землях в Англии и продолжали представлять для неё потенциальную угрозу.

«Датские вожди в Англии, которые владели территориями, завоёванными королём Свейном, отправили послание в Данию, прося короля Кнута плыть на запад в Англию с датской армией, и так усилить их положение. Однако так как король Кнут был лишь мальчиком и не привык к военному командованию, его соратники посоветовали ему отослать армию в Англию, но поставить кого-то ещё во главе, и не отправляться туда самому, пока он не станет старше».

Как мы видим, в саге содержится упоминание о юных годах короля. В целом, произведение наполнено бытовыми деталями и характеристикой различных персонажей. Особенно интересна та часть произведения, в которой рассказывается про злоключения соратника Кнута, Ульфа и его встрече с англосаксонским юношей, Годвином. Последний приобрёл огромную власть в Англии, а его сын станет на короткое время королём.

«Когда они достигли усадьбы, они вошли в меньшую жилую комнату, где у Годвина был поставлен стол и подана добрая выпивка. Как ярл Ульф мог видеть, это был прекрасный, хорошо обставленный дом. Затем домовладелец и его жена вошли, статные, хорошо одетые люди. Они тепло поприветствовали своего гостя, и он провёл остаток дня, наслаждаясь лучшим (проявлением) гостеприимством (гостеприимства). Когда стало темно, две хорошие лошади были снаряжены с отличной упряжью»

Важное место занимают в саге включённые в неё фрагменты произведений скальдов, позволяя современному исследователю окунуться в дух эпохи. В качестве примера можно привести следующие строки: «Каждое утро ликуя, девы войны восторгаются на берегах Темзы, окроплённые кровью

одежды войны: чёрный ворон будет наслаждаться, как хищный король данов храбро громит своим мечом британские кольчуги».

В скупых строках саги выявляются черты характера самого короля Кнута: прагматизм, хладнокровие и даже жестокость: «После этого король Кнут выгнал всех сыновей Этельреда из Англии. Много битв было из-за этого, но после того, как был убит король Эдмунд, они никогда не могли собрать достаточных сил против короля Кнута».

Таким образом, сага дополняет наши представления о Кнute и его времени, её материал позволяет сделать некоторые уточнения и дополнения к присутствующим в нашей литературе оценкам и представлениям.

Список источников и литературы

1. Knytlinga Saga: The History of the Kings of Denmark/ translated by H. Palsson and P. Edwards. - Odense, 1986.
2. Исландские саги. / Пер. и коммент. А. В. Циммерлинга. - М., 2004. - Т. 2

Е. С. Носова (МПГУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ТОРА В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

Аннотация: X – XI вв. в истории Скандинавских стран являются пограничным периодом, так как распространение христианского вероучения оказало кардинальное влияние на комплексный процесс изменения общественного сознания, приведший к трансформации образа языческих богов. На примере, трансформации образа бога Тора выявляются основные закономерности взаимодействия и антагонизма традиционного и христианского мировосприятия

Summary: X-XI centuries in the history of Scandinavian countries are border period, because expansion of Christian faith made a principle impact on a complex process of public consciousness changes which led to the transformation of the pagan gods' image. The case of transformation of Thor's (Tor's) image reveals main regularities of the interaction and antagonism of the traditional and the Christian worldview.

Ключевые слова: Скандинавия, Тор, исландские саги, «молоточки» Тора, язычество, христианство.

Keywords: *Scandinavia, Thor, Icelandic sagas, Thor's hammers, paganism, Christianity.*

Мифологическая картина мира являлась основным способом осмысления повседневной жизни скандинавов до начала IX в.. В шведских законах Гуталаг и в исландских Христианских законах присутствуют упоминания о языческих божествах, населяющих рощи, курганы и другие священные места.

Одним из самых почитаемых богов скандинавского пантеона был Тор. В Старшей и Младшей Эдде он именуется как «ужас великанов» и «защитник Асгарда». В исландских сагах неоднократно упоминается о том, что в честь Тора совершались ритуальные пиры, к нему обращались за помощью в критических ситуациях. Новорожденных детей нарекали именами, в корне которых присутствовало имя Тор, а при погребении использовали гривны с молоточками Тора.

О популярности Тора также свидетельствуют записи западноевропейских хронистов, в частности описывая знаменитое святилище в Упсале каноник Гамбург-Бременского архиепископства Адам Бременский, отметил, что «Самый могущественный из их богов – Тор – восседает на престоле в середине парадного зала.....Тор - царит в эфире, он управляет громами и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями»[3,с.108].

В период проникновения христианского вероучения в IX-XII вв. в Скандинавские страны происходит комплексный процесс изменения общественного сознания, приведший к трансформации образа языческих богов под воздействием христианской религиозной этики. Понятно, что в соприкосновение пришли не просто две религии: язычество и христианство, а две совершенно разные культуры, поэтому для большего процента населения процесс христианизации означал каждодневное взаимодействие двух различных моделирующих социальное поведение религиозных систем. В этом смысле представляется вполне оправданным рассмотреть изменение образа

Тора в период противоборства двух доминант: христианской этики и традиционного мировосприятия.

Согласно письменным и археологическим источникам иконография Тора не претерпевает существенных изменений вплоть до конца X века. В скальдических стихах Тор по-прежнему именуется «небесным правителем», «обладателем поясом силы». На рунических камнях присутствует осветительная молитва «Тор освяти эти руны», но уже на монетах – амулетах, из клада Хедебю и Бирки, надпись god (Бог), которую традиционно связывают с обращением к Тору, сопровождается изображением креста и молота Мьёлльнир. В Исландии, в одном из погребальных инвентарей была найдена статуэтка Тора, держащего себя за бороду, которая имеет синтезирующую форму молота и креста. Соединение атрибутов христианского и языческого божеств дает повод исследователям говорить о появлении людей «смешанной веры», то есть включения Иисуса Христа в языческий пантеон. Например, Хельги Тошй, который «верил в Христа, но о даровании попутного ветра и мужества возносил молитву Тору»[2, S. 218].

Радикально ситуация меняется с распространением апокалиптических настроений в скандинавском обществе. Ожидание наступления Рагнарёка и активной миссионерской деятельности способствовало тому, что Тор постепенно превращается в «лживого бога». Скальд Эйлив Годрунарсон говорит о том, что языческие боги потерпели поражение. Им всем пришлось покориться «могучему конунгу Рима» (то есть Христу). В скандинавском искусстве прослеживаются схожие настроения. «Молоточки» Тора окончательно трансформируются в форму креста.

В саговых текстах противником «белого» Христа выступает «рыжий» Тор, который напрямую ассоциируется с образом Ада.

Огонь это неизменный атрибут, как Тора, так и Ада. В западноевропейском искусстве иконография ада представлена в виде мучающихся грешников в языках пламени или пасти ада полной огня. В

родовых и королевских сагах, в западноевропейской литературе достаточно часто описываются случаи крещения при помощи «испытания адского огня». Конечно, мы можем говорить о литературном клише, но нам важно понимать, что авторы выбрали сюжет Воскресения Христа через рассказ о его победоносном приходе в Ад не случайно. Данная тема была развита в пасхальных гимнах Псевдо-Иоанна Златоуста и Романа Сладкопевца. Христос, обращаясь к узникам Ада, говорит «Просыпайтесь и [...] и высмеивайте Ад, говоря ему: Ад где твоя победа? (Пс.77:65)..... кричите: теперь Ад повержен вместе со Смертью» [1, с. 225-227]. Таким образом, миссионеры, останавливаясь на теме победы Христа над Адом, апеллировали к образу победы христианства над язычеством. Этот сюжет также прослеживается в исландских родовых сагах в виде описания поединка между Христом и огненным Тором, который заканчивается поражением последнего.

Подводя итоги, мы можем говорить о том, что проникновение норм христианской этики в бытовой уклад Скандинавии в эпоху раннего средневековья способствовало разрушению традиционного мировосприятия. В этот период времени формируется образ Тора, который тесно связан с атрибутикой Ада. Отныне он не защитник мира людей, а противник Иисуса Христа.

Список источников и литературы

1. Gounelle R. La Descente du Crist aux enfers.-Paris, 2000.
2. Landnamabok//Sigurður Nordal.-Reykjavik,1974.
3. Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви//Славянские хроники.- М., 2011.

РЕКА В ТРАДИЦИОННОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ РИТУАЛЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: В политической культуре раннесредневековой Европы существовала практика проведения дипломатических переговоров на реках. Параллельно существовала традиция включения описаний этих встреч в исторические сочинения. Цель доклада - показать, что поведение сторон при проведении переговоров было продиктовано не только утилитарными соображениями безопасности, но и представлениями о символическом значении производимых действий.

Summary: In the political culture of early medieval Europe was the practice of diplomatic negotiations on the rivers. In parallel, there was a tradition of incorporating the descriptions of meetings in historical works. The purpose of the report - to show the conduct of the parties during the negotiations was dictated not only by utilitarian considerations of safety, but also ideas about the symbolic meaning of actions.

Ключевые слова: Раннее средневековье, Византия, дипломатические переговоры, история дипломатии, символические действия, символическое поведение, историография.

Keywords: The early Middle Ages, Byzantium, diplomatic negotiations, diplomatic history, symbolic actions, symbolic conduct, historiography.

Количество упоминаний реки как атрибута переговоров в сочинениях раннего средневековья достаточно велико, что позволяет сделать два предположения. Первое: в политической культуре раннесредневековой Европы существовала реальная практика проведения дипломатических переговоров на реках. Второе: в историографии раннего средневековья существовала традиция описания дипломатических встреч на берегах рек и включения этих описаний в исторические сочинения.

Можно проследить, что традиция описывать встречи и переговоры на берегах рек прослеживается с «Римской истории» Аммиана Марцеллина. В его тексте присутствует два довольно сходных описания. В первом император Валент встречается на середине Дуная с вождем готов Атанарихом для

заклучения мира. Во втором - император Валентиниан встречается на берегу Рейна в окрестностях Майнца с королем алеманов Макрианом также для подписания мирного соглашения.

Далее традиция прослеживается в Византии. Феофилакт Симокатта описывает мирные переговоры, которые ведет полководец Приск с аварским хаканом. Приск пользуется лодкой для того, чтобы подплыть к берегу, где располагается хакан.

Продолжение данная традиция получит уже в X веке. В труде «Об управлении империей» Константин Багрянородный описывает такой же способ ведения переговоров по отношению к печенегам. Послам настоятельно рекомендуется говорить с печенегами из лодки, не сходя на берег.

«История» Льва Диакона описывает встречу императора Иоанна Цимисхия с князем Святославом после осады Доростола в 971 году.

Во всех приведенных случаях - одна модель переговоров: сидящий в лодке ведет переговоры со стоящим на берегу. Отличается лишь самый первый случай, так как здесь заключение пирис происходит между сидящими в двух лодках.

Можно предположить, что сидящий в лодке, поскольку покидает «свой» берег, является просителем и находится в худшем, или даже в унижительном положении по сравнению со стоящим на «своем берегу» оппонентом.

Традиция описания встреч правителей и послов на реке существовала и на Западе. Так же принципиальным было, на чьей стороне реки будут проходить переговоры. Фульдские анналы упоминают о встрече Людовика Немецкого с Карлом Лысым в 895 году, происходившей на Рейне. Оба короля встречаются на судах посреди реки, вероятно, чтобы никто не оказался на «чужом» берегу.

Практика проведения встреч на Рейне продолжится и далее. Именно так пройдет встреча Генриха Птицелова с Карлом Простоватым 7 ноября 921 года – заключение договора на корабле, стоящем на якоре напротив Бонна.

Уже к концу X века традиция обнаруживается и в Англии. В 973 году король Англии Эдгар, правнук Альфреда Великого отправился во главе флота в Честер, где шесть королей (вероятнее всего, правители разных областей Уэльса) принесли ему присягу и пообещали быть ему верными союзниками.

В начале XI века – в 1006 г. на Рейне состоялась встреча короля Франции Роберта II и короля Германии Генриха II. Между ними состоялась еще одна встреча в 1023 году. Они снова встречаются на реке, но теперь Генрих, будучи императором рассчитывал, что Роберт прибудет к нему, однако этого не произошло, и Генрих сам был вынужден переправиться через Маас.

Из череды описанных случаев несколько выбивается один, изложенный Саксонским Анналистом. Текст описывает процесс переговоров между бретонским герцогом, возглавлявшим военную экспедицию, против норманнов, и норманнским предводителем Вурфандом. Герцог, заметив, что брод некоего ручья оказался между ним и норманнами, переходит на другую его сторону. Норманны, которые готовились напасть на него из засады, удивившись храбрости герцога, отходят. С точки зрения автора, переход ручья явился скорее не добровольным принижением статуса, а показателем храбрости бретонского герцога. То есть речь здесь идет уже не о символическом поведении и взаимодействии статусов, а о реальной безопасности договаривающихся сторон.

Встречи на реке как способ обеспечить безопасность договаривающимся сторонам прослеживается и в других текстах того же периода. Так, у Рихара Реймского есть упоминания подобной дипломатии.

Герцог Арнульф решил использовать процесс переговоров с норманном на службе короля Вильгельмом для убийства последнего. Переговоры были проведены как бы для вида на реке Сомма. Вильгельм прибыл на корабле, а Арнульф – по суше. Закончив переговоры, Вильгельм снова взшел на корабль и уже отплыл, когда на берегу появились послы Арнульфа и стали звать его

обратно. Вильгельм с помощью лодки в одиночку вернулся на место встречи и был убит.

В данном случае стороны уже не задумываются о символическом характере своих действий. Основная их потребность – обеспечение собственной безопасности, а река выступает в качестве наиболее безопасной территории для переговоров.

Итак, в раннесредневековой Европе, как на Западе, так и на Востоке, существовала практика проведения дипломатических переговоров на реке. Поведение сторон при проведении подобных переговоров было продиктовано не только утилитарными соображениями безопасности, но и представлениями о символическом значении производимых действий.

Что же касается историографической традиции изображения таких переговоров, то можно предположить ее источником «Римскую историю» Аммиана Марцеллина, которая была использована византийскими и западноевропейскими авторами для формирования двух параллельно существовавших литературных традиций.

К.Р. Капсалыкова
(Уральский ФУ им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина)

ОБРАЗ «СПЯЩЕГО ПОЛКОВОДЦА» В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ X–XI ВВ.

Аннотация: Статья посвящена формированию образа "спящего полководца", который прослеживается ещё в античной полемологической традиции. Автор фокусирует внимание на роли отдыха и сна для византийских военных.

Summary: The article is devoted of creation of "sleepind military commander". It was in classical polemological tradition. The author is focused in role of dreams and rest for byzantine army.

Ключевые слова: Византия, Византийская армия, сны, сонник, Лев Диакон, Иоанн Скилица.

Keywords: Byzantium, Byzantine army, Dreams, Book on dream Interpretation, Leo the Deacon, John Scylitzes.

Ещё в античной полемологической традиции личным качествам полководца уделялось значительное внимание. Насыщенная тревогами жизнь требовала от него умения отдыхать, способность долго выдерживать тяжелые нагрузки. При этом сонливость ещё у Ксенофонта считалась таким же пороком, как и чревоугодие, страсть к вину, сластолюбие и неспособность к труду. У византийских авторов сонливость выступает также естественным следствием этих легкомысленных увлечений плохих полководцев. Именно в ней Иосиф Генесий и Продолжатель Феофана видели причину гибели войска стратига Кивирреотов Кратера, отправленного в 829 г. императором Михаилом II на Крит. В долгом и кровопролитном сражении греки одержали победу над арабами, но затем не стали преследовать противника, а предались пьянству и неге, не позаботившись об охране, предписанной воинскими правилами. Они думали только о сне, а Сарацины же, узнав, что ромеев одолели сон и вино, совершили ночное нападение, уничтожив как всех воинов незадачливого Кратера, так и его самого [2, Р. 34.36-58; 4, Р. 79.13 – 80.23.].

Прерывистый, нервный сон сопутствовал плохому полководцу. Например, Иоанн Скилица подробно описывает сновидения, терзавшие императора Льва V незадолго до его гибели. Среди прочего, хронист упоминает о странном и тревожном сне, в котором василевс увидел приговоренного к смерти domestика схол Михаила Аморийского, «который великолепно устроился на высокой кровати... Лев подошел и чуть внимательнее посмотрел на Михаила, желая проверить, как он спит. *Ведь тревожный сон и мелкая дрожь, присущая тем, кто обеспокоен и тому, кто играет своей жизнью с судьбой в азартную игру...* (курсив. – К. К.). Михаил спал спокойно и безмятежно, император не смог разбудить его, даже когда прикоснулся. От этого неожиданного откровения гнев Льва V еще более воспалился. Он быстро

ушел, грозя всем великими карами» [1, Р. 21.92-8.]. Разгадку таким пугающим грезам византийцы искали в специальных сборниках – сонниках, призванных, как растолковать минувшее сновидение, так и объяснить будущее. Еще у античного Артемидора война и любые военные дела были «счастливым предзнаменованием только для самих воинов». Для всех остальных она сулила «смерть», «тревоги и раздоры».

Примечательно, что в толковании сна прослеживается не только жизненный опыт и житейская логика, но и символические черты [3, с. 47].

Само состояние сна у византийских авторов рассматривалось и в переносном значении. Спать - означало не обращать внимание на важные вещи. В частности, Лев Диакон писал о том, как в 963 г. магистр Иоанн Цимисхий предупредил прославленного военачальника Никифора Фоку о заговоре паракимомена Иосифа Вринги. Войдя в царский шатер, Иоанн увидел, что Фока пребывает в глубоком и беспробудном сне, подобно Эндимиону [5. с. 12, 133, примеч. 14.]. Слова Цимисхия – «ты не просыпаешься... не хочешь стряхнуть крепкий сон со своих глаз, но спрашиваешь, что нам, коль скоро мы попали в тиски неминуемой гибели, делать?» – убедили Фоку собрать сторонников и вступить в борьбу за императорскую власть [3, Р. 38.14 – 40.7.].

У византийских авторов зачастую полководец, оказавшийся в безвыходной ситуации, лишался сна, уповая только на помощь высших сил. Например, в 970/971 г. доместик схол Запада Лев Фока, окруженный войсками стратилата Варды Склира «глубокой ночью, сломленный бегством сообщников, потерявший сон и охваченный печалью... возносил мольбы к Богу». Впрочем, уже на следующий день Лев Фока и его немногочисленные сторонники попали в плен и были ослеплены по приказу императора Иоанна Цимисхия [3, Р. 120.24 – 121.3; 122.16-22.].

Но сны использовались и как средство идеологического воздействия, для того, чтобы вдохновить воинов на битву. Так случилось во время тяжелого для ромеев сражения с русским князем Святославом. «В Византии одной девице,

посвятившей себя Богу, явилась во сне богородица, которую сопровождали огненные воины. Она сказала им: «Позовите мне мученика Феодора» – сейчас же к ней подвели храброго и смелого вооруженного мужа. Богородица обратилась к нему со словами: «Твой Иоанн в Дористоле, о досточтимый Феодор, сражается со скифами и находится в крайнем затруднении; поторопись его выручить – если промедлишь, ему не избежать опасности». Тот ответил, что готов повиноваться матери своего Господа и Бога, и, сказав это, сразу же удалился. Тут же и сон отлетел от глаз девицы. Вот каким образом сбылось сновидение этой девушки» [3, Р. С. 154.10-22.].

Таким образом, сон воспринимался, ещё с античных времен, как необходимое условие военной службы и, одновременно, как опасный порок. При этом лишиться сна вовсе означало прийти в замешательство, это было свидетельством плохого военачальника. Сон мог трактоваться аллегорически, как символ рассеянности, умственной слепоты. Но отдых рассматривался как неотъемлемая черта идеального полководца. Такая двойственность прослеживается в византийской полемологической традиции на протяжении всего «времени триумфов».

Список источников и литературы

1. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. - Berlin; New York, 1973.
2. Iosephi Genesisii regum libri quattuor / rec. A. Lesmueller-Werner, I. Thurn. - Berlin; New York, 1978.
3. Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / rec. C.V. Hasii. - Bonnae: Ed. Weberi, 1828.
4. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. - Bonnae: Ed. Weberi, 1838.
5. Аполлодор. Мифологическая библиотека / изд. подгот. В.Г. Борухович.- Л., 1972. (Согласно Аполлодору, Зевс пообещал Эндимион выполнить любое его желание; тот пожелал навеки уснуть, оставаясь бессмертным и вечно юным).
6. Артемидор. Онейрокритика //Пер. Я. М. Боровского. - СПб., 1999.

ИКОНОГРАФИЯ ШАРТРСКОЙ СЕКУРИТАС

Аннотация: Шартрский кафедральный собор XIII века является жемчужиной готической архитектуры. Он известен в первую очередь своими башнями, цветными витражами и скульптурным убранством. Нотр-Дам де Шартр имеет девять порталов. Обратим внимание на северный фасад собора. Здесь, на шестой арке левого портала, расположены четырнадцать фигур, изображающих общественные и личные добродетели. В их числе – *Securitas*. Персонифицированная Безопасность представлена в виде молодой женщины. Постараемся определить семантику ее атрибутов и место самой аллегии в этических концепциях западноевропейского Средневековья.

Традиционно считается, что источником для создания четырнадцати «шартрских добродетелей» послужила «*Liber de sancti Anselmi similitudinibus*». Эдмер Кентерберийский, предполагаемый автор этой книги, представляет следующий перечень: «*Partes enim beatitudinis sunt pulchritudo, agilitas, fortitudo, libertas, sanitas, voluptas, longaevitas, sapientia, amicitia, concordia, honor, potestas, securitas, gaudium*» (cap. XLVIII). Список Эдмера идентичен поясняющим граффити неизвестного скульптора, за одним исключением – у ученика святого Ансельма вместо «*velocitas*» присутствует «*agilitas*».

Возвращаясь к *Секуритас*, отметим, что рассматриваемая статуя почти не имеет ярко выраженных отличительных черт. Еле уловимая улыбка; волнистые волосы, ниспадающие на плечи; наличие короны, платья с драпировкой, баннера и щита сближают ее с некоторыми другими абстракциями собора. Унификация нарушается лишь в одной детали - щитовой эмблеме. На щите *Безопасности* запечатлен замок. Поскольку статуя находится в пределах христианского храма, то можно предположить, что шато символизирует Небесный Иерусалим. Святой город описывается в Библии как неприступная крепость, где будет безопасно и счастливо обитать спасенное человечество (Откр. 21). *Безопасность*, как божественный дар, имеет демоническую противоположность в виде *Страха*, мучающего грешников. Мотив противостояния *Securitas* и *Timor* присутствует не только в сочинениях Эдмера (*De similitudinibus*, LXIX). Он довольно подробно освещен в труде Гильома Кониского (*Moralium dogma philosophorum*, I. C. 3), представителя Шартрской школы философии.

Шартрская *Секуритас* несколько аскетична. Однако, в сравнении с другими изображениями *Безопасности* она неповторима. *Секуритас*, вместе с остальными

обожествленными понятиями, стоит на страже святой обители и напоминает прихожанам о том, что Церковь защищает их души от страхов Града Земного.

Summary: *The thirteenth-century Chartres cathedral is a masterpiece of Gothic architecture. It is known primarily for its towers, stained-glass windows and sculptural decor. Notre-Dame de Chartres has nine portals. Let us pay attention to the northern facade of the cathedral. There are fourteen figures representing public and private virtues on the sixth arch of the left portal. Securitas is among them. Personalized Safety is represented as a young woman. The paper offers an attempt to define the semantics of its attributes and the place of this allegory in the ethical concepts of the Western European Middle Ages.*

It is widely believed that a source for the creation of fourteen "Chartres virtues" was "Liber de sancti Anselmi similitudinibus". Edmer of Canterbury, the alleged author of this book, gives the following list: "Partes enim beatitudinis sunt pulchritudo, agilitas, fortitudo, libertas, sanitas, voluptas, longaevitas, sapientia, amicitia, concordia, honor, potestas, securitas, gaudium" (cap. XLVIII). Edmer's list is identical to explaining graffiti of an unknown sculptor, with one exception – there is "agilitas" instead of "velocitas" in the work of St. Anselm's disciple. Moving on to Securitas, let us note that the statue has almost no pronounced distinguishing features. Faint smile, wavy hair flowing over her shoulders, a crown, a dress with drapery, a banner and a shield make her look similar to some other abstractions of the Cathedral. The difference is in one detail only – a shield emblem. Securitas' shield is ornated with a depiction of a castle. Since the statue is a part of a Christian church, it can be assumed that a château symbolizes New Jerusalem. In the Bible the Holy City is described as an impregnable fortress where the rescued mankind will live safely and happily (Rev. 21)

Security as a divine gift has a demonic antipode in a form of Timor (Fear), tormenting sinners. The motive of confrontation of Securitas and Timor exists not only in Edmer's writings (De similitudinibus, LXIX). It is carefully described in the work of William of Conches (Moralium dogma philosophorum, I. C. 3), a representative of the Chartres school of philosophy. Securitas from Chartres Cathedral is ascetic. However, it is unique in comparison with other images of Safety. Securitas together with the other deified concepts is a guardian of the monastery and reminds the congregation that the Church protects their souls from the fears of the Earthly City.

Ключевые слова: *Шартрский собор, скульптура, Безопасность.*

Keywords: *Chartres Cathedral, sculpture, allegorical figure of Security.*

Шартрский кафедральный собор XIII века является жемчужиной готической архитектуры. Он известен в первую очередь своими башнями, цветными витражами и скульптурным убранством. Нотр-Дам де Шартр имеет девять порталов. Обратим внимание на северный фасад собора. Здесь, на шестой арке левого портала, расположены четырнадцать фигур, изображающих общественные и личные добродетели. В их числе – *Securitas*. Персонифицированная Безопасность представлена в виде молодой женщины.левой рукой она опирается на щит, а правой держит штандарт. Постараемся определить семантику указанных атрибутов и место самой аллегии в этических концепциях западноевропейского Средневековья.

Традиционно считается, что источником для создания четырнадцати «шартрских добродетелей» послужила «*Liber de sancti Anselmi similitudinibus*» [5]. Эдмер Кентерберийский (XI-XII вв.), предполагаемый автор этой книги, представляет следующий перечень: «*Partes enim beatitudinis sunt pulchritudo, agilitas, fortitudo, libertas, sanitas, voluptas, longaevitas, sapientia, amicitia, concordia, honor, potestas, securitas, gaudium*» (caput XLVIII) [3]. Список Эдмера идентичен поясняющим граффити неизвестного скульптора, за одним исключением – у ученика святого Ансельма вместо «*velocitas*» присутствует «*agilitas*». Впрочем, значения обоих слов практически одинаковы – подвижность, легкость, скорость.

Возвращаясь к *Секуритас*, отметим, что рассматриваемая статуя почти не имеет ярко выраженных отличительных черт. Еле уловимая улыбка; волнистые волосы, ниспадающие на плечи; наличие короны, платья с драпировкой, баннера и щита сближают ее с некоторыми другими абстракциями собора. Унификация нарушается лишь в одной детали - щитовой эмблеме. На щите Безопасности запечатлен замок или укрепленный город. Поскольку статуя находится в пределах христианского храма, то можно предположить, что шато символизирует Небесный Иерусалим. Святой город описывается в Библии как

неприступная крепость, где будет безопасно и счастливо обитать спасенное человечество (Откр. 21; ср. August. De civ. Dei XVII. 13).

Сравнительное сопоставление различных образов показывает, что шартрская Секуритас обладает индивидуальностью. Древнеримская персонифицированная Безопасность изображалась в виде женской фигуры, принимающей различные позы. Её атрибуты разнообразны: алтарь, кадуцей, колонна, корнукопия, патера, посох, сфера [4]. Сидящая напротив алтаря Секуритас с фрески Гуальтиеро Падовано 1550 г. полностью соответствует античному канону. Близки к классическим художественным традициям богини с гравюр Джованни Баттиста де Кавальери (1594 г.) и Аннибале Карраччи (1597 г.). С древнеримской монеты мог позаимствовать рассматриваемый образ веронский живописец Франческо Лоренци, сделавший в 1780 г. карандашный набросок «Securitas Temporum». Крылатый ангел Securitas с сиенской фрески 1337-1339 гг. кисти Амброджо Лоренцетти держит развернутый свиток и виселицу с казненным преступником. На гравюре Альбрехта Дюрера 1522 г. Секуритас с венком сопровождает триумфальную колесницу императора Максимилиана I. В стремительном движении представлена аллегория Безопасности на рисунке Джулио Бонасоне 1555 г. Богиня идет по сельской дороге, прижав левой рукой крест и ягненка. На портрете Карла де Лонгваля 1621 г. скорбящая Секуритас Рубенса держит шест с трофеем. Нидерландский художник Йелгерхейс Риенк в 1764 г. снабдил персонификацию дубовой ветвью, мечом и щитом. Даму в кольчуге и шлеме окружают лев, кубок, военные знамена и пушка.

Безопасность, как божественный дар, имеет демоническую противоположность в виде Страха, мучающего грешников. Мотив противостояния Securitas и Timor присутствует не только в сочинениях Эдмера (De similitudinibus, LXIX). Он довольно подробно освещен в труде Гильома Коншского (Moralium dogma philosophorum, I. C. 3) [2], представителя Шартрской школы философии.

Приглядимся к ближайшим аксиологическим связям Безопасности. На сестерциях императора Калигулы встречаются стоящие рядом фигуры Securitas, Concordia (Согласие), Fortuna. На бронзовом триптихе Тибурцио Верджелли конца XVI в. Securitas объединена с Tranquillitas (Спокойствие) и Hilaritas (Радость). У мастера Шартрского собора она соседствует с Sanitas (Здоровье) и Sapientia (Мудрость). Связь Секуритас с Санитас прослеживается еще у Сенеки Младшего (De benef. III. 14. 3-4), который ставит в тот же ряд dignitas (достоинство). Цистерцианец Бернард Клервоский считал достоинство, знание (scientia) и добродетель (virtus) благами высшего порядка (De diligendo Deo II. 2), но особенно он превозносил мудрость (De diligendo Deo XI. 33, De gratia et libero arbitrio VI. 20, VIII. 26, IX. 28, X. 32-34) [6]. Доминиканский монах Винсент из Бове помещает идеальную securitas ближе к душевной sapientia, чем к телесной sanitas (Speculum morale II. 4. 3) [1]. Фульберт Шартрский, перечисляя обязанности вассала по отношению к своему господину, упоминает безопасность в более утилитарном контексте, в значении непричинения ущерба интересам сеньора, и употребляет слово «tutum» (Epist. LVIII) [7].

Шартрская Секуритас, в общем и целом, несколько аскетична, но при этом отличается своеобразием. В сравнении с другими, античными и средневековыми, изображениями Безопасности она неповторима. Секуритас, вместе с остальными обожествленными понятиями, стоит на страже святой обители и, вероятно, напоминает прихожанам о том, что Церковь защищает их души от страхов Града Земного.

Список источников и литературы

1. Bibliotheca Mundi. Seu speculi maioris Vincentii Burgundi praesulis Bellovacensis, Ordinis Praedicatorum, theologi ac goctoris eximii, tomus tertius, qui speculum morale inscribitur...Duaci, 1624. - Col. 850, 853.
2. Das Moraliu dogma philosophorum des Guillaume de Conches / J. Holmberg (ed.). - Uppsala, 1929. - S. 32-36.
3. Eadmeri Monachi liber de Sancti Anselmi Similitudinibus // Patrologia Latina. - Vol. CLIX. - Col. 627.
4. Kneppе А. Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr. - Stuttgart, 1994. - S. 268-278.
5. Mémoires de la Société archéologique d'Eure-et-Loir. - T. III. - Chartres, 1863. P. 301.

6. S. Bernardi abbatis primi Clarae-Vallensis opera omnia...Patrologia Latina. - Vol. CLXXXII. - Col. 976, 994, 1012, 1015, 1016, 1018, 1019.
7. Sancti Fulberti Epistolae ordine chronologico digestae // Patrologia Latina. - Vol. CXLI. - Col. 229.

А.Д. Драгунов (МПГУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЛЬНОГО ОБРАЗА РЫЦАРЯ-ТАМПЛИЕРА

***Аннотация:** В рамках данной статьи предпринимается попытка выявить и проанализировать основные контуры восприятия и визуализации в когнитивном пространстве Средневековья такого неоднозначного и достаточно специфического социального института, как Орден Христа и Храма Соломона. Особое внимание уделяется аспектам восприятия рядовыми обывателями средневекового социума внешности членов ордена и их поведенческих доминант. Также предпринимается попытка акцентировать внимание на сочетании ментальной визуализации тамплиеров в нарративе идеологов Ордена (аббат Ключни, св. Бернар Клервосский) и репрезентативном воплощении ими этого идеала в повседневной практике.*

***Summary:** Within this article the attempt to reveal and analyze the basic contours of perception and visualization in cognitive space of the Middle Ages of such an ambiguous and specific social institution, as the Order of the Knights Templar is undertaken. The special attention is paid to aspects of perception by ordinary inhabitants of medieval society of appearance of members of an order and their behavioral dominants. Also the attempt to focus attention on a combination of mental visualization of Templars in the narrative of ideologists of the Order (abbey Kljuni, St. Bernard Klervosky) and a representative embodiment by them of this ideal in daily practice is undertaken.*

***Ключевые слова:** Орден Храма, медиевистика, внешний вид, одежда, поведение, Латинский устав Ордена Храма, символическое пространство, христианские символы.*

***Keywords:** an image, the Order of the Knights Templar, medievistics, appearance, clothes, behavior, the Latin charter of the Award of the Temple, perception, symbolical space, Christian symbols.*

История образа в современной медиевистике, да и в целом в историческом исследовании играет немаловажную роль. Средневековье – это

время, когда люди все аспекты своей жизни воспринимают через образ – форму понимания мира через истолкование материального в идеальном. Как образ воспринималось все: внешний вид, поведение, и прочее. Все что угодно могло стать неким символом, указывающим на различные смыслы.

Одним из наиболее привлекательных в этом ключе для исследователя-медиевиста выступает символическое пространство рыцарей-храмовников, дававшее богатую почву для возникновения целого комплекса подобного рода интерпретаций. Само по себе явление военно-монашеского ордена в символической культуре высокого средневековья является несколько мистифицированным. Восприятие смеси благородства и доблести рыцаря, и кротости и мудрости монаха порождает весьма благоговейные эмоции в умах людей того времени, а множественные аспекты внешнего вида членов ордена и их поведения дополняли этот образ, делая его полным и невероятно насыщенным.

Внешний вид это неотъемлемая часть повседневности любого человека, а говоря об Ордене Храма, хочется подчеркнуть, что это было еще и некоторым символом, который они достаточно чётко обозначили и несли с самого начала и до конца. Уже в латинском уставе предмету внешности членов ордена уделялось несколько статей, регламентировавших то, как члены Ордена Храма должны были выглядеть, в том числе и в глазах окружающих.

Поведение тамплиеров также играло немаловажную роль в том, как они выглядели как сами по себе, так и в глазах окружающих. Изначально, тамплиеры, действительно представляли собой образчик смирения и христианской (в Европейском, средневековом понимании этого) добродетели. Речи их были полны учтивости и вежливого обращения ко всем. Внутри же Дома, грубость и неучтивость особо воспрещалась, и это даже нашло отражение в первоначальном, латинском уставе. Несколько позже, когда орден расширился и пополнился людьми, нормы вежливого, учтвого поведения стало выполнять несколько сложнее. Это, конечно же, играло отрицательную

роль в пути следования примерному, христианскому поведению, однако в любом случае это очень жёстко контролировалось, устав всё больше и больше модернизировался, а следовательно, орден следил за тем, чтоб ничто не могло пошатнуть, как и свой облик в глазах окружающих их людей, так и некоторые идеологические и моральные «скрепы» внутри самого себя.

Хочется подытожить все эти мысли таким тезисом: орден, с самого своего начала заботился о своей репутации, причем достаточно верно полагая, что внешний вид и поведение его членов играет в этом не последнюю роль. Понятное дело, что восприятие людей того времени строилось в первую очередь на восприятие образа. А что как не внешний облик, тем паче, который строится на цветовой (белый цвет), форменной (простая, строгая одежда без излишеств, еще и единообразная у всех), и идеологической (овечья шерсть, бараний мех, грубость ткани) символике наиболее прочно заседает в голове у людей того времени, и совокупность этих символов формировало наиболее благоприятное восприятие у окружающих. Вежливость с окружающими дополняла этот светлый внешний образ теми нюансами, которые «озаряли» храмовников в глазах, привыкших к повседневной грубости, средневековых людей «ослепительным сиянием» добродетели и верха того, чего мог духовно достичь рыцарь. Однако хотя тамплиеры и старались создать и поддерживать положительный (и в то же время почтительный) образ у людей, которые их окружали, в итоге вышло всё не так гладко, как бы им хотелось.

А.В. Фесенко (МГИК)

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ РЫЦАРЕЙ

Аннотация: Доклад посвящен рассмотрению мифа как одного из культурных оснований идентичности европейской интеллектуальной элиты на примере французского рыцарства. На протяжении столетий этот миф актуализировался в разных формах и

эволюционировал. Это обстоятельство привело элитарные слои европейского общества к созданию и манифестации новых этногенетических мифов.

Summary: The Myth is considered as one of cultural grounds for identity of european intellectual elite on the example of the French knighthood. During centuries this myth was actualized in different forms and evolved. This fact led the elite sectors of european society to creation and manifestation of new ethnogenetic myths.

Ключевые слова: Миф, французское рыцарство, идентичность.

Keywords: Myth, French knighthood, identity.

В истории в ряду мифов, уже на ранних стадиях своего существования ставших идеологическими, мы встречаем два, по нашему мнению, генеральных мифа для Европы: Троянский и Фермопильский. Первый является элитарным, второй – массовым. Оба эти мифа – разные по своему генезису – неоднократно актуализировались в разные периоды европейской истории с целью манифестации европейских идей и ценностей в противопоставлении «иному», не европейскому. При этом, в своей эволюции, Троянский миф из космогонического переходит в область идеологии к V в. до н.э. А Фермопильский миф испытывает метаморфозы в обратном порядке, рождаясь из исторического события, в XX веке обретает черты космологического принципа [9, с. 120].

Миф о троянском происхождении франков начал распространяться среди франкской элиты еще в VI веке, но письменная фиксация сюжета о миграции европейских народов из Трои впервые встречается только в хронике Фредегара (середина VII в.) [1].

Позднее о троянских корнях франков сообщает анонимная хроника VIII века «Книга истории франков» (*Liber historiae Francorum*) [2].

Конец XI века ознаменовался началом «Крестовых походов». На фоне предстоящих походов на Восток рыцарство, испытывало острую потребность в мифологизации собственного прошлого. Троянская война, воспринимавшаяся средневековым европейским сознанием не просто как исторический факт, но и как акт военного столкновения между Востоком и Западом являлась в таком

свете параллелью между мифологическими событиями древности и крестоносным движением [6, с. 210].

Яркий пример глубокой укорененности в рыцарском сознании мифогенетических представлений являет нам эпизод описанный участником четвертого крестового похода, французским рыцарем Робером де Клари, ярко демонстрирующий аспект троянской идентичности рыцарей. В беседе с влахами и куманами, мессир Пьер де Брешель разъясняет причину прибытия рыцарей в Византию: «Троя принадлежала нашим предкам, а те из них, кто уцелел, они пришли оттуда и поселились в той стране, откуда пришли мы; и так как Троя принадлежала нашим предкам, то мы, поэтому, и прибыли сюда, чтобы завоевать землю» [7, CVI, 75].

Вторым генеральным мифом для Европы является «Фермопильский миф».

Легенда о том, что триста воинов из Спарты сдерживали натиск многотысячной армии персов, стала хрестоматийным примером. Причину такого феномена следует искать, конечно, в самой Спарте [8]. Благодаря ей это сражение было мифологизировано в максимально возможных масштабах. Немало этому поспособствовал и труд Геродота.

После захвата и разграбления Афин в 1205 году, франки подверглись мифологической диффузии. Рыцари представляли себе античную эпоху по рыцарским романам, они, как и составители мифологических генеалогий, смешивали воедино Ахиллеса, Александра Македонского, короля Артура, а Тесея называли афинским герцогом. «Французские бароны, пришедшие в Грецию, воспринимали себя наподобие персонажей героической эпохи, считали преемниками Агамемнона и Тесея» [5, с. 207].

В 1275 году в Грецию, находившуюся в то время под властью франкских крестоносцев, вторглось тридцатитысячное войско византийцев, турок и куманов. Они окружили город Неопатрэ. Правитель Фессалии Иоанн I Себастократор бежал из Неопатрэ, пробрался через Фермопилы и обратился к

афинскому герцогу Жану Ла-Рошу за помощью. Здесь, у Фермопил, произошло сражение. «Он (герцог – А.Ф.) мужественно кинулся на неприятельский лагерь, рассеял большое войско Палеолога и одержал блестящую победу. Город Неопатрэ был освобожден, бежавший неприятель принужден был удалиться из Фессалии» [4, с. 337]. Случайно ли именно триста рыцарей выступили под предводительством Жана Ла-Роша или в этом есть некий символ, рефлексия? Мы склоняемся ко второй версии. При виде огромного войска неприятеля Жан Ла Рош, ободряя перепуганного Иоанна I, произнес слова из сочинения Геродота: «Много людей, но мало мужей». Отметим, что у Геродота эта фраза звучит именно в фермопильском контексте. В первом же бою в Фермопилах персы потерпели поражение от греков: «Мидяне стремительно бросились на эллинов; [при каждом натиске] много мидян падало, на место павших становились другие, но не отступали, несмотря на тяжелый урон. Тогда, можно сказать, всем стало ясно, и в особенности самому царю, что людей у персов много, а мужей [среди них] мало» [3, VII, 210].

Таким образом, вполне допустимо, что в битве у Фермопил в 1275 году, рыцари идентифицировали себя с эллинскими героями, противостоящими нашествию варваров.

Список источников и литературы

1. Fredegarius (Scholasticus): *Fredegarii et aliorum chronica*. Ed. V. Krusch. - Hannoverae, 1888.
2. *Liber Historiae Francorum* / Edit. and transl. with an Introd. by V.S. Bachrach. - Coronado Press, 1973.
3. Геродот. История. VII, 210.
4. Грегоровиус Ф. История города Афин в средние века. От эпохи Юстиниана до турецкого завоевания. – М., 2009.
5. Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Судьба Парфенона. – М., 2000.
6. Маслов А.Н. Троянская война и античность в исторической беллетристике Средневековья: «История разрушения Трои» Гвидо де Колумна в средневековой традиции. Дисс... канд. ист. наук. - Н. Новгород, 2003.
7. Робер де Клари. Завоевание Константинополя. - М., 1986.
8. Среди работ, специально посвященных теме мифологизации Спарты в древности, особенно см.: Ollier F. *Le Mirage Spartiate*. - Т. I-II. - Paris, 1933-1943.
9. Фесенко А.В. Феномен Фермопил // Культура: философско-исторические аспекты изучения и развития. - ТЧ. 3. –М., 2001.

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ. ВЕРА В ДОБЛЕСТЬ И ФОРТУНУ

Аннотация: Доклад посвящен политической философии Никколо Макиавелли, основными положениями которого была неразрывная связь личностных качеств лидера, взаимосвязь его доблести с Фортуной и политической борьбы как стержня политического развития общества.

Summary: This lecture is dedicate to Niccolo Machiavelli political philosophy, which main position was concluded to personal characteristics of leader, then interrelation between valor (*virtu*) and Fortuna and also political struggle as core of poltitical progress of society.

Ключевые слова: Макиавелли, макиавеллизм, *virtu*, Фортуна, политическая философия, политология, Средневековье.

Keywords: Machiavelli, machiavellism, *virtu*, Fortuna, political philosophy, political science, Medieval.

Никколо Макиавелли — гений политической мысли, по праву считающийся основоположником политической науки, которая была выкована в жестокие и тяжелые времена Итальянских войн позднего Средневековья. Фигура Макиавелли до сегодняшнего дня становится темой самых яростных дискуссий, отчасти в силу того, что сами идеи Макиавелли якобы попирают вековые моральные ценности и устои не только в политической сфере жизни человека, но и даже в обыденной [4].

Важно отметить, что изучение политических идей Макиавелли необходимо проводить в контексте того времени, в котором жил и творил итальянский политический философ. Флоренция времен Итальянских войн — это город-государство, в котором расцвели искусство и философия Ренессанса, но при этом соседствовавшего с политическими интригами и разрушительными войнами за передел сферы влияния на Аппенинском полуострове.

Рождение классического гуманизма и появление антропоцентрического мышления, в противовес официальной католической религиозности, столь сильно преобразившие народы итальянских городов, вроде Флоренции, во

многим повлияло на мировоззрение Макиавелли, который, несмотря на гуманистическое образование, все же противопоставлял себя излишней вычурности и поэтизированности Ренессанса. Будучи большим поклонником героев и полководцев Римской республики, Макиавелли видел бытие человека вечной борьбой или игрой с Судьбой, с Фортуной [5, 8].

Безусловно, в соответствии с канонами ренессансного гуманизма, человек имел свободу воли, но всю полноту власти над своей жизнью он мог заслужить только доблестью, так называемым *virtu* (вирту). *Virtu* для Макиавелли было неким идеалистическим метафизическим явлением — воинским духом, свободным духом, покорявшего Фортуны, которая в системе мировоззрения итальянского мыслителя выступала Абсолютом [8].

Некоторые исследователи склонны видеть в идее покорения Фортуны как богини Судьбы своеобразный эротический контекст, но для политической науки эта мысль вероятно имеет ценность как залога фундамента раннего индивидуализма и либерализма [1, 8].

Макиавелли свойственно приписывать покровительство тирании, но жестокий и беспринципный лидер для итальянского мыслителя — явление лишь временное. Такой лидер появляется лишь в те времена, когда исполнение самых благих идей требует решительности и неотступности перед теми политическими испытаниями, которые могут возникнуть на пути воплощения политического замысла. Как правило, этими чертами обладают специфические лидеры, возникшие из сильных, индивидуалистичных и активных людей, связавших свою жизнь с военной карьерой [2, 8].

Политическим идеалом же Макиавелли всегда выступала республика, безусловно смелая мечта для реалий того времени. Вопрос заключался только в том, какая же республика? Мнения современных исследователей разделились. Существует положение, что речь идет об аристократической республике, корни которой уходят в классическую Римскую республику. Леворадикальная и леволиберальная часть исследователей творчества Макиавелли полагает, что он

боролся за право национального и народного самоопределения, попытавшись сформировать политическую волю итальянского народа [1, 2, 3, 8].

Несмотря на разночтение макиавеллистских идей, практически все ученые сходятся во мнении, что Макиавелли был тем самым идеальным человеком Средневековья: со свойственной ему мечтательностью и страстной верой в сверхъестественное, что управляет людьми и направляет их волю к некоему светлому Абсолюту. Вера в *virtu*, в доблесть, применима не только к индивидуальным личностям вроде политических лидеров, но и к обществу, к народным массам [7].

Макиавелли полагал, что целые народы, а не только отдельные личности, должны проявлять *virtu*, чтобы заслужить покровительство и милость Фортуны. Иначе, под давлением исторических процессов и времени, будет существовать риск того, что народ погибнет и исчезнет. В мировоззрении Макиавелли человеческая общность — это постоянная динамика политических интересов, систем и идеологий, а потому этому процессу сопутствует борьба: борьба политических интересов, борьба партий и классов [7,8].

Борьба народа с властью, борьба политических партий — это основа развития политической жизни общества. Без борьбы общество впадет в стагнацию, в упадок — есть риск, что абсолютное повиновение предопределил появление незыблемой тирании, которая нарушает саму идею цикличности смены государственных форм власти. Постоянная смена форм власти — это главный стержень взгляда Макиавелли на исторический процесс, отчасти возникший под влиянием веры позднего Средневековья в Фортуны, которая перемалывает человеческие судьбы в своем Колесе.

Список источников и литературы:

1. Бакунин М. Коррупция. О Макиавелли.// Вопросы философии. - М., 1990.- № 12.- С. 369-382.
2. Баренбойм. П., Захаров А. Флорентийская утопия: Государство как произведение искусства. Макиавелли. - М., 2012.
3. Грамши А. Никколо Макиавелли. Искусство политики. - М., 1991.

4. Капустин Б.Г. Макиавелли и проблема различения политической и частной морали//VI Международная конференция: Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. Этика. Наука. Политика.- СПб., 2014.-С.13-14.
5. Капустин Б.Г. Мораль и политика//Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избр. эссе.- М., 2010.- С. 347 — 366.
6. Макиавелли, Н. Государь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=18713&p=5> (дата обращения 29.11.2015).
7. Макиавелли, Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=18716&p=17> (дата обращения 29.11.2015).
8. Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.rulit.me/books/makiavelli-ochen-kratkoe-vvedenie-read-279751-1.html>(дата обращения: 29.11.2015).

Е.В.Пенионжек
(УрЮИ МВД России)

МИСТИКА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: В статье рассмотрены основания идей мистицизма в философской культуре Средневековья. Показана роль учения Бернара Клервосского и значение мистической философии истории.

Summary: The article discusses the founding ideas of mysticism in the philosophical culture of the Middle Ages. The role of teachings of Bernard of Clairvaux and the value of the mystical philosophy of history.

Ключевые слова: Средние века, мистика, Бернар Клервосский, мистическая философия истории.

Keywords: The middle ages, mysticism, Bernard Clairvaux, a mystical philosophy of history.

Особое место среди иерархичной и символической культуры Средних веков занимала мистика. Сам термин «мистика» впервые появляется в корпусе сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита. Мистика – это сакральная, например, христианская практика, целью которой является сверхматериальное (а значит, сверхвременное и сверхпространственное) общение с «живым Богом» (Богом как личностью). Мистик стремится достичь в экстатическом состоянии единения с Богом, переживая при этом Откровение Бога в том случае, когда Бог стремится поведать человеку неизъяснимое, а человек оказывается способен

это понять. Мистика предполагает ступенчатое совершенствование личности, приближения человека к Богу.

Мистическому мышлению свойственен духовный опыт возведения к Богу, к целостному бытию той части человека, которая является образом Бога. Мистическое мышление отлично тем, что оно выражается образами, и не в языке. Акт Откровения переживается мистиком в состоянии транса, галлюциногенных, часто фантомных переживаний, часто глоссолалии – включения в речь слов несуществующего языка. Основными типами мистического мировоззрения являются гностицизм, пророчески-мессианский мистицизм, сверхисторически-эсхатологический мистицизм, софиология, а также еврейский мистицизм. Гностицизм (от греч. *gnostikos* – познающий) сочетал принципы мистического и символистического понимания Библии с сознательно целеположенным волевым актом познания – богопознания, самопознания. Софиология – учение о Софии Премудрости Божией – восходит к тексту книги Притчей Соломоновых (Пр. Сол. 8:1–36, 9:1-12) и обращается к проблеме взаимоотношения Бога и мира, происхождения несовершенного мира из совершенства Бога.

Мистический компонент является одним из важнейших элементов структуры религиозного сознания. Само название этой формы мировоззрения «религия» утверждает связь человека с высшей силой. Самым обыденным и массовым проявлением такой связи является молитва. Поверхностное понимание молитвы представляет ее как монолог, где верующий не слышит Бога, он ожидает ответного действия. Для религиозного сознания, несомненно, молитва – это диалог: Бог отвечает верующему, однако, он не слышит ответа, лишь располагает возможностью так или иначе трактовать произошедшее как ответное действие Бога. Мистическое общение означает, что человек слышит ответ Бога, знает, понимает то, что ему было сказано. Все органы чувств, материальное тело человека располагают осязаемым, переживаемым ответом

Бога. При этом человек зачастую не в состоянии передать «...обретенные впечатления на обычном посюстороннем языке»[2].

Мистика тесно связана с апофатическим богословием, целью которого является не приобретение суммы знаний о Боге, но живое общение с Богом. Мистическое общение человека с Божеством предполагает интуитивные, внерациональные каналы для связи с Богом. Речь мистика наполнена метафорами, иносказаниями, недоговоренностью. Мистик не стремится быть понятным, мистические тексты увлекают красотой и поэзией. Примером мистического текста являются слова Псевдо-Дионисия Ареопагита: «Мы погружаемся во мрак, который выше ума, и здесь мы обретаем уже не краткословие, а полную бессловесность» [1, с. 139]. Можно сказать, что мистика – это сфера личного религиозного творчества.

Основателем непосредственно средневековой христианской мистики стал Бернар Клервосский, утверждавший, что на основании смирения и любви возможно молитвенное созерцание христианской истины. Бернар Клервосский был французским богословом, аббатом цистерцианского монастыря, основателем духовно-рыцарских орденов в Святой земле (1147 год). За свое следование аскезе был причислен католической церковью к лику святых (1174 год). Основным жанром мистических произведений Бернара Клервосского является проповедь («О почитании Бога», «О ступенях смирения и гордости»). Его учение основывается на принципе невосприимчивости к внешнему материальному миру.

Мистическое восхождение Бернар Клервосский толковал как восхождение без чувственных видений («...соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6:17)). Мистическая философия, по Бернару Клервосскому, не нуждается даже в помощи образов. Сочетая богословский догмат творения «из ничего» (Быт. 1.) с неоплатоническими концепциями восхождения в область божественного через экстаз, средневековые мистики рассматривали человека как имеющего специфическую миссию в мире.

Усматривая отражающийся в материальном мире мир небесной иерархии, мистик созерцал образ Бога в своей душе, стремясь перейти в область божественного.

Человеческое понимается мистиком как круг, начало и конец которого находятся в Абсолюте. Душа человека, по Бернару Клервосскому, стремится соединиться с Богом по причине того, что Бог является источником души человека. Развитое в рамках философии неоплатонизма учение об эманации занимает свое место и в мистической философии Средневековья: эманация (лат. *emanatio* – истечение) предполагает нисходящее движение и обратное направление для восходящего экстаза, в христианской мистике эманация переосмысливается как истечение любви Бога-отца человеку вкупе с любовью человека к Богу-отцу. Душа человека, наполненная любовью к Богу, метафорически представляется Бернаром Клервосским как светильник с огнем внутри, свет этого огня стремится воссоединиться с источником света.

Мистика способствует развитию жанра автобиографий, то есть повествований, связанных с жизнью конкретного человека. Такого рода антропологическое видение мира способствует интеллектуальному осмыслению истории и формирует специфичную для Средневековья философию истории. Мистическая философия истории имеет целью показать соединение человека с Богом как обратное восхождение земного к небесному при усвоении догматики, свода правил, в которые необходимо безоговорочно верить.

Список источников и литературы

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1971.

Секция III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИОДИНАМИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

В. А. Булдаков (Москва)

РОЛЬ СОЗДАНИЯ АРМЯНСКОГО АЛФАВИТА В ХРИСТИАНИЗАЦИИ АРМЕНИИ В IV В. Н. Э.

Аннотация: Статья посвящена осмыслению влияния создания армянского алфавита на процессы христианизации армянского общества в V н. э., которая внесла не оспоримый вклад в развитие не только Армении, но и Византийской Империи. Были внесены новые формы диалога и общения в армянском социуме и все его сферы, в том числе и в образование. Показано, что новые способы коммуникации играют в обществе двоякую роль: могут формировать новое монотеистическое сознание, которое требует изменения религиозного уклада жизни, или же развивать новое мышление для интеграции в разные общества. Также являясь, одним из важнейших событий в истории армянского народа, создание алфавита и христианизация оставляют важнейший след в армянской культуре.

Summary: The article is devoted to the understanding of the influence of the creation of the Armenian alphabet on the processes of Christianisation of the Armenian society in the V BC, which made not voidable contribution to the development not only of Armenia but also of the Byzantine Empire. Were introduced new forms of dialogue and communication in the Armenian society and all its spheres, including in education. It is shown that new ways of communication play in society dual role, can form a new monotheistic consciousness, which requires changes in religious lifestyle, or to develop new thinking for integration in different societies. Also being one of the most important events in the history of the Armenian people, the creation of the alphabet and Christianization leave a major trace in Armenian culture.

Ключевые слова: Армения V в. н. э., христианизация, армянский алфавит, Мовсес Хоренаци, Месроп Маштоцэ, Григорий Просветитель, Матенадаран.

Keywords: Armenia V century ad, christianization, armenian alphabet, Movses Khorenatsi, Mesrop Mashtots, Gregory the Illuminator, the Matenadaran.

В 287 г. н. э. царем Армении становится Тиридат III Великий из династии Аршакидов [1, с. 39—56] (арм. Аршакауни) (287-330). В его годы Армения поддерживалась Римской империи, а именно императорами Диоклетианом и Константином, о чем свидетельствует армянский историк Мовсес Хоренаци в своей истории [8, II. 82-83]. Также в 298 г. Между Римом и Сасанидским Ираном был заключен Нисибский мир, по которому Армения входила теперь в сферу интересов только Рима [4, XXV. 7. 9]. Обстановка в государстве требовала создание иной идеологической силы, в следствии развития раннефеодальных отношений и давления зороастрийской религии в Сасанидском Иране. Тиридат III обратил свой взор на распространяющееся в Армянском обществе христианское движение. Проводником христианство и ведущим деятелем в его распространении был Григорий Просветитель, хотя на христианство и были массовые гонения: “Сей Константин, еще до вступления на престол будучи кесарем, побежденный (однажды) в сражении, в великой тоске погрузился в дремоту, и привиделся ему во сне звездный крест с небес, с надписью, гласившей: «Сим побеждай». Превратив это в сигнум и повелев нести перед собой, он стал побеждать в войнах. Однако впоследствии, под влиянием своей жены Максимины, дочери Диоклетиана, он воздвиг гонения на церковь и, предав многих мученической смерти, сам был поражен слоной проказой, охватившей все его тело в наказание за дерзновенность” [8, II. 82-83]. Мученикам и потерпевшими от гонений стали также странствующие проповедницы Рипсимэ и Гайанэ. К 314 г. н. э. Христианство стало государственной религией в Армении (301 г. н. э. – традиционная дата). События описаны в произведении Атангелоса “История”. Духовенство стало особым феодальным сословием в обществе, оно не было податным. Возникали монастыри, например, Ованаванк, Хор-Вирап (на том месте, где Тиридат III мучал Григория Просветителя), Эчмиадзин, Одзун и жемчужина Армении – Гегард или Айриванк (“пещерный монастырь”). Во главе Армянской Церкви встал епископ-католикос, звание было наследственное по линии Григория

Просветителя. Христианская проповедь равенства людей перед богом и загробного воздаяния находила отклик в народе и несколько успокоила нараставшее недовольство крестьянства. Богослужения велись в течение всего IV века, вероятно, по-сирийски (множество сирийских слов, связанных с письменностью и церковным обиходом, сохранились в армянском языке.). Это затрудняло проповедническую деятельность христианского духовенства. В последствии появился Армянский алфавит. Его создатель – Месроп Маштоци. Был сыном свободного крестьянина, служил также воином [5, с. 72, 87]. Изобретение алфавита исходило из последних достижений греческой лингвистики того времени. Согласно Мовзесу Хоренаци [8, III. 47], Маштоц учился у католикоса Нерсеса I Великого. Г. Ачарян считает возможным, что Маштоц получил образование в монастыре св. Карапета в Тароне [5, с. 75]. Создание алфавита дало возможность появления церковных школ, литературы и переводов сакральных текстов на армянский язык. Появилась плеяда выдающихся армянских историков и философов: Агатангелос, Фавст Бузанд. Корюн, Елише, Лазарь Парбский, Езник, Давид Непобедимый. Алфавит принимал на специальном церковном собороев Вагаршапате [3, с. 11]: «созыв совета блаженных братьев, пекущихся о стране (армянской), дабы создать алфавит для армянского народа» [7, с. 6].

К сожалению Армения к концу IV в. н. э. приходит в упадок. Персы и римляне боролись за владение над страной. Цари и знать были бессильны отразить угрозу с двух сторон. В 387 г. Армения была разделена на сферы влияния. Части Армении были присоединены к Римской или Сасанидской империи, а часть осталась под номинальным правлением армянского царя [4, XXX, 7. 1-8.]. Но раздел Армении, не привел к расколу армянского народа, и это свидетельствует, что сложение армянского народа было уже давно свершившимся фактом. Но следует отличать средневековые народы от современных: их в гораздо меньшей степени, чем нации, скрепляли воедино экономика и даже язык и гораздо больше — общинная принадлежность,

идеология и культура. Армяне вместе с другими народами Закавказья восставали против персов - в 450 - 451 гг. под руководством армянского полководца Вардана Мамиконяна. Подробно об этом событии мы знаем от историка Эгеше, который с его слов был современником данному событию и секретарем Вардана Мамиконяна, хотя ряд историков с этим не согласны [2, с. 27-29]. Восстание провалилось, однако оказалось возможным добиться официального признания христианства в Армении и назначения армянского нахарара-христианина (Вагана Мамиконяна) марзбаном Армении. Однако стоит учесть тот факт, что в том же 451 г армянская (монофизитская) церковь не приняла участие в Вселенском соборе в Халкидоне, тем самым расторгнув связи с Римом и Константинополем. Отделение было подтверждено армянским церковным собором в Двине в 506 г., где армянская церковь отказалась от двойственной сущности Христа [9, с. 187]. Тем самым завершилось сложение религиозных, общественных и идеологических основ раннесредневекового армянского общества.

Список источников и литературы

1. George Bournutyan. A Concise History of the Armenian People. - Chapter 6: The Arsacid/Arshakuni - Dynasty. 2006.
2. Saint Eghishe (Vardapet), Robert W. Thomson "History of Vardan and the Armenian War". - 1982.
3. Агаян. Э.Б. Месроп Маштоц// Видные деятели армянской культуры (V—XVIII века). - Ереван, 1982.
4. Аммиан Марцеллин. Деяния// Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. - М., 1994.
5. Ачарян Р.А. Армянские письма. — Ереван, 1984.
6. История Агантагелоса Житие и история святого Григора//пер. с древнеарм. К. С. Тер-Давтяна и С.С. Аревшатяна. - Ереван, 2004.
7. Корюн. Житие Маштоца//Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. - М., 1962.
8. Мовсес Хоренаци, «История Армении»//Пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; Ред. С. Аревшатян. - Ереван, 1990.
9. Шагинян А.К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. - СПб, 2011.

**К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМЫХ КАТЕГОРИЯХ НАСЕЛЕНИЯ В
АНГЛО-САКСОНСКОЙ АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XI В.: ПРИМЕР RECTITUDINES SINGULARUM
PERSONARUM**

Аннотация: Данный доклад посвящён анализу важнейшего источника по социальной истории Англии второй половины X - первой половины XI в. - "Трактата об управлении вотчиной" (*Rectitudines singularum personarum*). В нём рассматривается статус различных лично зависимых категорий населения в англо-саксонском поместье по данным RSP. Автор уделяет особое внимание занятиям и повинностям отдельных обитателей манора, а также их участию в формировании крепостного крестьянства после нормандского завоевания 1066 г.

Summary: This paper is devoted to the analysis of the most important source of English social history of the 2nd half of 10th - 1st half of 11th centuries - *Rectitudines singularum personarum*. In this paper is examined the state of different unfree ranks in Anglo-Saxon demesne according to RSP data. Author pays his special attention to occupations and duties of particular habitants of Anglo-Saxon manor as well as their participation in the making of villeinage after Norman Conquest of 1066.

Ключевые слова: "Трактаат об управлении вотчиной" англо-саксонская Англия тэн котсетл манор гебур

Keywords: *Rectitudines singularum personarum*, Anglo-Saxon England, thegn, genit, tenant, kottager, peasant, manor.

Период X–XI вв. был отмечен в социально-экономической истории Англии процессом активного формирования нового типа личной зависимости – серважа, или крепостной зависимости (англ. *villeinage*). До нормандского завоевания наиболее информативным источником по истории зависимых категорий крестьянства был «Трактаат об управлении вотчиной» (лат. *Rectitudines singularum personarum*, сокращённо RSP) – анонимный памятник, представляющий собой описание англо-саксонского манора и его обитателей. Целью нашего исследования является анализ категорий личной зависимости,

отмеченных в этом источнике, и процесса формирования серважа в X–XI вв. Для этого необходимо обратиться к детальному анализу повинностей отдельных жителей англо-саксонского манора.

Выяснение времени создания *RSP* – сложный вопрос; немецкий историк XIX в. Феликс Либерман определил его как 960–1060 гг. (возможно, 1025–1060 гг.). Он же, на основе отсутствия указаний в источнике на датские вторжения IX–X вв., предположил, что местом создания *RSP* был Запад или Юго-Запад Англии [5]. Богатство его категорий зависимости вполне сравнимо с континентальным «Капитулярием о поместьях» конца VIII в.

Начинается, однако, «Трактат» с описания категории, которую в X–XI вв. было принято относить к рыцарскому статусу. Тэн (*thegn*), согласно *RSP*, был наделён землёй от короля по специальной грамоте (*bocriht*) и потому не считался лично зависимым землевладельцем, входя в систему ленных отношений [3, р. 33-34]. Следовательно, свои «три службы» с данной земли (участие в ополчении, восстановлении крепостей и строительстве мостов) (*RSP*. 1–1,1.) он исполнял силами подконтрольных ему крестьян. Последующие зависимые категории *RSP*, по сути, представляли собой «исполнителей» возложенных на тэна повинностей.

Список обязанностей генита (древневерхненем. *ginōz* – товарищ, спутник; в латинском переводе *Quadripartitus* начала XII в. – *villanus*) указывал на него как на лично зависимого от господина (*hlaford*) человека, приближавшегося по своему статусу к собственно виллану XII–XIII вв. Этот человек платил поземельный налог, церковную подать, возмещал из своих средств использованное для прокорма скота сено, исполнял барщинную, извозную повинности, повинности по участию в конной службе и охоте глафорда, ремонту домениальных построек, доставке срочных сообщений (*RSP*. 2). Круг повинностей генита охватывал весь годовой цикл сельскохозяйственных работ; у него не было конкретной специализации труда.

Следующей зависимой категорией *RSP* называл гебура (древневерхненем. *nāh-gibūr*, *-gebūr*, *-kepūr*; совр. нем. *Nachbar* – сосед, *Bauer* – крестьянин). При этом было отмечено то, что в одних поместьях «его обязанности тяжелы, а в других – умеренны». Гебур должен был исполнять работу на своего господина, «которую ему прикажут делать», в течение двух-трёх дней в неделю. Осенью для заготовки зерна в хозяйских амбарах он должен был до 11 ноября (день св. Мартина) вспахать по акру земли, в качестве прекария (т.е. бывшего свободного владения, переданного в пользование гебуру после коммендации глафорду) – три акра, и для заготовки сена – ещё два. В обязанности гебура входило обеспечение господина, его слуг и его хозяйства продовольствием. Предусматривались и денежные выплаты господину (так, на день св. Михаила, т.е. 29 сентября, гебур вносил 10 пенсов) (*RSP*. 4–4,5.).

По обязанностям на гебура походил котсетл. Однако степень его хозяйственной независимости была наименьшей в триаде: если в одних поместьях, по замечанию *RSP*, он работал в течение года на господина в первый день недели, а в пору урожая – три дня в неделю, то в других – на протяжении всего августа без выходных. В последнем случае он должен был убирать по одному акру овса и ½ акра прочих зерновых с господского поля в день, получая взамен от управляющего помещьем свой сноп. Кроме того, он участвовал в охране береговой линии и владений своего господина, сооружении королевских ловушек для дичи. Согласно обычаям поместья, котсетл мог иметь до пяти акров и даже более, чтобы «его работа [на глафорда] была постоянной» (*RSP*. 3–3,4).

Население поместья, имевшее более низкий (иногда – рабский) статус, обозначено теми же терминами, что и в англо-саксонских законах VII – начала X в. – *þeow*, *esne*, *æhtemann* (*RSP*. 8–9,1.) [2, p. 41-49]. Например, существовали свободные свинопасы (*gafolswane*) и пчеловоды (*beoseorl*) (*RSP*. 5–6,3) и люди тех же специальностей–рабы по происхождению (*RSP*. 6,4–7.). После смерти предусматривалось полное или частичное наследование глафордом их

выморочного имущества, что говорило об отсутствии юридического признания их наследников и было нехарактерно для средневековых сервов.

Большое внимание *RSP* уделял перечню продуктов питания, которыми глафорду было необходимо обеспечить собственных рабов или лично зависимых людей, занятых отдельными видами работ в маноре, не связанными с возделыванием земли [1, p. 215-217]. Среди них упомянуты рабы и рабыни (*RSP*. 8–9,1.); сеятели (*sæder*) (*RSP*. 11.); пастухи волов, коров, овец, коз (*hyrd*) (*RSP*. 12– 15); лесники (*wudeward*) (*RSP*. 19.); сторожа амбаров (*berebrytta*) (*RSP*. 17.); личные слуги глафорда (*folgere, bydel*) (*RSP*. 10–10,1; 18-18,1.). Примечателен тот факт, что ежегодное обеспечение перечисленных категорий определёнными результатами труда, в отличие от генитов, гебуров, котсетлов, пчеловодов и свинопасов, сопровождалось упоминанием всего одной-двух их повинностей в пользу господина. Следовательно, в *RSP* наблюдался процесс всё более узкой специализации отдельных операций и сфер деятельности крестьян, в ходе которого часть населения манора отделилась (частично или полностью) от земледельческого труда и находилась на обеспечении глафорда.

Таким образом, ряд категорий – гениты, гебуры, котсетлы, – постепенно приобретали черты крепостных крестьян (вилланов), которые обрабатывали господскую запашку и обеспечивали глафорда продовольствием со своих относительно небольших участков [4, p. 19-22]. Другие люди, имевшие ещё меньше земли, в обмен на свои услуги получали от него содержание. При этом господин нёс обязанности по обеспечению тех и других недостающими в их хозяйстве ресурсами (котсетла – инвентарём и скотом, рабов – продовольствием и т.д.). Подводя итоги развития зависимых статусов англосаксонского общества второй половины X – первой половины XI в., можно отметить тенденцию постепенного слияния различных статусов лично зависимого населения в единый слой вилланов нормандского периода, положение которых было отражено уже в *Domesday Book* (Книге Страшного суда) 1086 г.

Список источников и литературы

1. Moore J.S. Domesday Slavery // Anglo-Norman Studies / Ed. by R. Allen Brown. - Woodbridge, 1989. - Vol. 11.
2. Pelteret D.A.E. Slavery in Early Medieval England from the reign of Alfred until the twelfth century. - Woodbridge, 1995.
3. Pollock F., Maitland F.W. The History of English Law before the Time of Edward I. 2nd ed. - Vol. I. - Cambridge, 1911.
4. Runsiman W.G. Accelerating Social Mobility: The Case of Anglo-Saxon England // Past and Present. - 1984. - No. 104.
5. Подробное обоснование см.: Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Salle a / Halle, 1916. Bd. III. S. 245. См. также: Harvey P.D.A. Rectitudines singularum personarum and Gerefa // The English Historical Review. January 1993. No. 426. P. 1–22. П. Уормалд на основе расположения текста RSP в кодексах по соседству с памятником Dunsæte предполагал, что речь шла о поместье близ границы с Уэльсом и одноимённым племенем (возможно, принадлежавшим аббатству Бат): Wormald P. The Making of English Law: King Alfred to the twelfth century. Oxford, 1999. Vol. I. P. 387–389.

Д.С. Боровков
(УрЮИ МВД России)

ВЕРИОТЫ: К ВОПРОСУ О ЧИНОВНИЧЬИХ ДИНАСТИЯХ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XI – XII ВВ.

Аннотация: Работа посвящена Верियोтам, династии гражданских чиновников столичной администрации Византийской империи, служивших в период XI – начала XII вв. Всего было выявлено семь представителей этого семейства на основании данных свинцовых печатей и нормативных актов. Автор рассматривает должности и титулы Верियों, дает характеристику положения рода в системе столичной бюрократии Византии.

Summary: The work is devoted to Beriotoi, the dynasty of civilian officials of the central administration of the Byzantine Empire, who served during the XI - the beginning XII centuries. There were identified seven members of this family on the basis of lead seals and written acts. The author examines the positions and titles of Beriotoi, characterizes the status of the family in the metropolitan Byzantine bureaucracy.

Ключевые слова: Византия, византийская бюрократия, византийская просопография, византийская гражданская аристократия.

Keywords: Byzantium, the Byzantine bureaucracy, Byzantine prosopography, Byzantine civil aristocracy.

Просопографические исследования являются сегодня одними из самых перспективных в византиноведении. Благодаря публикациям сфрагистических источников становятся возможными не только глубокое изучение административной или военной структуры Византийской империи, но и выявление целых династий государственных служащих, что позволяет получать ценные сведения о социодинамике византийского общества.

Настоящая работа посвящена семье Вериотов, представители которой служили в административном аппарате Византийской империи в XI – XII вв. На данный момент выявлено семь лиц, носивших данное родовое имя.

Хронологически наиболее ранний из известных Вериотов – Константин, чья печать, найденная на территории Болгарии, датируется рубежом X–XI вв. Согласно булле, он был судьей ипподрома и «доместиком императорских имуществ» (...δομέστικός τῶν βασιλικῶν) с титулом протоспафария. Лицевая сторона печати содержит изображение св. Николая, с обращения к этому святому начинается также и легенда буллы [3].

Обращает на себя внимание, что остальные известные по источникам Вериоты жили в период с последней четверти XI – начале XII вв., будучи, так или иначе, современниками друг друга. Примечательно, что легенды всех без исключения печатей этих лиц начинаются с обращения Богородице. Кроме того, за исключением одной буллы, они не содержат ее изображения, тексты легенд помещены на обеих сторонах.

Среди всех представителей семейства отдельного внимания заслуживает Иоанн Вериот. Согласно одной из его булл, в 60–70-гг. XI в. он был одновременно судьей вила, великим хартуларием логофессии стратиотиков и императорским протонотарием секретаря сакеллы с титулом веста (...βέστης κριτῆς τοῦ βήλου, μέγας χαρτουλάριος τοῦ στρατιωτικοῦ λογοθεσίου καὶ βασιλικός, πρωτονοτάριος τοῦ σερκέτου τῆς σακέλλης...) [4]. Таким образом, он совмещал судебную должность с хозяйственно-административными функциями в рамках

военного ведомства [7, р. 1248] и государственной казны. Отметим, что подобное сочетание должностей более нигде не встречается. По нашей гипотезе такая мера была продиктована конкретными обстоятельствами: Иоанн на короткий период мог быть привлечен для осуществления финансовых операций и исполнения судебных обязанностей в отношении военнослужащих, для чего к его уже существующим должностям был прибавлен пост великого хартулария стратиотиков. Отметим, что служебное положение Иоанна во многом схоже с должностным статусом Константина, который был упомянут ранее.

Считается, что ему же принадлежит другая печать, где он предстает уже проэдром, судьей вила и эпархом [6]. Печать датируется 80–90-ми гг. XI в. И свидетельствует, вероятно, о пике карьеры Иоанна. Обращает на себя внимание, что судебная должность была сохранена за ним. Таким образом, Иоанн являет собой пример успешной карьеры бюрократа в судебной, административной и финансовой сферах.

Известные монастырские акты о. Патмос 1088 г. содержат имя Николая Вериота, магистра, судьи вила и нотариуса сакеллы (μάγιστρος, κριτῆς τοῦ βήλου, βασιλικὸς νοτάριος τῆς σακέλλης) [1, р. 340, 250]. Примечательно, что Николай занимал те же должности, что и Иоанн (за исключением поста в логофессии стратиотиков, что, который, вероятнее всего, был для Иоанна второстепенным). Так как они, бесспорно, являлись современниками, можно предположить, что их связывало достаточное близкая степень родства. Если датировка печати Иоанна верна, то в этом случае Николай служил судьей и нотариусом сакеллы уже после того, как эти посты занимал сам Иоанн. Напрашивается следующий вывод: Николай, как младший представитель семьи, получил именно эти должности не случайно, но с помощью своего старшего высокопоставленного родственника.

Известен также другой Иоанн Вериот, протопроэдр и ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν. Судя по должности, он служил при императорском дворе [8]. Титул Иоанна

позволяет датировать печать временем после 80-х годов XI в., то есть тем периодом, когда первый из рассматриваемых Иоаннов был судьей вила и епархом.

Известен Михаил Вериот, патрикий и протовестарх, живший в первой половине XII в. Его печать, хранящаяся в Национальном музее истории Украины в Киеве, на лицевой стороне содержит погрудное изображение Богородицы [2, s. 302]. К тому же столетию относится упоминание в церковных актах Константина Вериота, диакона и протекдикоса (πρωτεκδικος) Св. Софии в Фессалониках [5, p. 72, 75].

Таким образом, семья Вериотов с начала XI и до начала XII в. занимала прочные позиции в столичных гражданских ведомствах. Иоанна Вериота можно уверенно считать наиболее успешным представителем рода, так как именно в его послужном списке значится должность епарха Константинополя. Также обращает на себя внимание, что большая часть известных Вериотов служила на этих должностях в один из самых острых и кризисных периодов истории Византии – 60-е гг. XI в. – начало XII в. Однако с середины XII в. упоминаний о данном роде прерываются.

Список источников и литературы

1. Βρανούση Ἔ., Νυσταζοπούλου-Πελεκίδου Μ. Βυζαντινὰ ἐγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου. Τ. 1.
2. Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa: Die Funde auf dem Territorium Altrußlands lands. - Wiesbaden, 2004.
3. Jordanov I., Zhekova Z. Catalogue of Medieval Seals at the Regional historical Museum of Shumen. - Shumen, 2007. - no. 269.
4. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. Tom. II, L'administration centrale. - Paris, 1981. - P. 243- no. 809.
5. Oikonomidès. N. Actes de Docheiariou. Archives de l' Athos. - T. XIII. - Paris, 1984.
6. Šandrovskaja V. – Seibt W. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen. Teil 1. Sammlung Lichačev. - Wien, 2005. - S. 68. - no. 46.
7. The Oxford dictionary of Byzantium. New York, 1991.
8. Сохранилось две одинаковые печати: Wassiliou A.-K., Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. Teil Zentral- und Provinzialverwaltung. - Wien, 2004. - S.39. - Nr. 66–67.

НЕМЕЦКАЯ ГОРОДСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ЧЕХИИ: ЭТАПЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: В докладе определяются основные этапы немецкой городской колонизации в средневековой Чехии и освещаются её исторические последствия.

Summary: The report identifies the main stages of the German colonization in the medieval city of Bohemia and highlights its historical consequences.

Ключевые слова: немецкая колонизация, средневековый город, Чехия.

Keywords: German colonization, a medieval town, Bohemia.

XIII век вошёл в историю Чехии как столетие немецкой колонизации. С самого его начала в чешские земли из соседних областей Германии устремился поток переселенцев, которые — согласно оговариваемым заранее с правителями Чехии условиями — изымались из ведения местных органов управления, переходили под непосредственную власть короля, пользовались его защитой и покровительством, а также получали права общинного самоуправления на основе принесённых из Германии обычаев и традиций.

Поток колонистов включал в себя как сельское, так и городское население. Сельская (крестьянская) колонизация на первых порах (до рубежа 1220-х — 1230-х гг.) занимала ведущее место во внешнеколонизационном процессе. Городская колонизация ограничивалась основанием небольших поселений «на зелёном дёрне» в районах, осваиваемых сельскими колонистами.

Рубеж второго и третьего десятилетий XIII века был отмечен расширением масштабов городской колонизации. Последнее было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, обнаружением в чешских землях богатых месторождений серебра и началом их разработки (крупнейшим центром серебряной добычи стала Йиглава). Во-вторых, перемещением основного потока переселявшихся в Чехию немецких горожан в сложившиеся до начала внешней колонизации (как правило, вокруг областных градов) центры

товарного производства и рыночного обмена, где имелись наиболее благоприятные условия для торгово-ремесленной деятельности.

Кульминацией немецкой городской колонизации в Чехии стало правление короля Пржемысла Оттокара II (1253 — 1278): из 47 королевских городов, возникших в чешских землях до 1306 г., 26 были основаны или приобрели этот статус в годы его правления, а многие из существовавших ранее получили новые привилегии. Городская политика превратилась во времена Пржемысла Оттокара II в один из важнейших инструментов в руках правителя, ставившего перед собой далеко идущие цели, включая овладение престолом императора Священной Римской империи. Города были для короля важнейшим источником доходов (быстрый рост добычи серебра превратил Пржемысла Оттокара II в богатейшего из князей империи). Горожане стали его надёжными союзниками в деле укрепления центральной власти. Кроме того, увеличение их количества способствовало окончательному разрушению вступившей в стадию разложения уже во второй половине XII в. системы градской организации Чешского государства и становлению новой (крайской) системы областного управления.

Заключительный этап немецкой городской колонизации в средневековой Чехии был связан с правлением сына Пржемысла Оттокара II Вацлава II (1283 — 1305). В годы его правления количество королевских городов в стране увеличилось лишь на 5, но при этом широко развернулся процесс основания панских, сеньориальных городов, в котором активное участие принимали немецкие колонисты. Панские города в своём подавляющем большинстве уступали королевским по численности населения и масштабам хозяйственной жизни, представляя собой второстепенные и третьестепенные звенья формировавшейся в Чехии городской сети.

Уникальным явлением в истории средневекового урбанизма стал город Кутна Гора, стремительно выросший в 90-е гг. XIII в. благодаря открытию богатейших месторождений серебра. К началу XIV в. Кутна Гора стала

крупнейшим в Европе центром добычи серебра и вторым (после Праги) по значению городом Чехии, второй резиденцией правителей страны.

Исторические последствия немецкой городской колонизации в Чехии были велики и многообразны. Во-первых, она способствовала ускорению экономического развития Чехии и её городских центров, а превращение чешских земель в крупнейший на континенте центр добычи серебра способствовало резкой активизации внешнеторговых связей. Во-вторых, немецкая колонизация стала определяющим фактором формирования в чешских землях новой политико-правой модели городского строя, типологически близкой городскому строю стран Западной Европы, основанному на особом городском праве. В-третьих, внешняя колонизация способствовала оформлению в Чехии сословного строя, поскольку переселявшиеся в страну немецкие колонисты обладали сословным самосознанием и с самого начала образовывали особое сословие на основе городского права, опережая формирование первого и второго сословий средневековой Чехии.

В ходе колонизации Чешское королевство превратилось в «страну двух народов»: значительные массы немецкого населения образовали обширные языковые и этнические анклавы в сельской местности и городах. При этом в XIII веке моменты этнополитического отталкивания не проявлялись в значительной мере: в крестьянской среде этого позволяло избежать обилие земельных ресурсов, в городской — разделение ремесленных специальностей на преимущественно немецкие и преимущественно чешские. Сельское и городское немецкое право вышло за рамки среды колонистов, создавая благоприятные правовые условия для хозяйственной деятельности славянского населения. Лишь политические амбиции немецкого патрициата вызывали недовольство и встречали активное противодействие панов и рыцарства, что в полной мере проявилось во время борьбы за чешский престол после пресечения династии Пржемысловичей в 1306 — 1310 гг.

Межэтнические противоречия стали важным фактором социально-политического развития Чехии в следующем, XIV-м веке, что требует специального рассмотрения.

П.Н. Лапшов
(СГУ им. Н.Г. Чернышевского)

УЧАСТИЕ КУТНОГОРСКИХ ПАТРИЦИЕВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ЧЕХИИ В НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

Аннотация: В докладе характеризуется роль кутногорского патрициата в структуре политической власти Чехии. Активное участие патрициата в политической борьбе оказало значительное влияние на исход ожесточённой схватки за обладание наследством Пржемысловичей и утверждение в Чешком королевстве новой династии — Люксембургов.

Summary: In the report characterized the role of the Kutna Hora's patricians in the structure of the political power of Bohemia. Active participation in the political struggle patricians had a significant influence on the outcome of a fierce struggle for possession of Přemysl heritage and approval of a new dynasty of the Czech kingdom – Luxembourg.

Ключевые слова: Чехия, Кутна Гора, кутногорский патрициат, Генрих Каринтийский, Йиндржих из Липе.

Keywords: Bohemia, Kutna Hora, Kutná Hora's patricians, Carinthia Heinrich, Jindrich from Lipe.

Экономическое развитие Чехии в XIV в. характеризуется поступательной восходящей динамикой, ростом ремесла и торговли, товарности сельского хозяйства и неразрывно связанным с этим увеличением объемов добычи полиметаллических руд и драгоценных металлов.

Чехия располагала богатейшими в Европе месторождениями серебряных руд. Разработкой этих залежей первоначально занимались горняки-кустари, а с XIII в. стали образовываться горнодобывающие товарищества, в рамках

которых горные предприниматели объединяли капитал и делили получаемую прибыль [2, с. 175-180]. Особенно богатыми залежами серебра располагал город Кутна Гора. Его патрицианская верхушка становится на рубеже XIII-XIV вв. ведущей силой в разработке богатейших во всей Европе серебряных копей.

Кутногорские патриции обладали большими богатствами и, опираясь на них, принимали участие в политической борьбе. В первом десятилетии XIV в. в Чехии разгорелась борьба за королевский престол. В 1306 г. со смертью Вацлава III пресеклась династия Пржемысловичей. После смерти Рудольфа, избранного чешской знатью сына герцога Альбрехта Австрийского, в 1306 г. основным претендентом на престол стал Фридрих Красивый. Филиппа поддерживали немецкое население Праги, часть панов и патрициат других городов страны. Противники австрийской партии выдвинули кандидатуру Генриха Каринтийского (Хорутанского), который приходился дальним родственником покойному Вацлаву III. Борьба за престол была ожесточённой и завершилась победой Генриха Каринтийского. Фридрих Красивый получил немалую сумму в 45 тыс. марок в качестве отступного и отказался от престола. Новоиспеченный король был связан обязательствами с поддержавшими его панами, и начал раздачу пожалований. Так, например, пан Йиндржих из Липе получал право пользоваться доходами с кутногорских рудников, которыми распоряжались немецкие патриции и держали доходы в своих руках. Однако патрициат Кутной Горы не согласился с потерей своих богатств и активно включился в борьбу вокруг престола чешского королевства. Об этих тяжких временах рассказывает один из самых осведомлённых и ярких источников той поры – Збраславская хроника аббата Петра Житавского [1]. Если вполне очевидны причины данного выступления кутногорского патрициата, то следует разобраться и оценить роль патрициев-горняков в дальнейшей борьбе и их влиянии на исход борьбы за чешский трон. По словам автора хроники, в Кутной Горе существовал «многочисленный род Рудгардовичей, ведший свое происхождение от некоего горняка Рудгарда» [1, с. 201], а также другие знатные

роды патрициев, которые «...считали себя не меньшими, чем паны». Отмечая баснословные богатства кутногорских патрициев (которые после прихода Генриха Хорутанского вынуждены были делиться доходами с добычи серебра и с панами), автор хроники утверждает, что знатные бюргеры Кутной Горы «...стали себя вести наподобие жаб в реке и начали высказывать дерзкие мысли».

В апреле 1309 г. Перегрин Пуш, Микулаш, Конрад, Альбрехт, сын Рудгарда во главе вооруженной толпы вышли из Кутной Горы и в первом часу дня вошли в Седлецкий монастырь и схватили Йиндржиха из Липе, коморника Чешского королевства, Яна из Вартемберга и Яна из Клингенберга, а рихтарж Кутной Горы Ян был ими убит. Открытое выступление патрициата, о котором повествует хронист, представляло собой попытку богатейшего слоя горожан стать главным сословием в стране или по крайней мере уравниваться в правах с чешскими панами. При этом они опирались на огромные доходы от серебряных рудников.

Однако в лагере заговорщиков вспыхнули противоречия: одни предлагали перебить всех панов, другие склонялись к компромиссному варианту развития событий: панам возвращалась свобода в обмен на предоставление патрициям тех же прав, которыми пользовались феодалы. В ходе ожесточенной борьбы победила группировка горожан, считавшая необходимым пойти на уступки феодалам.

Это позволило панам освободиться, что имело далеко идущие последствия: по словам хрониста, освобожденные «Йиндржих из Липе и Ян из Вартемберга стали ещё более сильными и знаменитыми, чем прежде». Паны, возмущённые попустительством Генриха Хорутанского, из-за бездействия которого они оказались в руках кутногорских патрициев, захватили власть в стране. Начался следующий этап борьбы за чешский престол. В конце концов победу одержал Иоанн (по-чешски — Ян) Люксембургский, коронация которого состоялась в 1310 г. Последнему довелось стать основателем новой

династии, а Генрих Хорутанский был вынужден спешно и навсегда покинуть Чехию.

Таким образом, начало XIV в. стало вершиной попыток городского патрициата занять возможно более важное место в структуре политической власти роль в Чешском королевстве, а их активное участие в политической борьбе оказало значительное влияние на исход ожесточённой схватки за обладание наследством Пржемысловичей и утверждение в Чешском королевстве новой династии — Люксембургов.

Список источников и литературы

1. Zbraslavská kronika / ed. Z. Fiala. - Praha, 1976.
2. Бакс К. Богатства земных недр. - М. 1986.

М. Ю. Федорович (МПГУ)

НЕМЕЦКИЕ ГАБСБУРГИ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НИДЕРЛАНДОВ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Аннотация: В докладе рассматривается позиция и роль императоров Священной Римской империи в ходе конфликта между Нидерландами и королем Испании Филиппом II в 60-70-е гг. XVI в.

Summary: The report examines the position and role of the emperors of the Holy Roman Empire during the conflict between the Netherlands and king of Spain Philip II in the 60-70s of the XVI century.

Ключевые слова: Нидерланды, Испания, Габсбурги, Максимилиан II, Филипп II, дипломатия, освободительная борьба

Keywords: The Netherlands, Spain, the Habsburgs, Maximilian II, Philip II, diplomacy, liberation struggle

Нидерланды, в 1477 г. формально перешедшие под управление Священной Римской империи благодаря браку эрцгерцога Максимилиана и юной герцогини Бургундской Марии, представляли собой наиболее экономически развитый регион габсбургской монархии. Вплоть до середины

XVI в. Нидерланды управлялись наместниками императора. Недовольство ростом налогов на богатое голландское купечество и растущим влиянием церкви в лице епископа Утрехтского на управление провинцией способствовали быстрому распространению кальвинизма и лютеранства во всех слоях нидерландского общества и формированию единой голландской нации. По мнению Й. Хейзинги, «церковь как духовная власть в значительной степени лишилась опоры в душе народа и не имела возможности предотвратить внедрение нового верования» [4, 31]. Кроме того, имперская администрация Карла V сквозь пальцы следила за распространением Реформации и утратой католической церковью своих позиций в Нидерландах. После отречения Карла V от императорского престола в 1555 г. по ранее достигнутой договоренности Нидерланды перешли к испанской ветви Габсбургов во главе с Филиппом II. Недовольство голландской буржуазии и дворянства засильем испанских чиновников и религиозной политикой Маргариты Австрийской и герцога Альбы привели к общенациональному восстанию в северных нидерландских провинциях, переросшему в освободительную войну против испанского господства.

Многие крупные голландские феодалы и после перехода Нидерландов под власть Испании оставались вассалами империи. Поэтому многие северонемецкие князья-протестанты, чьи владения граничили с Голландией, поддерживали своих единоверцев и требовали от Максимилиана II открыто выступить в поддержку восставших провинций. Император, симпатизировавший протестантам, понимал, что война в Нидерландах угрожала хрупкому межконфессиональному миру в самой империи. В своих письмах к Филиппу II он призывал своего кузена к диалогу с Вильгельмом Оранским, к прекращению репрессивной политики герцога Альбы и испанской инквизиции. Но ни дипломатическая миссия эрцгерцога Карла, брата Максимилиана II в 1568 г., ни свадьба Филиппа и дочери императора Анны в 1570 г. не дали никаких результатов. Испанский король по-прежнему не

доверял императору, законно подозревая последнего в симпатиях к голландским протестантам и даже сомневаясь в конфессиональной принадлежности самого Максимилиана [1, 742]. Император был вынужден запретить набор наемников по всей территории империи для религиозных войн в Нидерландах и Франции. Это решение показало военную и экономическую слабость императора, его внешнеполитическую зависимость от испанского двора. Но курфюрст Пфальцский Фридрих III, исповедовавший кальвинизм, и ряд других князей разрешили набор наемников для войны в Нидерландах на своих землях.

Военное вмешательство немецких князей достигло своего пика в 1574 г., когда в битве при Моке в провинции Гелдерн погибли сын пфальцкого курфюрста и три нассауских графа. После этого войска протестантских князей были выведены из зоны боевых действий, а рейхстаг потребовал от императора возобновить свои посреднические усилия для достижения мира.

Смерть курфюрста Фридриха в 1575 г., восшествие на имперский престол находившегося под влиянием Мадрида Рудольфа II и паралич испанских институтов в Северных Нидерландах вследствие образования Утрехтского альянса в 1579 г., несколько разрядили атмосферу. Северные провинции образовали автономную Республику Соединенных Провинций. Вооруженное противостояние было локализовано преимущественно в южном секторе Нидерландов и не затрагивало напрямую владения имперских князей. Поэтому положение в этом регионе немецких Габсбургов больше не волновало.

Новый фактор Республики Соединенных провинций оказывал двоякое влияние на имперскую политику. С одной стороны, близость Нидерландов содействовала дальнейшим территориальным успехам Реформации на нижнем Рейне, прежде всего в Пфальце. С другой же – «опасность со стороны Нидерландов могла использоваться в Вене как аргумент в пользу выгодного компромисса с испанской короной» [2, 58]. Третьим важным фактором сдерживания открытого вооруженного конфликта империи с Испанией стало,

по мнению М. Рудерсдорфа, то обстоятельство, что «оба монарха принадлежали к одному и тому же типу католического правителя эпохи религиозных войн» [3, 108], не стремившимся к разрушению единства Габсбургской династии, а, вследствие этого, к подрыву мощи католического лагеря изнутри в эпоху религиозных войн в Западной Европе.

В целом к началу XVII в. нидерландский вопрос скорее содействовал, нежели тормозил развитие партнерства имперской и испанской короны.

Список источников и литературы

1. Maurenbrecher K. Maximilian II, deutscher Kaiser // Allgemeine deutsche Biographie. – Berlin, 1884. – S. 736-747.
2. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555-1648. – СПб., 2008.
3. Рудерсдорф М. Максимилиан II // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. – Ростов н/Д. - С.89-113.
4. Хейзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке // Хейзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки. – СПб., 2009. – С. 13-139.

А. В. Горохова (МПГУ)

БЕСС ТРОКМОРТОН — ФРЕЙЛИНА ЕЛИЗАВЕТЫ I

Аннотация: Автор приходит к выводу, что придворные дамы и фрейлины королевы Елизаветы I были не только элитарной группой, но и важными посредниками в политической жизни при дворе.

Summary: The author comes to the conclusion that Gentelwomen of the Privy Chamber did not only represent the elit group of the english society in the XVI century but at the same time the were important intermediaries in the political life.

Key words: England XVI century, Gentelwoman of the Privy Chamber, Bess Throckmorton.

Ключевые слова: Англия XVI в., камер-фрейлина, Бесс Трокмортон.

Жизни при дворе Елизаветы I посвящено много работ [5]. К сожалению, в меньшей степени отражена в этих исследованиях деятельность фрейлин, которые также имели некоторое влияние на политическую жизнь Англии в XVI веке.

Общее количество фрейлин в разные годы правления Елизаветы доходило до 28. Согласно конторской коронационной книге «четыре женщины служили только в опочивальне, три камер-фрейлины, семь служили во внутренних покоях без жалования. Шесть незамужних девушек служили под руководством статс-фрейлины, которая отвечала за их попечение и поведение» [4]. Конкуренция была жестокая, многие хотели служить королеве в ее внутренних покоях [3]. Получить должность камер-фрейлины Бесс помог ее брат Артур, который на тот момент находился при дворе. 8 ноября 1584 года она присягнула королеве и была помещена во внутренние покои Ее Величества.

Ежегодное жалование камер-фрейлины в то время составляло 33 фунта, 6 шиллингов и 8 пенсов, их также обеспечивали питанием (хлеб, вино и эль), жильем и одеждой на каждый день и для особых случаев. В личном распоряжении Бесс была служанка, помагавшая ей облачаться в наряды и горничная, которая следила за порядком в ее комнате.

Абсолютно все фрейлины XVI века должны были сочетать в себе целый ряд добродетелей, такие как: невинность, повиновение, молчание и, конечно же, преданность своей королеве. Однако, Бесс быстро поняла, что действительность была гораздо занимательней, чем казалась на первый взгляд, и состояла из многочисленных пиров, танцев, музыки и игр.

Итак, отныне Бесс находилась в центре всех событий, а ее брат Артур был всего лишь посетителем двора. Как и другие камер-фрейлины, она хорошо была осведомлена о настроении и мыслях королевы. Это объясняет причину, по которой придворные и иностранные послы пытались заручиться поддержкой этой элитарной группы дам. Особую роль камер-фрейлин также отметил Роберт Бил, секретарь Тайного Совета: «До того как входить во внутренние покои, узнайте о настроении ее величества у той или иной камер-фрейлины, на чье суждение вы можете всецело полагаться» [2, р. 423]. В связи этим, Артур неоднократно прибегал к помощи сестры, чтобы добиться успеха в политической карьере при дворе. Однако, в 1585 году брат Бесс поставил под

угрозу ее репутацию. Он начал ухаживать за Леди Мэри Дарси, их взаимоотношения были бурными, но ни к чему хорошему не привели. В результате, Мэри Дарси «дала знать важным людям, что Артур оклеветал графа Лестера» [1, р.49], и Артура посадили в тюрьму Маршалси. Он писал многочисленные письма, чтобы получить свободу, и передавал их с помощью Бесс влиятельным людям при дворе, таким как Сэру Уолтеру Рейли, графу Оксфорду и многим другим. Не исключено, что именно благодаря активной деятельности сестры, Артура освободили 25 июня.

Таким образом, придворные дамы выполняли важную политическую роль при дворе королевы. Они представляли собой элитарную группу и поэтому могли позволить себе пойти наперекор традициям английского общества XVI века, когда женщина могла реализовать себя только в рамках семьи, как добропорядочная жена, хозяйка и мать.

Список источников и литературы

1. Beer A. Bess. The life of Lady Raleigh, wife to Sir Walter. - London.,2004.
2. Read C. Mr. Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth. - Cambridge, 1925. - Vol. I.
3. The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War. - London, 1987. - P. 147-172.
4. The National Archives, Kew, London - C 2/4/3, I. 62r
5. Королевский двор в Англии XV-XVII веков. - СПб., 2016.

М. Г. Смирнова (Комратский ГУ)

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДОБРУДЖИ В ОБРАЗЕ ПРОШЛОГО ГАГАУЗОВ

Аннотация: В статье рассматривается отражение события XIII-XIV веков в Болгарии в образе прошлого гагаузов Молдовы. Различия в отражении событий региональной истории помогают осмыслить механизм формирования образа прошлого.

Summary: The article considers the reflection of events XIII-XIVth centuries in Bulgaria in the Image of the Past of the Gagauzes from Moldova. The differences in the reflection of

events of the regional history help to identify the mechanism of formation of the Image of the Past. The study of these processes are important for the methodology of historical research

Ключевые слова: Добруджа, Образ прошлого, гагаузы, идентичность.

Keywords: Dobruja, the image of the past, the Gagauz, identity.

Возрастание значения региональной и этнической идентичности вызвало интерес к образам прошлого регионов с особой этнорегиональной спецификой. Согласно концепции А.К. Папцовой образ прошлого не просто отражает особенности исторического развития страны, региона, этноса а выступает в роли памяти об истории. Он определяет значение тех или иных событий в контексте национальной истории, содержит обоснование исторической миссии этноса или региона, аксиологически окрашивает пространство, соседей, персонажей исторических событий, указывает культурных героев. На ранних этапах формирования он содержит мифо-символический комплекс, выступает в роли памяти об истории [1, с. 99].

Интересным предметом исследования является Добруджа - историческая область на севере Балканского полуострова. Ее расположение сделали ее пограничной и спорной территорией. Пестрый этнический состав и коллизии геополитических трансформаций Нового времени затруднили формирование внутренне связанного образа прошлого. Эти проблемы усугубились тем, что в настоящее время территория Добруджи разделена между Болгарией и Румынией. Именно на территории Добруджи происходили важные этапы этногенеза гагаузов, православного тюркоязычного этноса.

События XIII-XIV века имеют для истории региона особое значение. В этот период кристаллизуется и оформляется региональная специфика. Для того чтобы это произошло, складываются значимые объективные и субъективные факторы. Помимо характерной для средневековой Болгарии автономии местной аристократии, владеющей крупными земельными владениями к числу объективных обстоятельств относится особое геополитическое положение

региона, который выполнял роль транзитной территории, по которой в Болгарию проходили новые и новые волны тюркских переселенцев. Это способствовало становлению этнорегиональной специфики Добруджи, которую отличал достаточно высокий процент тюркского населения разного происхождения. Важным обстоятельством было то, что когда сложились благоприятные обстоятельства – как внешнеполитические (соперничество держав), так и внутривластные (ослабление центральной власти), к власти пришел харизматичный лидер Добротица. Благодаря сочетанию личных качеств, удаче и благоприятному стечению обстоятельств Добротица внес существенный вклад в обособление региона. Очень скоро он получил признание, важной формой которого стало обретение регионом его имени. Это событие было многозначным: специфика региона укреплялась благодаря названию, придание имени региону говорило об особом уровне политических процессов в регионе. Если бы османское нашествие их не прервало, они могли привести к созданию нового государства и, кстати, подстегнуло бы процессы роста этнического самосознания в регионе. Процессы этнополитического развития региона достигли такого уровня, после которого этнорегиональная специфика уже не могла быть нивелирована. История региона активно изучается и осмысливается.

Однако, Добрудже выпала еще и уникальная возможность стать сакральным центром в образе прошлого гагаузов Молдовы, потомков «задунайских переселенцев», переселившихся из Добруджи в конце XVIII-начале XIX века. Это нашло отражение не только в работах, посвященных прошлому гагаузского народа, но и в экспозициях музеев Гагаузии.

Включение истории Добруджи в образ прошлого гагаузов определено процессом роста этнического самосознания и этнополитическими трансформациями, результатами которых стало создание Автономно-Территориального Образования Гагауз Ери. Этнополитические трансформации всегда связаны с созданием специфического образа прошлого.

М.Чакир в «Истории гагаузов Бессарабии» выделяет целую главу «Государство гагаузов», где ссылаясь на А.Манова перечисляет тюркские народы, жившие на Балканах: «1.Начиная с 1036 года тюрко-узы, гагаузы и другие народы тюркского рода: печенеги, куманы и турки- сельджуки, жили внутри Добруджи, где 130 лет существовало гагаузское государство» [5, с. 89] и делает вывод « 3.Что гагаузы происходят истинно из турецкого рода, и что в древности гагаузы имели собственное государство в губернии Балчик-Каварна, Добрудже и что самым знаменитым гагаузским падишахом был Добротич (1354-1378)» [5, с.89]. Таким образом, М. Чакир отождествляет разные по происхождению и по историческим судьбам тюркские народы с гагаузами. Далее, из ситуации, связанной с политической раздробленностью Болгарии, вызванной потрясениями XIII-XIV века и фактической самостоятельностью Добруджанского деспотства М.Чакир выводит отождествление Добруджанского деспотства с Государством гагаузов.

Активно популяризирована эта идея в многочисленных сочинения Ф. Ангели. В частности, в труде «Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII- начало XXI веков», целая глава посвящена «Гагаузскому государству «Добрудже» [1, с.243-271]. Синонимами «Гагаузского гоударства «Добруджи» выступают «Огузская держава», «Добруджанское деспотство», «Узиеалет». Время существования государства с точки зрения Ф.Ангели охватывает период с 1347 по 1417. Ф.Ангели называет Добруджу «фактически независимым Гагаузским государством. Его появление Ф.Ангели считает признаком завершения этногенеза гагаузского народа[1, с.243].

Факт политической раздробленности нашел отражение и в образе прошлого болгар и о его «каноничности» свидетельствует его наличие в краткой «экспортной» версии болгарской истории Пламена Павлова: «После середины XIV века на Балканах царила разобщенность. Так, современник тех событий сообщает о существовании трех Болгарий: Тырновского и Видинского

царств, а также Добруджанского деспотства, основанного братьями Баликом и Добротицей» [3, с. 54].

Вопрос о реальном происхождении Добротицы, Балика и других персонажей XIV, да и XIII века необходимо рассматривать с учетом того, что в средние века конфессиональная принадлежность значила больше, чем этническая и что этническое самосознание развивается, делая иногда крутые повороты.

На это указывает Г. Атанасов, который, отмечая, что развитие этнического самосознания гагаузов, проживающих в Российской империи, приводит к тому, что «...они постепенно самоопределяются как самостоятельный этнос. Однако эти реальности с середины XIX века не имеют ничего общего с бытием и болгарским самосознанием их далеких предков, живших в границах Добруджанского деспотства во второй половине XIV века» [2, с.54].

Таким образом, отражение событий, связанных с политической раздробленностью Болгарии и фактической самостоятельностью Добруджанского деспотства в образе прошлого гагаузов в большей степени обосновано процессами, связанными с ростом этнического самосознания гагаузов в настоящем. Вместе с тем, эпоха XIII-XIV время столь динамичных процессов, что изучение ее может привести к выявлению интересных альтернатив исторического развития. Но подобное исследование обязано быть корректным.

Список источников и литературы

1. Ангели Ф. Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII- начало XXI века. - Кишинев, 2007.
2. Атанасов Г. Этногенез гагаузов Добруджи - теории, гипотезы и реальность. // История в культуре и культура в истории. – М., 2010 -Т. 9, С. 20-71.
3. Павлов П. Болгария: Страна и люди. Краткая история. - София, 2009.

4. Папцова А. К. Образ прошлого как социокультурный капитал этнорегионального развития. //Conferința științifică internațională „Politica de stat față de minoritățile naționale și securitatea în bazinul Mării Negre” / «Государственная политика в отношении нацменьшинств и безопасность Черноморского региона» (Chișinău / Comrat, 12-13 mai 2014). - Кишинев, 2014.
5. Чакир М. История гагаузов Бессарабии. //Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX века. - Кишинев, 2005. – С . 80-108

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балтодано Усаров Аллан Серхе	аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Биркина Наталья Александровна	Хранитель музейных предметов Государственного исторического музея
Боровков Дмитрий Сергеевич	к.и.н., старший преподаватель кафедры общей психологии, гуманитарных и социальных дисциплин Уральского юридического института МВД России
Булдаков Владимир Александрович	преподаватель ГБОУ СПО «Медицинский колледж № 5 ДЗМ» филиал №3
Ведешкин Михаил Александрович	к.и.н., преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Московского финансового – юридического университета
Галямичев Александр Николаевич	д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университет им. Н.Г. Чернышевского
Горохова Анна Владимировна	к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Данилов Евгений Сергеевич	к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
Драгунов	магистрант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института

Антон Дмитриевич Земляков Михаил Вячеславович	истории и политики Московского педагогического государственного университета аспирант кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета
Иванов Павел Васильевич	к.и.н. доцент ГБОУ СПО «Медицинский колледж № 5 ДЗМ» филиал №3
Капсалькова Карина Рамзановна	аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина
Князький Игорь Олегович	д.и.н., профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского экономического института
Куликова Юлия Викторовна	к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Лапшов Павел Николаевич	аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Лощилова Татьяна Николаевна	к.и.н, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Лысенков Сергей Михайлович	аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Лысенкова Анастасия Александровна	старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Малков Виктор Александрович	магистрант кафедры всеобщей истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета
Можайский Андрей Юрьевич	к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Никтин Кирилл Сергеевич	аспирант центра Истории исторического знания Института всеобщей истории РАН
Носова Екатерина Сергеевна	к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Папцова Алла Константиновна	Преподаватель кафедры частного права юридического факультета Комратского государственного университета (республика Молдова)
Пенионжек Евгения Владимировна	к.ф.н., доцент кафедры общей психологии, гуманитарных и социальных дисциплин Уральского юридического института МВД России
Петросян Елена Сергеевна	магистрант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Поляков	аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных

Сергей Аркадьевич	отношений Саратовского государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Рябов Петр Владимирович	к.ф.н, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета
Симонова Надежда Вячеславовна	к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Смирнова Мария Георгиевна	магистрант гуманитарных наук кафедры частного права юридического факультета Комратского государственного университета (республика Молдова)
Федорович Максим Юрьевич	аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета
Фесенко Андрей Васильевич	к.и.н., доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры
Циватый Вячеслав Григорьевич	к.и.н., доцент, заслуженный работник образования Украины, Дипломатической академии Украины при МИД Украины (Украина)

CONTENTS

PLENARY SESSION

Simonova N.V. V.F. Semenov “Jacqueria”: a small book about the big event.

Loschilova T.N. From the history of Semenov`s readings.

Knyazkiy I.O. Traian and Decebal: historiography metamorphoses

Tsivatyi V. G. The Negotiation Performance and Image of the European Diplomat of the Middle Ages and Early Modern Period: from the Political Ideals to Institutional Realities.

Ryabov P.V. Medieval Christian philosophy about the world of human sense.

Section I. ACTUAL PROBLEMS OF ANTIQUITY

Mozhayskiy A.Y. The nature of power in Minoan Crete.

Gorokhova A.V. Gender stereotypes and Dastiny in the Greek Mythology.

Lysienkova A.A. Religious representations of the population of the European Bospor according to an iconography pelic «Kerch style» and a bosporsky gravestone relief.

Paptsova A.K. The evolution of ideas about the early States of the Northern Thracians.

Ivanov P.V. Mithraism in the structure of Roman polytheism in the late Empire period (To the question about religious syncretism III-IV centuries A.D.).

Lysienkov S.M Change of number of the roman army after the reform of Serviy Tulliy.

Kulikova Y V The Image of Roman Women in IV A.D.

Vedeshkin M.A. Diocletianus, Constantine and the senatorial aristocracy of Rome .

Birkina N.A. Late Roman period female barbaric costume based on the materials Drouzhnoe burial ground.

Section II WORLD OF IMAGES AND IMAGE OF THE WORLD IN THE MIDDLE AGES

Petrossyan E.S. Vardan Mamikonyan: creating an image of a folk hero.

Nikitin K.S. The peacemaker king: the image of Dagobert I in the Liber Historiae Francorum .

Polyakov S.A. The image of Canute the Great in "Knýtlinga saga".

Nosova E.S. The transformation of Thor`s image in expansion of Christian faith.

Malkov V.A. A River in a Traditional Diplomatic Ritual of the Early Middle Ages.

Kapsalykova K. R. The image of "sleeping military commander" in Byzantine historical literature, X - XI c..

Danilov E.S. The Iconography of Securitas in Chartres Cathedral .

Dragunov A.D. The formation of the ideal image of a Knights Templar.

Fesenko A.V. The mythological selfidentity of the French knights.

Baltodano Usarov Allan Serge Niccolo Machiavelli. Belief in Virtue and Fortuna.

Penionzhak E.V. Mysticism in the intellectual history of the Middle Ages .

Section III. MATERIAL CULTURE AND SOCIALDYNAMICS MEDIEVAL SOCIETY

Buldakov V.A. The role of the creation of the Armenian alphabet in the Christianization of Armenia in the V century B.C. .

Zemlyakov M.V. On the dependent ranks of Anglo-Saxon England from the 2nd half of the X to the 1st half of the XI centuries: A survey of Rectitudines singularum personarum.

Borovkov D.S. Beriotoi: to the question about bureaucratic dynasties in the Byzantine Empire in the XI –XII centuries.

Galyamichev A.N. The German urban colonization in Bohemia: stages and histirolcal consequenses .

Lapshov P.N. Participation of Kutna Hora's patricians in the political struggle in the Bohemia at the beginning of the XIV century .

Fedorovich M.Y. The German Habsburgs and the liberation struggle of the Netherlands in the middle of the XVI century.

Gorokhova A.V. Bess Throkmorth – the Gentelwomen of Elizabeth I.

Smirnova M.G. The reflection of the history of medieval Dobrudja in the image of the Gagauzes past.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

СЕМЁНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Труды X Всероссийской научной конференции с международным участием
памяти профессора В.Ф. Семёнова
(«Семёновские чтения»)
5 декабря 2015

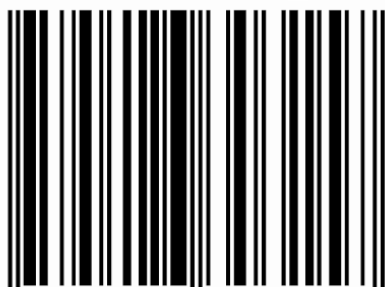
Авторская редакция

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования
МПГУ

119571 Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446
Тел.:(499) 730-38-61
E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 28.12.2015. Формат 60x90/16.
Бум. Офсетная. Печать цифровая. Объем 9,1 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 487.

ISBN 978-5-4263-0315-7

9 785426 303157